

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ЧАРЛЬЗА
ДИККЕНСА

КНИГА 18.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
къ журналу
„ПРИРОДА И ЛЮДИ“
1909 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

НѢТЬ ПРОХОДА.

БОРДИНГЪ-ГАУЗЪ.

П Е Р Е В О Д ъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. А. Орлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА
Стремянная, собств. д. № 12,

Оглавленіе.

	Стр.
НѢТЬ ПРОХОДА.	
Передъ поднятїемъ занавѣса.	5
Дѣйствіе I. Занавѣсъ поднимается.	10
Является экономка	18
Экономка говоритъ.	20
На сценѣ новыя дѣйствующія лица.	30
Уайльдингъ уходитъ.	45
Дѣйствіе II. Вендэль ухаживаетъ.	58
Вендэль получаетъ дурныя новѣстія.	74
Дѣйствіе III. Въ долину.	86
Въ горахъ.	98
Дѣйствіе IV. Часы-замокъ	109
Побѣда Обенрейцера.	118
Занавѣсъ падаетъ.	126
<hr/>	
БОРДИНГЪ-ГАУЗЪ.	130

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Повѣсть „Пять прохода“ была написана въ 1867 г. Уилки Коллинзомъ совмѣстно съ Ч. Диккенсомъ; при этомъ исключительно Диккенсомъ были написаны только „Передъ поднятіемъ занавѣса“ и „Третье дѣйствіе“, Коллинзъ же писалъ первое и четвертое дѣйствія совмѣстно съ Диккенсомъ, и цѣлкомъ—второе.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мистеръ Бинтрей, повѣренный въ дѣлахъ мистера Вальтера Уайльдинга.

Госпожа Доръ, пожилая компаньонка Маргариты.

Мисисъ Сара Гольдстроо („Салли“), экономка мистера Уайльдинга.

Мистеръ Джэrvисъ, клеркъ.

Джозефъ Ледль, главный надсмотрщикъ надъ погребамы у Уайльдинга и Б°.

Г. Жюль Обенрейцеръ, лондонскій агентъ одной швейцарской фирмы.

Миссъ Маргарита Обенрейцеръ, его племянница.

Мистеръ Джорджъ Вендэль, компаньонъ фирмы Уайльдингъ и Б°.

Маître Фохтъ, симпатичный старичекъ, главный нотаріусъ Невшателя.

Мистеръ Вальтеръ Уайльдингъ, виноторговецъ.

НѢТЪ ПРОХОДА.

Перев. М. А. Дьяконова.

ПЕРЕДЪ ПОДНЯТИЕМЪ ЗАНАВѢСА.

День мѣсяца и года—30-ое ноября 1835 г. Лондонское время на большихъ часахъ собора Св. Павла десять часовъ вечера. Всѣ меньшія лондонскія церкви прочищаютъ свои металлическія глотки. Нѣкоторыя торопятся начать немного раньше тяжелаго колокола большого собора, другія отстаютъ на три, четыре, полдюжины ударовъ; всѣ онѣ даютъ довольно согласный аккордъ и оставляютъ въ воздухѣ отзвукъ, словно крылатый отецъ, пожирающій своихъ дѣтей, звонко взмахнулъ своей гигантской косой, пролетая надъ городомъ.

Что это за часы, ниже большей части другихъ и ближе къ уху, которыя сегодня вечеромъ такъ сильно отстали отъ другихъ, что одиноко отбиваютъ свои удары? Это часы Воспитательнаго Дома для подкидышей. Было время, когда подкидышей принимали безъ всякихъ разспросовъ въ колыбельку у воротъ. Но теперь о нихъ разспрашиваютъ и ихъ принимаютъ точно изъ милости отъ матерей, которыя отказываются отъ своего вполне естественнаго желанія получить о нихъ свѣдѣнія и навсегда лишаются всѣхъ правъ на своихъ дѣтей.

Полный мѣсяцъ сіяетъ и ночь прекрасна со своими легкими облачками. Но день вовсе не былъ прекрасенъ, такъ какъ слякоть и грязь, увеличившіяся еще отъ осѣвшихъ капель тяжелаго тумана, лежатъ чернымъ покровомъ на улицахъ. Той дамѣ подъ вуалемъ, которая ходитъ въ волненіи взадъ и впередъ около заднихъ воротъ Воспитательнаго Дома, нужно было бы сегодня хорошенько обуть свои ноги.

Она ходитъ въ волненіи взадъ и впередъ, избѣгая проходить мимо стоянки наемныхъ каретъ и часто останавливается въ тѣни западнаго угла большой четырехугольной стѣны, повернувшись лицомъ къ воротамъ. Надъ ея головою непорочное небо, залитое луннымъ сіяніемъ, а подъ ея ногами грязь мостовой; не могъ

ли также, подобно этому, ея умъ раздѣлится между двумя заключеніями, на которыя наводитъ размышленіе или опытъ? Подобно тому, какъ ея слѣды, пересѣкаясь и перекрещиваясь другъ съ другомъ, образовали на грязи цѣлый лабиринтъ, такъ не сбился ли, быть можетъ, и ея жизненный путь въ запутанный и безпорядочный клубокъ?

Заднія ворота Воспитательнаго Дома отворяются, и изъ нихъ выходитъ молодая женщина. Дама стоитъ въ сторонѣ, слѣдитъ за всѣмъ, видитъ, что ворота снова тихо затворяются извнутри и идетъ слѣдомъ за молодой женщиной.

Двѣ или три улицы были пройдены въ полномъ молчаніи, пока, наконецъ, она, слѣдуя очень близко за предметомъ своего вниманія, не протягиваетъ руки и не касается молодой женщины. Тогда та останавливается и, вздрогнувъ, оборачивается.

— Вы дотрагивались до меня и вчера вечеромъ, но когда я обернулась, то вы не хотѣли говорить. Зачѣмъ вы ходите за мной, какъ безмолвный духъ?

— Я не говорила не потому, что не хотѣла,—отвѣтила дама тихимъ голосомъ,—а потому, что не могла, хотя и пыталась.

— Что вамъ надо отъ меня? Можетъ быть, я когда-нибудь сдѣлала вамъ что-нибудь дурное?

— Нѣтъ, никогда.

— Знаю я васъ?

— Нѣтъ.

— Тогда, что же вамъ надо отъ меня?

— Вотъ въ этой бумажкѣ двѣ гинеи. Возьмите отъ меня этотъ ничтожный маленькій подарокъ, и тогда я расскажу вамъ.

Честное и пригожее лицо молодой женщины покрывается краской, когда она произноситъ:—Во всемъ громадномъ зданіи, гдѣ я служу, нѣтъ ни одного человѣка, ни взрослога, ни ребенка, у котораго не нашлось бы добраго слова для Салли. Салли—это я. Развѣ обо мнѣ стали бы хорошо думать, если бы меня можно было подкупить?

— Я не намѣреваюсь подкупать васъ; я только хотѣла вознаграждать васъ, предложивъ вамъ очень немного денегъ.

Салли твердо, но не грубо, закрываетъ и отводитъ отъ себя протянутую руку.—Если я что-нибудь и могу сдѣлать для васъ, мадамъ, и еслибы я и могла сдѣлать этого ради васъ самихъ, то вы очень ошибаетесь во мнѣ, думая, что я сдѣлаю это за деньги. Чего же вы хотите?

— Вы одна изъ нянекъ или служанокъ въ Воспитательномъ Домѣ; я видѣла, какъ вы выходили оттуда сегодня вечеромъ, да и вчера вечеромъ.

— Да. Я Салли.

— На вашемъ лицѣ лежитъ отпечатокъ ласковаго терпѣнія,

и это заставляет меня думать, что очень маленькія дѣти быстро привыкають къ вамъ.

— Благослови ихъ Боже. Да, они привыкають.

Дама приподнимаетъ свой вуаль и открываетъ лицо, которое кажется не старше лица Салли, лицо гораздо болѣе изящное и интеллигентное, чѣмъ у той, но истомленное и удрученное горемъ.

— Я несчастная мать одного недавно принятаго на ваше попеченіе ребенка. Я обращаюсь къ вамъ съ мольбой.

Инстинктивно уважая то довѣріе, съ которымъ былъ поднятъ вуаль, Салли, пути которой—всегда пути простоты и сердечности, снова опускаетъ его и начинаетъ плакать.

— Вы выслушаете мою мольбу?—настаиваетъ дама.—Вы не будете глухи къ отчаянной просьбѣ такой просительницы съ разбитымъ сердцемъ, какъ я?

— Боже, Боже, Боже мой!—плачетъ Салли.—Что я скажу, что я могу сказать! Не говорите о мольбахъ. Мольбы возносятся къ Благому Отцу всего земного, а не къ нянямъ, вродѣ меня. И постойте! Я еще пробуду на своемъ мѣстѣ только полъ-года, пока другая молодая женщина не сможетъ подучиться. Я собираюсь выйти замужъ. Я не должна была бы уходить со двора вчера вечеромъ и не должна была бы уходить и сегодня, но мой Дикъ (это тотъ молодой человѣкъ, за котораго я выхожу замужъ) лежитъ больной, и я помогаю его матери и сестрѣ ухаживать за нимъ. Не хватайтесь за меня такъ, не хватайтесь за меня!

— О добрая, милая Салли, — стонетъ дама, цѣпляясь съ мольбой за ея платье. — Вы полны надеждъ, а я въ отчаяніи; предъ вами лежитъ прекрасный жизненный путь, который уже никогда, никогда не сможетъ открыться передо мною; вы можете считать надежду стать уважаемой женой и матерью. Вы полная жизни, влюбленная женщина, но и вы должны умереть. Ради Бога, выслушайте мою горестную просьбу!

— О, Боже, Боже, Боже мой!—плачетъ Салли, причемъ ея отчаяніе доходитъ до величайшихъ предѣловъ при произнесеніи мѣстоименія,—но что же я должна сдѣлать? И потомъ! Смотрите, какъ вы обратили противъ меня мои же собственные слова. Я сказала вамъ, что собираюсь выходить замужъ, чтобы сдѣлать для васъ понятнѣе, отчего я оставляю свое мѣсто и почему не могу помочь вамъ, бѣдняжка, если-бы даже хотѣла; а вы говорите такъ, словно я сама настолько жестока, что выхожу замужъ и не помогаю вамъ. Это нехорошо. Ну, развѣ это хорошо, моя бѣдняжка?

— Салли! Выслушайте меня, моя дорогая. Моя мольба не о будущей помощи. Она касается того, что уже прошло. Ее можно передать въ двухъ словахъ.

— Ну, вотъ! Это еще того хуже,—воскликаетъ Салли,—вы

думаете, что я понимаю, что вы подразумеваете подъ этими двумя словами.

— Вы понимаете. Какое имя дали они моему бѣдному ребенку? Я ни о чемъ больше не спрошу кромѣ этого. Я читала о правилахъ Воспитательнаго Дома. Онъ былъ окрещенъ въ часовнѣ и занесенъ въ списки подъ какимъ нибудь именемъ. Онъ былъ принятъ въ прошлый понедѣльникъ вечеромъ. Какъ они его назвали? — И въ своей страстной мольбѣ дама опустила въ на колѣни въ вонючую грязь улицы, по которой онѣ бродили—пустынной улицы безъ прохода, выходящей на темный садъ Воспитательнаго Дома—но Салли удерживаетъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы заставляете меня чувствовать, словно я хвалилась своей добротой. Дайте мнѣ еще разъ взглянуть въ ваше милое лицо. Положите свои обѣ руки въ мои. Теперь, обѣщайте. Вы никогда не спросите меня ни о чемъ больше, кромѣ этихъ двухъ словъ?

— Никогда, никогда!

— Вы никогда не станете употреблять ихъ во вредъ, если я скажу ихъ?

— Никогда, никогда!

— Вальтеръ Уайльдингъ.

Дама опускаетъ свою голову на грудь няни, крѣпко сжимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ, шепчетъ благословеніе, произноситъ слова: „Поцѣлуйте его за меня“, и уходитъ.

День мѣсяца — первое октябрьское воскресенье 1847 года. Лондонское время на большихъ часахъ собора Св. Павла—половина второго пополудни. Часы Воспитательнаго Дома для подкидышей сегодня въ полномъ согласіи съ соборными. Служба въ часовнѣ окончена и подкидыши обѣдаютъ.

Какъ обыкновенно, за обѣдомъ присутствуетъ много зрителей. Здѣсь два или три попечителя, цѣлыя семейства прихожанъ, меньшія группы лицъ обоего пола, отдѣльные посѣтители разнаго положенія. Яркое осеннее солнце бодро проникаетъ въ палаты Воспитательнаго Дома; и окна въ тяжелыхъ рамахъ, черезъ которыя оно свѣтитъ и обшитыя панелями стѣны, на которыя оно падаетъ, словно съ картинъ Гогарта. Столовая дѣвочекъ (въ которой также обѣдаютъ самыя маленькія дѣти) привлекаетъ всеобщее вниманіе. Опрятныя служанки молча скользятъ около тихихъ и молчаливыхъ столовъ; зрители ходятъ или останавливаются, гдѣ имъ заблагоразсудится; нерѣдко дѣлаются замѣчанія шопотомъ о наружности такого то номера отъ такого то окна; есть много такихъ лицъ, которыя способны привлечь къ себѣ вниманіе. Нѣкоторые изъ посѣтителей — обычные посѣтители. Они завязали мимолетное знакомство съ нѣкоторыми изъ дѣвочекъ, сидящихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ за столами и останавлива-

ваются около нихъ, чтобы нагнуться и сказать одно-два слова. Ихъ доброту ничуть нельзя уменьшить тѣмъ, что эти мѣста заняты наиболѣе привлекательными дѣвочками. Монотонность длинныхъ просторныхъ комнатъ и двойныхъ линій лицъ пріятно нарушается этими инцидентами, какъ бы они ни были незначительны.

Какая то дама подъ вуалемъ ходитъ безъ спутника посреди толпы. Замѣтно, что никогда еще ее не приводило сюда ни любопытство, ни случай. У нея такой видъ, словно она немного смущена зрѣлищемъ, и когда она проходитъ вдоль столовъ, то походка выдаетъ ея нерѣзительность и неловкость въ манерахъ. Наконецъ, она подходитъ къ столовой мальчиковъ. Они настолько менѣе популярны дѣвочекъ, что въ этой столовой совершенно нѣтъ посѣтителей, когда дама заглядываетъ въ двери.

Но какъ разъ въ дверяхъ случайно стоитъ наблюдающая за столовой пожилая служанка: нѣчто въ родѣ сидѣлки или экономки. Дама обращается къ ней съ обычнымъ вопросомъ: сколько здѣсь мальчиковъ? Въ какомъ возрастѣ они обыкновенно начинаютъ самостоятельную жизнь? Часто ли они имѣютъ влеченіе къ морю? Такъ продолжаетъ она все тише и тише, пока не задаетъ вопроса: — „Который изъ нихъ Вальтеръ Уайльдингъ?“

Служанка качаетъ головой. Это противъ правилъ.

— Вы знаете, который Вальтеръ Уайльдингъ?

Служанка чувствуетъ на себѣ такъ ясно пристальный взглядъ дамы, изучающей ея лицо, что опускаетъ свои глаза внизъ, боясь, чтобы они не выдали ея взглядомъ въ томъ направленіи, гдѣ сидитъ мальчикъ.

— Я знаю, который Вальтеръ Уайльдингъ, мадамъ, но я здѣсь вовсе не за тѣмъ, чтобы говорить посѣтителямъ имена дѣтей.

— Но вы можете показать мнѣ его, не называя.

Рука дамы тихонько приближается къ рукѣ служанки. Пауза и молчаніе.

— Я буду сейчасъ обходить столы, — говоритъ собесѣдница дамы, повидимому не обращаясь къ ней. — Слѣдите за мной вашимъ взоромъ. Мальчикъ, около котораго я остановлюсь и съ которымъ заговорю, не имѣетъ къ вамъ никакого отношенія. Но мальчикъ, до котораго я дотронуся, и есть Вальтеръ Уайльдингъ. Не говорите больше со мной и отойдите немного въ сторону.

Быстро слѣдуя собѣту, дама проходитъ въ комнату и смотритъ по сторонамъ. Спустя нѣсколько минутъ, служанка идетъ степенной официальной походкой вглубь столовой вдоль линій столовъ, начиная съ лѣвой руки. Она проходитъ по всей линіи, поворачиваясь назадъ и возвращается съ другой стороны. Бросивъ очень бѣглый взглядъ въ томъ направленіи, гдѣ стоитъ дама, она останавливается, наклоняется впередъ и говоритъ. Мальчикъ, къ которому она обращается, поднимаетъ свою голову и отвѣчаетъ ей.

Очень добродушно и спокойно слушая, что онъ ей говорить, она кладетъ свою руку на плечо слѣдующаго мальчика справа.

Чтобы ея движеніе было лучше замѣчено, она держитъ свою руку на его плечѣ все время, пока разговариваетъ въ полъ оборота, и похлопываетъ его по плечу два или три раза, прежде чѣмъ уйти. Она кончаетъ свой обходъ столовъ, не прикасаясь больше ни къ кому, и выходитъ въ дверь въ противоположномъ концѣ длинной комнаты. Обѣдъ оконченъ, и дама, въ свою очередь, идетъ вглубь линии столовъ, начиная съ лѣвой стороны, проходитъ вдоль всѣхъ столовъ, поворачиваетъ и возвращается назадъ съ другой стороны. На ея счастье, въ столовую забрели другіе посѣтители и стоятъ кругомъ, разбившись на кучки. Она поднимаетъ свой вуаль и, остановившись около того мальчика, до котораго дотронулась служанка, спрашиваетъ, сколько ему лѣтъ.

— Двѣнадцать, мадамъ,—отвѣчаетъ онъ, смотря своими ясными глазами въ ея глаза.

— Вы здоровы и счастливы?

— Да, мадамъ.

— Можете вы взять отъ меня эти сладости?

— Если вамъ угодно дать ихъ мнѣ.

Низко нагнувшись, чтобы передать ихъ, дама касается лица мальчика своими лбомъ и волосами. Затѣмъ, снова опустивъ свой вуаль, она проходитъ дальше и, не оборачиваясь, уходитъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Занавѣсъ поднимается.

Въ Лондонскомъ Сити, во дворѣ черезъ который не было прохода ни для экипажей, ни для пѣшеходовъ, во дворѣ, выходящемъ на крутую, скользкую и извилистую улицу, соединяющую Тауэрстритъ съ Миддлсекскимъ берегомъ Темзы, находилось мѣстопробываніе торговаго дома „Уайльдингъ и К^о, Виноторговцы“. Вѣроятно какъ шутивное признаніе всевозможныхъ препятствій на этомъ главномъ пути, мѣсто, ближайшее къ тому пункту, отъ котораго можно было бы пройти къ рѣкѣ (если только кто не бѣится за свое обоняніе) носило названіе Лѣстницы-Головоломки. Точно также и самый дворъ въ старое время носилъ выразительное названіе Угла Увѣчныхъ.

За нѣсколько лѣтъ до 1861 года, жители перестали нанимать лодки у Лѣстницы-Головоломки, а лодочникъ стоялъ здѣсь. Маленькая плотина, покрытая тиной, погрузилась въ рѣку въ медленномъ самоубійственномъ процессѣ и двѣ или три старыхъ сваи, да ржавое желѣзное кольцо для причала—вотъ все, что осталось отъ былой славы Лѣстницы-Головоломки. Впрочемъ, иногда здѣсь ударяется о берегъ тяжелая барка съ углемъ и появляется нѣ-

сколько трудолюбивых угольщиковъ, повидимому, созданныхъ изъ грязи; они выгружаютъ по сосѣдству свой грузъ, оттаиваются отъ набережной и исчезаютъ; но по большей части сношеніе съ Лѣстницей-Головоломкой возникаетъ только при перевозкѣ бочекъ и бутылокъ, какъ полныхъ, такъ и пустыхъ, какъ въ погреба, такъ и изъ погребовъ Уайльдинга и К°, Винторговцевъ. Но даже и это сношеніе бываетъ только случайнымъ, и во время трехъ четвертей своихъ приливовъ, грязная, безобразная муть рѣки одиноко поднимается, тихо проскальзываетъ сквозь ржавое кольцо и покрываетъ его, словно она слышала о Дождѣ и Адриатикѣ и хотѣла бы быть обыкновенной съ великимъ хранителемъ своей нечистоты, высокопочтимымъ лордъ-мэромъ.

Въ какихъ-нибудь двухстахъ пятидесяти ярдахъ направо на противоположномъ холмѣ, (если приближаться къ нему снизу отъ Лѣстницы-Головоломки) находился Уголь Увѣчныхъ. Въ Углу Увѣчныхъ былъ насосъ, въ Углу Увѣчныхъ росло дерево. Весь Уголь Увѣчныхъ принадлежалъ Уайльдингу и К°, Винторговцамъ. Ихъ погреба были прорыты подъ нимъ, а ихъ замокъ возвышался надъ нимъ.

Это въ самомъ дѣлѣ былъ замокъ въ тѣ дни, когда купцы обитали въ Сити и имѣли парадный навѣс надъ входною дверью, висѣвшій безъ всякихъ видимыхъ подпорокъ, въ родѣ того, который дѣлался для резонанса надъ старинными церковными кафедрами. Онъ имѣлъ также множество длинныхъ узкихъ оконъ, словно полоски, которыя были такъ расположены по его тяжелому кирпичному фасаду, что дѣлали его симметричнымъ до безобразія. На его крышѣ былъ также куполь, а въ немъ колоколь.

— Когда человѣкъ 25 лѣтъ можетъ надѣть свою шляпу и сказать: „Эта шляпа покрываетъ голову владѣльца этой собственности и дѣлѣ, которыя ведутся съ этой собственностью“, то я считаю, мистеръ Бинтрей, что, не будучи хвастливымъ, такой человѣкъ можетъ имѣть право чувствовать себя глубоко благодарнымъ. Я не знаю, какъ это вамъ можетъ показаться, но такъ это кажется мнѣ.

Такъ говорилъ Мистеръ Вальтеръ Уайльдингъ своему повѣренному въ дѣлахъ въ своей собственной конторѣ, снявъ свою шляпу съ крючка для иллюстраціи словъ на дѣлѣ и повѣсивъ ее опять по окончаніи своей рѣчи, чтобы не выйти за предѣлы врожденной ему скромности.

Простодушный, откровенный человѣкъ, имѣющій немножко странный видъ—таковъ мистеръ Вальтеръ Уайльдингъ съ его замѣчательнымъ розово-бѣлымъ цвѣтомъ лица и съ фигурой очень узенькой для такого молодого члвѣка, хотя хорошаго сложенія. У него вьющіяся капитановыя волосы и пріятные ясные

голубые глаза. Это чрезвычайно сообщительный человек; человек, у которого болтливость была неудержимым излиянием выражений довольства и благодарности. По другую сторону, мистер Бинтрей, осторожный человек, с двумя подмигивающими бусами вместо глаз на огромной лысой головѣ, который внутренно очень сильно потѣшался надъ комичностью откровенной рѣчи, жестовъ и чувствъ Уайльдинга.

— Да,—сказала мистеръ Бинтрей.—Ха, ха—ха!

На конторкѣ стояли графинъ, два винныхъ стакана и тарелка съ бисквитами.

— Вамъ нравится этотъ сорока-пятилѣтній портвейнъ? — спросилъ мистеръ Уайльдингъ.

— Нравится?—повторилъ мистеръ Бинтрей.—Очень, сэръ!

— Онъ изъ лучшаго угла нашего лучшаго сорока-пятилѣтняго отдѣленія,—сказала мистеръ Уайльдингъ.

— Благодарю васъ, сэръ,—отвѣтилъ мистеръ Бинтрей;—онъ прямо превосходенъ.—Онъ снова засмѣялся, поднявъ свой стаканъ и посмотрѣвъ на него украдкой, надъ очень забавной мыслью подать на столъ такое вино.

— И теперь,—сказала Уайльдингъ, съ дѣтскимъ удовольствіемъ, наслаждаясь дѣловыми разговорами,—я думаю, что мы прямо всего добились, мистеръ Бинтрей!

— Прямо всего,—сказала Бинтрей.

— Компаньонъ гарантированъ.

— Компаньонъ гарантированъ,—сказала Бинтрей.

— Объ экономкѣ сдѣлана публикація.

— Объ экономкѣ сдѣлана публикація,—сказала Бинтрей:— „обращаться лично въ Уголь Увѣчныхъ, Тауэръ-Стритъ, отъ десяти до двѣнадцати“—значить, завтра, кстати.

— Дѣла моей дорогой покойной матери приведены въ порядокъ...

— Приведены въ порядокъ,—подтвердилъ Бинтрей.

— И всѣ долги уплачены.

— И всѣ долги уплачены,—сказала Бинтрей и фыркнулъ; вѣроятно, его разсмѣшило то забавное обстоятельство, что они были уплачены безъ недоразумѣній.

— Упоминаете о моей дорогой покойной матери,—продолжалъ Уайльдингъ съ глазами полными слезъ, которыя онъ осушалъ своимъ носовымъ платкомъ,—все еще приводитъ меня въ уныніе, мистеръ Бинтрей. Вы знаете, какъ я любилъ ее; вы (ея повѣренный въ дѣлахъ) знаете, какъ она меня любила. Въ нашихъ сердцахъ хранилась самая сильная любовь матери и сына, и мы никогда не испытывали ни одного момента несогласія или несчастья съ того времени, какъ она взяла меня подъ свое попеченіе. Тринадцать лѣтъ всего! Тринадцать лѣтъ подъ попеченіемъ

моей дорогой покойной матери, мистеръ Бинтрей, и восемь изъ нихъ ея признаннымъ конфиденціально сыномъ! Вы знаете, мистеръ Бинтрей, эту исторію, кто можетъ знать ее лучше васъ, сэръ!—Мистеръ Уайльдингъ всхлипывалъ и вытиралъ свои глаза во время этой рѣчи, не пытаясь скрыть этого.

Мистеръ Бинтрей потѣшался надъ своимъ забавнымъ портвейномъ и сказалъ, опрокинувъ его въ свой ротъ:—Да, я знаю эту исторію.

— Моя дорогая покойная мать, мистеръ Бинтрей,—продолжалъ виноторговецъ,—была глубоко обманута и жестоко страдала. Но, что касается этого, уста моей дорогой покойной матери были всегда подъ печатью молчанія. Кѣмъ она была обманута и при какихъ обстоятельствахъ,—это вѣдомо только одному Небу. Моя дорогая покойная мать никогда не измѣняла своему измѣннику.

— Она пришла къ опредѣленному выводу;—сказалъ мистеръ Бинтрей, снова смакуя вино, — и могла успокоиться. — Забавное подмигиваніе его глазъ довольно откровенно добавило: „Это хоть и дьявольская участь, но все же она лучше той, которая когда либо выпадетъ на твою долю!“

— Чти,—сказалъ мистеръ Уайльдингъ, всхлипывая во время ссылки на эту заповѣдь,—отца твоего и мать твою, да долголѣтень будешь на земли. Когда я былъ въ Воспитательномъ Домѣ, мистеръ Бинтрей, то я ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ мнѣ выполнить эту заповѣдь, и боялся, что не буду долголѣтень на земли. Но послѣ этого я сталъ глубоко, всей душой, чтить свою мать. И я чтю и благоговѣю передъ ея памятью. Вѣдь, втеченіе семи счастливыхъ лѣтъ, мистеръ Бинтрей,—продолжалъ Уайльдингъ, все еще съ тѣмъ же самымъ дѣтскимъ всхлипываньемъ и съ тѣми же самыми откровенными слезами,—я былъ благодаря моей дорогой матери, компаньономъ у моихъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ, Пebbльсонъ Племянникъ. Кромѣ того, нѣжная предупредительность заставила ее отдать меня въ ученіе къ Компаніи Виноторговцевъ, и въ свое время сдѣлала изъ меня самостоятельнаго виноторговца, и... и... сдѣлала все другое, что могла бы только пожелать лучшая изъ матерей. Когда я сталъ совершеннолѣтнимъ, она вложила свою насѣдственную долю въ это предпріятіе на мое имя; это на ея средства была впоследствии выкуплена фирма Пebbльсона Племянникъ и измѣнена въ фирму Уайльдинга и К^о; это она оставила мнѣ все, что имѣла, кромѣ траурнаго кольца, которое вы носите. И вотъ, мистеръ Бинтрей,—новый взрывъ честной печали,—ея нѣтъ болѣе! Немного больше полгода прошло съ тѣхъ поръ, какъ она приходила въ Уголь, чтобы своими собственными глазами прочесть на дверномъ косякѣ: „Уайльдингъ и К^о, Виноторговцы“. И вотъ ея ужъ нѣтъ болѣе!

— Печально, но это общій жребій, мистеръ Уайльдингъ,—за-мѣтилъ Бинтрей.—Рано или поздно мы всё должны будемъ пре-кратить свое существованіе.—Въ это всеобщее правило онъ вклю-чилъ и сорока-пятилѣтній портвейнъ и съ наслажденіемъ вздох-нулъ.

— И вотъ теперь, мистеръ Бинтрей, — продолжалъ Уайль-дингъ, отложивъ въ сторону свой носовой платокъ и осушая паль-цами свои вѣки,—теперь, когда я не могу уже больше выказывать своей любви и уваженія моей дорогой родительницѣ, къ которой мое сердце было таинственно расположено силою Рока съ той самой минуты, когда она, незнакомая дама, впервые заговорила со мной за нашимъ воскреснымъ обѣденнымъ столомъ въ Воспи-тательномъ Домѣ, я могу, по крайшей мѣрѣ, доказать, что во-все не стыжусь того, что былъ подкидышемъ и что я, никогда не знавшій своего собственнаго отца, хочу стать отцомъ для всѣхъ моихъ служащихъ. Поэтому, — продолжалъ Уайльдингъ, приходя въ восторгъ отъ своей заботливости, — поэтому мнѣ нужна очень хорошая экономка, которая взяла бы на себя всѣ заботы объ этомъ жилищѣ Уайльдинга и К°, Виноторговцевъ, Уголь Увѣчныхъ, такъ, чтобы я могъ возстановить въ немъ нѣкоторые изъ прежнихъ от-ношеній, существовавшихъ между нанимателемъ и нанимаемымъ! Такъ, чтобы я могъ ежедневно сидѣть во главѣ стола, за кото-рымъ ѣдятъ мои служащіе, всѣ вмѣстѣ, и могъ ѣсть то же са-мое жаркое и горячее и пить то же самое пиво! Такъ, чтобы мои служащіе могли жить подъ одной и той же крышей со мной! Такъ, чтобы мы могли, каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ... Я прошу извинить меня, мистеръ Бинтрей, но у меня внезапно начался этотъ прежній шумъ въ головѣ, и я буду вамъ очень обязанъ, если вы ответите меня къ насосу.

Обезпокоенный чрезвычайной краснотой лица своего собесѣд-ника, мистеръ Бинтрей, не теряя ни одной минуты, вывелъ его на дворъ.

Это было нетрудно сдѣлать, такъ какъ контора, въ ко-торой они оба бесѣдовали, выходила прямо во дворъ, находясь въ боковой части зданія. Тамъ стряпчій охотно сталъ качать насосъ, повинувся знаку кліента, а кліентъ началъ мочить себѣ голову и лицо обѣими руками и выпить порядочный глотокъ хо-лодной воды.

Послѣ этихъ средствъ онъ объявилъ, что чувствуетъ себя много лучше.

— Не позволяйте вашимъ добрымъ чувствамъ волновать васъ,—сказалъ Бинтрей, когда онъ вернулся въ контору, и ми-стеръ Уайльдингъ сталъ вытирать лицо длиннымъ полотенцемъ стоя позади двери, идущей изъ конторы во внутреннія комнаты помѣщенія.

— Нѣтъ, нѣтъ, не буду,—отвѣчалъ тотъ, выглядывая изъ-за полотенца.—Я не буду. Я не путался, въ словахъ, а?

— Ничуть не бывало. Все было совершенно ясно.

— На чемъ я остановился, мистеръ Винтрей?

— Да вы остановились,—но я не сталъ бы волновать себя, будь я на вашемъ мѣстѣ, начиная сейчасъ же снова говорить объ этомъ.

— Я буду остороженъ. Я буду остороженъ. На какомъ мѣстѣ, мистеръ Винтрей, начался у меня шумъ въ головѣ?

— На жаркомъ, горячемъ и пивѣ,—отвѣчалъ повѣренный, подсказывая:—жизнь подъ одной ~~той~~ той же крышей— и каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ...

— Ага! И каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ шумѣли бытъ головѣ...

— Знаете, я въ самомъ дѣлѣ не сталъ бы позволять своимъ добрымъ чувствамъ волновать себя, будь я на вашемъ мѣстѣ— снова боязливо намекнулъ повѣренный.—Попробуйте-ка еще немного пройтись къ насосу.

— Не надо, не надо. Все въ порядкѣ, мистеръ Винтрей. И каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ образовали бы какъ бы одно семейство! Вы понимаете, мистеръ Винтрей, мнѣ въ дѣтствѣ не пришлось испытать того вида индивидуальнаго существованія, которое такъ или иначе испытала большая часть людей во время своего дѣтства. Послѣ этого времени я былъ всецѣло поглощенъ своей дорогой покойной матерью. Потерявъ ее, я прихожу къ такому выводу, что я болѣе пригоденъ, чтобы быть частью какаго нибудь цѣлага, чѣмъ существовать самъ по себѣ. Быть этой частью и въ то же время исполнять свой долгъ по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые зависятъ отъ меня и привязать ихъ къ себѣ—въ этомъ есть что-то патріархальное и прекрасное. Я не знаю, какъ это можетъ вамъ показаться, мистеръ Винтрей, но такъ это кажется мнѣ.

— Но въ этомъ случаѣ не мнѣ должно принадлежать рѣшеніе, а вамъ,—возразилъ Винтрей.—Слѣдовательно, какъ это можетъ мнѣ показаться, имѣетъ очень ничтожное значеніе.

— Мнѣ это кажется,—сказалъ съ жаромъ мистеръ Уайлдингъ,—подающимъ большія надежды, полезнымъ, восхитительнымъ!

— Знаете,—снова намекнулъ повѣренный,—я въ самомъ дѣлѣ не сталъ бы вол...

— Я и не волнуюсь. Затѣмъ, вотъ Гендель...

— Затѣмъ, кто?—спросилъ Винтрей.

— Гендель, Моцартъ, Гайднъ, Кентъ, Пэрселль, докторъ Эрнъ, Гринъ, Мендельсонъ. Я знаю наизусть хоры этихъ антифоновъ.

Сборникъ Часовни Воспитательнаго Дома. Почему бы намъ не разучить ихъ совмѣстно?

— Кому это намъ?—спросилъ повѣренный довольно рѣзко.

— Нанимателю и нанимаемому.

— Ага!—воскликнулъ успокоенный Бинтрей, словно онъ почти ожидалъ, что послѣдуетъ отвѣтъ: „стрипчему и его кліенту“.—Это другое дѣло.

— Вовсе не другое дѣло, мистеръ Бинтрей! То же самое. Это одна изъ тѣхъ связей, которыя будутъ существовать между нами. Мы составимъ хоръ въ какой нибудь тихонькой церкви, здѣсь около Угла и, пропѣвъ съ удовольствіемъ совмѣстно воскресную службу, будемъ возвращаться домой, гдѣ съ удовольствіемъ сидѣмъ вмѣстѣ за ранній обѣдъ. Я питаю теперь въ глубинѣ души надежду привести эту систему безъ отсрочки въ надлежащее дѣйствіе съ тѣмъ, чтобы мой новый компаньонъ могъ найти ее уже утвердившейся, когда онъ вступитъ въ нашу фирму.

— Пожелаемъ ей всего хорошаго! — воскликнулъ Бинтрей, вставая. — Пусть она процвѣтаетъ! А Джозъ Лэдль будетъ принимать участіе въ Гнеделѣ, Моцартѣ, Гайднѣ, Кентѣ, Перселлѣ, докторѣ Эрнѣ, Гринѣ и Мендельсонѣ?

— Я надѣюсь.

— Желаю имъ всеѣмъ не пострадать отъ этого,—замѣтилъ Бинтрей съ большой сердечностью.—Прощайте, сэръ!

Они пожали другъ другу руки и разстались. Затѣмъ, (постучавши сперва въ дверь согнутымъ пальцемъ, чтобы получить разрѣшеніе) вошелъ къ м-ру Уайльдингу черезъ дверь, соединявшую его собственную контору, съ той, въ которой сидѣли клерки, главный погребщикъ погребовъ Уайльдинга и К^о, Винторговцевъ, а до этихъ поръ главный погребщикъ погребовъ „Пebbльсонъ Племянникъ“, т. е., тотъ самый Джозъ Лэдль, о которомъ только что говорили. Это неповоротливый и тяжелый человѣкъ, котораго человѣческая архитектура сопричислила къ порядку ломовыхъ, одѣтый въ измятый костюмъ и въ передникъ съ нагрудникомъ, вѣроятно, сдѣланномъ изъ двернаго мата и кожи носорога.

— Я насчетъ этого самаго содержанія и квартиры, молодой мастеръ Уайльдингъ,—сказалъ онъ.

— Что же, Джозъ?

— Если говорить за самого себя, молодой мастеръ Уайльдингъ—а я никогда не говорилъ и не говорю ни за кого другого—то я не нуждаюсь, ни въ содержаніи, ни даже въ квартирѣ. Но, если вамъ хочется содержать меня и дать мнѣ квартиру, будь по вашему. Я могу клевать не хуже другихъ. Гдѣ я клюю, это для меня не такъ ужъ важно, какъ что я клюю. Да и это даже для меня не такъ ужъ важно, какъ сколько я клюю. Это все будутъ жить въ домѣ, молодой мистеръ Уайльдингъ?

Два другихъ погребщика, три носильщика, два ученика и еще кое-кто?

— Да. Я надѣюсь, что мы составимъ единую семью, Джоз.

— А!—сказалъ Джоз.—Я надѣюсь, что они, пожалуй, составятъ.

— Они? Скажите лучше мы, Джоз.

Джоз Лэдль покачалъ головой.—Не обращайтесь ко мнѣ съ этимъ „мы“ въ такомъ дѣлѣ, молодой мастеръ Уайльдингъ, въ мои годы и при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя повліяли на образование моего характера. Я не разъ говаривалъ Пebbльсону Племянику, когда они повторяли мнѣ: „—Гляди на это веселѣй, Джоз!“—я говорилъ имъ:—„Джентльмены, вамъ хорошо говорить:—„гляди веселѣй“—когда вы привыкли вводить вино въ свой организмъ веселымъ путемъ черезъ свои глотки, но, говорю я,—я привыкъ вводить *свое* вино черезъ поры кожи, а, принятое такимъ путемъ, оно оказываетъ совершенно другое дѣйствіе. Оно дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ. Одно дѣло, джентльмены,—говорилъ я Пebbльсону Племянику:—наполнить свои стаканы въ столовой съ криками „гип! ура!“ и съ веселыми собутыльниками,—и другое дѣло наполняться черезъ поры въ темномъ, низкомъ погребѣ и въ воздухѣ, пахнущемъ плѣсенью. Большая разница между пѣнящейся жидкостью и испареніями“,—вотъ что говорилъ я Пebbльсону Племянику. Это я и теперь повторяю. Я былъ всю свою жизнь погребщикомъ и съ головой отдавался своему дѣлу. И что же въ результатѣ? Я пьянъ, какъ можетъ только быть пьянъ живой человѣкъ—вы не найдете человѣка, пьянѣ меня—и тѣмъ не менѣе, вы не найдете человѣка, равнаго мнѣ по меланхоліи. Есть пѣсня о томъ, что надо наливать стаканы полнѣе, такъ какъ каждая капля вина прогоняетъ морщины съ чела, хмураго отъ заботъ. Да, можетъ быть это и вѣрно. Но попробуйте-ка наполняться виномъ черезъ поры, подъ землей, когда вы сами не хотите этого!

— Мнѣ грустно слушать это, Джоз. Я даже думалъ, что вы могли-бы присоединиться къ урокамъ пѣнія въ нашемъ домѣ.

— Я, сэръ? Нѣтъ, нѣтъ, молодой мастеръ Уайльдингъ, вы не увидите Джоз Лэдля упивающимся гармонією. Клевательная машина, сэръ, вотъ все, на чемъ я могу себя проявить внѣ своихъ погребовъ; но я къ вашимъ услугамъ, если вы думаете, что стоитъ труда заниматься такими вещами въ вашемъ помѣщеніи.

— Да, я думаю такъ, Джоз.

— Ну, и не будемъ больше говорить объ этомъ, сэръ. Распоряженіе фирмы—законъ для меня. А вы собираетесь принять Компаньономъ въ прежнюю фирму молодого мастера Вендэля?

— Да, Джозе.

— Ну, вот видите еще перемены! Но не изменяйте опять названія фирмы. Не дѣлайте этого, молодой мастеръ Уайльдингъ. Ужъ и то плохо, что вы изменили ее въ Уайльдингъ и К°. Гораздо было бы лучше оставить прежнее „Пebbльсонъ Племяникъ“, тогда фирмѣ всегда сопутствовало бы счастье. Никогда не слѣдуетъ изменять счастья, когда оно хорошо, сэръ.

— Во всякомъ случаѣ я не имѣю никакого намѣренія изменять снова имя дома, Джозе.

— Радъ слышать это и честь имѣю вамъ кланяться, молодой мастеръ Уайльдингъ. Но вы сдѣлали бы гораздо лучше,—пробормоталъ неслышно Джозе Лэддъ, закрывая за собой дверь и покачивая головой,—если бы оставили одно прежнее имя. Вы сдѣлали бы гораздо лучше, еслибы слѣдовали за счастьемъ, вмѣсто того, чтобы мѣшать ему.

ЯВЛЯЕТСЯ ЭКОНОМКА.

На слѣдующее утро виноторговецъ сидѣлъ въ своей столовой, чтобы принять просительницъ, желающихъ занять свободное мѣсто въ его заведеніи. Это была старомодная комната, обшитая панелями, которыя были украшены деревянной рѣзбой, изображавшей фестоны изъ цвѣтовъ; въ комнатѣ былъ дубовый полъ, очень потертый турецкій коверъ и темная мебель изъ красного дерева; все это служило здѣсь и потерлось еще во времена Пebbльсона Племяника. Большой буфетъ присутствовалъ при многихъ дѣловыхъ обѣдахъ, дававшихся Пebbльсономъ Племяникомъ людямъ съ большими связями, по правилу киданія за бортъ сардинокъ, чтобы поймать кита; а обширная трехъ-сторонняя грѣлка для тарелокъ Пebbльсона Племяника, которая занимала всю переднюю часть громаднаго камина, стояла на стражѣ надъ помѣщавшимся подъ ней погребомъ, похожимъ на саркофагъ, въ которомъ въ свое время пребывали многія дюжныя бутылки съ виномъ Пebbльсона Племяника. Но маленькій краснолицій старый холостякъ съ косичкой, портретъ котораго висѣлъ надъ буфетомъ (я въ которомъ можно было легко признать Пebbльсона, но рѣшительно нельзя было признать Племяника), удалялся уже въ иной саркофагъ, и грѣлка для тарелокъ стала такъ же холодна, какъ и онъ. И золотые съ чернымъ грифы, поддерживавшіе канделябры, держа черные шары въ своихъ пастяхъ на концахъ позолоченныхъ цѣпей, смотрѣли такъ, словно на старости лѣтъ они утратили всякую охоту къ игрѣ въ мячъ и грустно выставляли на показъ свои цѣпи, спрашивая, точно миссіонеры, развѣ они еще не заслужили за это время освобожденія и не перестали быть грифами, какъ тѣ братьями.

Это лѣтне утро было своего рода Колумбомъ, потому что открыло Уголь Увѣчныхъ. Свѣтъ и тепло проникали въ открытыя окна, и солнечные лучи озарили портретъ дамы, висѣвшій надъ каминомъ, единственное стѣнное украшеніе, о которомъ еще не было упомянуто.

— Моя мать двадцати пяти лѣтъ,—сказала про себя м-ръ Уайльдингъ, когда его глаза съ восторгомъ послѣдовали за лучами солнца, падавшими на лицо портрета.—Я повѣсилъ его здѣсь, чтобы всѣ посѣтители могли любоваться моею матерью въ расцвѣтѣ ея юности и красоты. Портретъ моей матери, когда ей было 50 лѣтъ, я повѣсилъ въ своей комнатѣ, не желая показывать его никому, какъ воспоминаніе, священное для меня. О, это вы, Джэрвисъ!

Эти послѣднія слова были обращены къ клерку, который тихонько постучалъ въ дверь, а теперь заглядывалъ въ комнату.

— Да, сэръ. Я только хотѣлъ напомнить вамъ, сэръ, что уже пробило десять часовъ, и что въ конторѣ собралось нѣсколько женщинъ.

— Боже мой,—воскликнулъ виноторговецъ, причѣмъ его румянецъ еще болѣе усилился, а бѣлизна лица стала еще блѣднѣе,—ихъ уже нѣсколько? Неужели такъ много? Я лучше начну, пока ихъ не набралось еще больше. Я буду принимать ихъ, Джэрвисъ, по очереди, въ порядкѣ ихъ прихода.

Быстро ретировавшись въ свое вольтеровское кресло за столомъ позади большой чернильницы и поставивъ сначала стулъ съ другой стороны стола противъ себя, м-ръ Уайльдингъ приступилъ къ своей задачѣ со значительнымъ страхомъ.

Онъ прошелъ сквозь строй, который всегда приходится проходить въ подобныхъ случаяхъ. Тутъ были обычные экземпляры чрезвычайно несимпатичныхъ женщинъ и обычные экземпляры слишкомъ ужъ симпатичныхъ женщинъ. Тутъ были вдовы морскихъ разбойниковъ, которыя пришли, чтобы захватить его и сжимали подъ мышкой зонтики съ такимъ видомъ, какъ будто-бы онъ былъ зонтикомъ, а каждое новое притѣсеніе, которое испытывалъ зонтикъ, доставалось на его долю. Тутъ были возвышенныя дѣвы, выдавшія лучшіе дни и явившіяся, вооружившись свѣдѣтельствами отъ духовника о своихъ успѣхахъ въ богословіи, словно бы Уайльдингъ былъ Св. Петромъ съ его ключами. Тутъ были миленькія дѣвушки, которыя проходили, чтобы женить его на себѣ. Тутъ были экономки по профессіи, вродѣ нештатныхъ офицеровъ, которыя сами экзаменовали его, зная ли онъ домашнее хозяйство, вмѣсто того, чтобы предоставить самихъ себя въ его распоряженіе. Тутъ были немощные инвалиды, которые не столько думали о жалованьи, сколько объ удобствахъ частнаго госпиталя. Тутъ были чувствительныя созданія, которыя раз-

ражались рыданіями при обращеніи къ нимъ и которыхъ приходило приводить въ чувство стаканами холодной воды. Тутъ были нѣкоторыя просительницы, которыя приходили вдвоемъ, одна очень многообъщающая особа, другая ровно ничего необъщающая: изъ нихъ многообъщающая очаровательно отвѣчала на всѣ вопросы, пока въ концѣ концовъ не оказывалось, что она совершенно не выставляетъ своей кандидатуры, но является только подругой ничего необъщающей особы, которая вся красная сидитъ въ абсолютномъ молчаніи и въ очевидной обидѣ.

Наконецъ, когда у добродушнаго виноторговца стало не хватать духу продолжать, въ комнату вошла претендентка, совершенно непохожая на всѣхъ остальныхъ. Это была женщина, примѣрно лѣтъ пятидесяти, но казавшаяся моложе своихъ лѣтъ; лице ея было замѣчательно по мягкой веселости, а манеры ея были не менѣе замѣчательны тѣмъ, что на нихъ лежалъ спокойный отпечатокъ равнаго характера. Въ ея одеждѣ нельзя было-бы ничего измѣнить къ лучшему. Въ ея тихомъ самообладаніи надъ своими манерами ничего нельзя было-бы измѣнить къ ея выгoдѣ. Ничто не могло бы быть въ лучшемъ согласіи съ тѣмъ и съ другимъ, чѣмъ ея голосъ, когда она отвѣтила на заданный ей вопросъ: „Какое имя буду я имѣть удовольствіе записать здѣсь?“ такими словами:

— Меня зовутъ Сара Гольстроо. Миссисъ Гольстроо. Мой мужъ умеръ много лѣтъ тому назадъ, и у насъ не было дѣтей.

Едва-ли можно было бы извлечь у кого нибудь другого польдюжиной вопросовъ такъ много относящагося къ дѣлу. Ея голосъ такъ пріятно прозвучалъ для слуха м-ра Уайльдинга, когда тотъ дѣлалъ свои замѣтки, что онъ, пожалуй, довольно долго возился съ ними. Когда онъ снова поднялъ голову, то виолнѣ понятно, что взоръ миссисъ Гольдстроо уже пробѣжалъ по всей комнатѣ и теперь обратился къ нему отъ камина. Этотъ взглядъ выражалъ искреннюю готовность быть справедливой и немедленно отвѣчать.

— Вы извините меня, если я предложу вамъ нѣсколько вопросовъ?—произнесъ скромный виноторговецъ.

— О, конечно, сэръ. Иначе у меня здѣсь не было бы никакого дѣла.

— Исполняли-ли вы раньше должность экономки?

— Только одинъ разъ. Я жила у одной вдовы втеченіе двѣнадцати лѣтъ. Это послѣ того, какъ я потеряла своего мужа. Она была очень слаба и недавно скончалась. Вотъ почему я и ношу теперь трауръ.

— Я не сомнѣваюсь, что она оставила вамъ наилучшія рекомендаціи?—сказалъ м-ръ Уайльдингъ.

— Я надѣюсь, что могу даже сказать—самыя наилучшія. Я

подумала, что во избѣжаніе хлопотъ, сэръ, не мѣшаетъ записать имена и адреса ея представителей и принесла эту записку съ собой,—отвѣтила она, кладя на столъ карточку.

— Вы замѣчательно напоминаете мнѣ, миссисъ Гольдстроо,—сказалъ Уайльдингъ, положивъ карточку около себя,—манеры и тонъ голоса, которые я когда-то зналъ. Не какого-нибудь отдѣльнаго лица—я увѣренъ въ этомъ, хотя я и не могу представить себѣ ясно, что такое мнѣ припоминается—но что-то такое общее. Я долженъ прибавить, что это было что-то милое и пріятное.

Она замѣтила, улыбаясь: — Это меня по крайней мѣрѣ радуетъ, сэръ.

— Да,—произнесъ виноторговецъ, задумчиво повторяя свои послѣднія слова и, бросивъ быстрый взглядъ на свою будущую экономку,—это было что-то милое и пріятное. Но это все, что я могу припомнить. Воспоминаніе часто походить на полузабытый сонъ. Я не знаю, какъ это вамъ можетъ показаться, миссисъ Гольдстроо, но такъ это кажется мнѣ.

Вѣроятно, это представлялось миссисъ Гольдстроо въ томъ-же самомъ свѣтѣ, такъ какъ она спокойно согласилась съ подобнымъ предположеніемъ. Мистеръ Уайльдингъ предложилъ затѣмъ, что онъ самъ сейчасъ-же снесется съ джентльменами, названными на карточкѣ: фирма юрисконсультовъ въ Лондонскомъ обществѣ докторовъ правъ. Миссисъ Гольдстроо съ благодарностью согласилась на это. Такъ какъ лондонское общество докторовъ правъ было неподалеку, то м-ръ Уайльдингъ поинтересовался узнать, угодно ли будетъ миссисъ Гольдстроо снова заглянуть къ нему, такъ часика черезъ три. Миссисъ Гольдстроо съ готовностью согласилась на это.

Наконецъ, такъ какъ результатъ разспросовъ Уайльдинга былъ въ высшей степени удовлетворительнымъ, миссисъ Гольдстроо была нанята въ этотъ-же день еще до вечера (на предложенныхъ ею вполне благопріятныхъ условіяхъ) и должна была придти на завтрашній день въ Уголь Увѣчныхъ, чтобы пачать тамъ исполнять обязанность экономки.

ЭКОНОМКА ГОВОРИТЪ.

На слѣдующій день миссисъ Гольдстроо явилась вступить въ свои обязанности по хозяйству.

Устроившись въ своей комнатѣ не тревожа слугъ и не трата даромъ времени, новая экономка доложила затѣмъ о себѣ, что она ожидаетъ, не будетъ-ли она польщена какими либо указаніями, которыя можетъ пожелать дать ей ея хозяинъ. Виноторговецъ принялъ миссисъ Гольдстроо въ столовой, въ которой онъ видѣлъ ее наканунѣ. Послѣ обѣда съ обѣихъ сторонъ обычными пред-

варительными вѣжливостями, они оба сѣли, чтобы посоветоваться другъ съ другомъ относительно домашнихъ дѣлъ.

— Какъ насчетъ стола, сэръ? — спросила миссисъ Гольдстроо. — Нужно ли будетъ заготовить провизію для большого или незначительнаго числа лицъ?

— Если я смогу привести въ исполненіи одинъ свой планъ, касающійся стариннаго обычая, — отвѣтилъ м-ръ Уайльдингъ, — то вамъ придется заготовлять провизію для большого числа лицъ. Я — одинокій холостякъ, миссисъ Гольдстроо, но я надѣюсь жить такъ со всѣми служащими, какъ еслибы они были членами моеи семьи. Ну, а до тѣхъ поръ вы будете готовить только для меня и для нашего новаго компаньона, котораго я жду безотлагательно. Я не могу еще сказать, каковы могутъ быть привычки моего компаніона. Но относительно себя могу сказать, что я человѣкъ, точно распредѣлившій свое время и обладающій неизмѣннымъ аппетитомъ, такъ что вы можете, разсчитывать на меня, не боясь ошибиться ни на одну унцію.

— Относительно завтрака, сэръ? — спросила миссисъ Гольдстроо. — Есть что нибудь такое...

Она запнулась и оставила свою фразу недоконченной. Медленно отвела она свой взоръ отъ хозяйина и стала смотрѣть по направлению къ камину. Если бы она была менѣе превосходной и опытной экономкой, то м-ръ Уайльдингъ могъ бы вообразить, что ея вниманіе начало отвлекаться отъ истиннаго предмета разговора.

— Часъ моего завтрака — восемь часовъ утра, — возобновилъ онъ разговоръ. — Одна изъ моихъ добродѣтелей заключается въ томъ, что мнѣ никогда не надоѣдаетъ жареная свинина, а одинъ изъ моихъ пороковъ тотъ, что я привыкъ относиться съ подозрѣніемъ къ свѣжести яицъ. Миссисъ Гольдстроо оглянулась на него, все еще немного раздѣлившись между каминомъ своего хозяйина и самимъ хозяйномъ.

— Я пью чай, — продолжалъ м-ръ Уайльдингъ, — и, по-~~жалуй~~жалуй, нѣсколько нервно и безпокойно отношусь къ тому, чтобы пить его спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ онъ пригото-вленъ. Если мой чай стоитъ слишкомъ долго... — Онъ запнулся, въ свою очередь, и оставилъ фразу недоконченной. Если бы онъ не былъ увлеченъ разсужденіемъ о предметѣ такой высокой для него важности, какъ его завтракъ, то миссисъ Гольдстроо могла бы вообразить, что его вниманіе начало отвлекаться отъ истиннаго предмета разговора.

— Если вашъ чай стоитъ слишкомъ долго, сэръ?.. — сказала экономка, вѣжливо поднимая нить разговора, упущенную ея хозяйномъ.

— Если мой чай стоитъ слишкомъ долго, — повторилъ механически виноторговецъ, такъ какъ мысли его были все дальше и

дальше отъ завтрака, а глаза его все съ большею и большею пытливостью устремлялись на лицо его экономки.—Если мой чай... Боже, Боже мой, миссисъ Гольдстроо! Чьи это манеры и тонъ голоса вы мнѣ напоминаете? Это производитъ на меня сегодня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ, когда я видѣлъ васъ вчера. Что это можетъ быть?

— Что это можетъ быть?—повторила миссисъ Гольдстроо.

Она произнесла эти слова, думая, очевидно, въ то время, какъ ихъ произносила, о чемъ то другомъ. Виноторговецъ, продолжавшій пытливо глядѣть на нее, замѣтилъ, что ея глаза еще разъ обратились къ камину. Они остановились на портретѣ его матери, который висѣлъ тамъ, и глядѣли на него съ тѣмъ легкимъ нахмуриваньемъ бровей, которое всегда сопутствуетъ трудному усилію памяти.

— Моя дорогая покойная мать, когда ей было двадцать пять лѣтъ,—замѣтилъ м-ръ Уайльдингъ.

Миссисъ Гольдстроо поблагодарила его движеніемъ головы за то, что онъ потрудился объяснить ей картину и сказала съ прояснившимся челомъ, что это портретъ очень красивой дамы.

М-ръ Уайльдингъ, снова очутившійся въ своемъ прежнемъ недоумѣніи, попытался еще разъ воскресить въ памяти то потерянное воспоминаніе, которое было такъ тѣсно, но все еще такъ неудовимо связано съ голосомъ и манерами его новой экономки.

— Извините меня, если я предложу вамъ одинъ вопросъ, который не имѣетъ ничего общаго ни со мной, ни съ моимъ завтракомъ,—сказалъ онъ.—Могу я спросить, занимали ли вы когда-нибудь другое мѣсто, кромѣ мѣста экономки?

— О, да, сэръ. Я вступила въ самостоятельную жизнь въ качествѣ няньки въ Воспитательномъ Домѣ для подкидышей.

— Такъ вотъ это что!—воскликнулъ виноторговецъ, оттакаявая назадъ свое кресло.—Клянусь Небомъ, вотъ ихъ то манеры вы мнѣ и напоминаете!

Бросивъ на него изумленный взглядъ, миссисъ Гольдстроо измѣнилась въ лицѣ, но сдержалась, опустила глаза и продолжала сидѣть неподвижно и молча.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ м-ръ Уайльдингъ.

— Понимать ли мнѣ, что вы были, сэръ, въ Воспитательномъ Домѣ для подкидышей?

— Конечно. Я не стыжусь признавать это.

— Подъ тѣмъ именемъ, которое вы и теперь носите?

— Подъ именемъ Вальтера Уайльдинга.

— И эта дама?..—Миссисъ Гольдстроо быстро остановилась, взглянувъ на портретъ, и въ этомъ взглядѣ можно было теперь безошибочно замѣтить тревогу.

— Вы хотите сказать, моя мать,—перебилъ м-ръ Уайльдингъ,

— Ваша... мать,—повторила экономка съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ,—увезла васъ изъ Воспитательнаго Дома. Сколько вамъ было тогда лѣтъ, сэръ?

— Мнѣ было лѣтъ одиннадцать, двѣнадцать. Это совершенно романическое происшествіе, миссисъ Гольдстроо.

Онъ разсказалъ ей со своей простодушной общительностью о томъ, какъ какая то дама заговорила съ нимъ, когда онъ сидѣлъ въ пріютѣ за обѣдомъ вмѣстѣ съ другими мальчиками и обо всемъ, что потомъ за этимъ послѣдовало.

— Моя бѣдная мать никогда не смогла бы отыскать меня,—добавилъ онъ,—еслибы она не встрѣтилась съ одной изъ надзирательницъ, которая сжалилась надъ ней. Надзирательница согласилась дотронуться во время своего обхода обѣденныхъ столовъ до мальчика, котораго звали Вальтеромъ Уайльдингомъ, и вотъ такъ то и отыскала меня снова моя мать послѣ того, какъ разсталась со мной, еще младенцемъ, у дверей Воспитательнаго Дома.

При этихъ словахъ рука миссисъ Гольдстроо, покоившаяся до сихъ поръ на столѣ, безпомощно опустилась на ея колѣни. Она сидѣла со смертельно поблѣднѣвшимъ лицомъ и глазами полными невыразимаго ужаса, устремивъ взоръ на своего новаго хозяина.

— Что это значитъ?—спросилъ виноторговецъ.—Постойте,—воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, ли въ прошедшемъ какого-нибудь другаго событія, которое я долженъ связать съ вами? Я припоминаю, что моя мать разсказывала мнѣ о другомъ лицѣ, служившемъ въ Воспитательномъ Домѣ, чьей добротѣ она была обязана величайшей благодарностью. Когда она впервые разсталась со мной, еще младенцемъ, то одна изъ нянь сообщила ей, какое имя было дано мнѣ въ пріютѣ. Вы были этой няней?

— Прости меня, Боже,—да, сэръ, этой няней была я!

— Прости васъ, Боже?

— Намъ лучше было бы вернуться назадъ, сэръ, (если я могу взять на себя смѣлость говорить такъ) къ моимъ обязанностямъ въ вашемъ домѣ,—сказала миссисъ Гольдстроо.—Вы завтракаете въ восемь утра. Въ полдень вы плотно закусываете или же обѣдаете?

На лицѣ Уайльдинга началъ появляться чрезвычайно густой румянецъ, который м-ръ Винтрей видѣлъ уже раньше на лицѣ своего кліента. М-ръ Уайльдингъ поднесъ свою руку къ головѣ и, только, поборовъ такимъ образомъ нѣкоторое минутное разстройство въ мысляхъ, началъ говорить снова.

— Миссисъ Гольдстроо,—произнесъ онъ,—вы что то отъ меня скрываете!

Экономка настойчиво повторила: — Пожалуйста, сэръ, собла-

говолите сказать мнѣ, плотно ли вы закусываете или обѣдаете въ полдень?

— Я не знаю, что я дѣлаю въ полдень. Я не въ силахъ приступить къ своимъ домашнимъ дѣламъ, миссисъ Гольдстроо, пока не узнаю, отчего вы сожалѣете о томъ, что такъ хорошо поступили по отношенію къ моей матери, которая всегда говорила о васъ съ благодарностью до конца своихъ дней. Вы не оказываете мнѣ услугу своимъ молчаніемъ, вы волнуете меня, вы тревожите меня, вы доводите меня до шума въ головѣ.

Его рука снова поднялась къ головѣ, и румянецъ на его щекахъ еще усилился на одну или двѣ степени.

— Очень горько, сэръ, сейчасъ же по поступленіи къ вамъ на службу,—произнесла экономка,—сказать вамъ нѣчто такое, что можетъ мнѣ стоить потери вашего хорошаго расположенія. Помните, пожалуйста, какія бы послѣдствія отъ этого не произошли, что я буду говорить только потому, что вы настаиваете на этомъ и потому что я вижу, какъ тревожитъ васъ мое молчаніе. Когда я передала этой несчастной дамѣ, портретъ которой вы видите здѣсь, имя данное ея ребенку при крещеніи его въ Воспитательномъ Домѣ, я позволила себѣ позабыть свой долгъ и, боюсь, что отъ этого произошли ужасныя послѣдствія. Я расскажу вамъ всю правду со всей откровенностью, на которую я способна. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ я сообщила дамѣ имя ея ребенка, въ наше отдѣленіе въ деревнѣ явилась другая дама (иностранка) съ цѣлью усыновить одного изъ нашихъ питомцевъ. Она принесла съ собою необходимое разрѣшеніе и, осмотрѣвъ очень многихъ дѣтей, но, не будучи въ состояніи рѣшиться выбрать того или иного, вдругъ почувствовала склонность къ одному изъ грудныхъ ребятъ—мальчику—находившихся подъ моимъ присмотромъ. Постарайтесь, прошу васъ, сэръ, постарайтесь успокоиться! Безполезно скрывать это долге. Ребенокъ, котораго увезла съ собою иностранка, былъ сыномъ той дамы, портретъ которой виситъ здѣсь!

М-ръ Уайльдингъ вскочилъ на ноги. — Этого не можетъ быть!—воскликнулъ онъ запальчиво. О чемъ вы болтаете? Что за дурацкую исторію вы мнѣ тутъ рассказываете? Вотъ ся портретъ! Развѣ я уже не говорилъ вамъ объ этомъ? Это портретъ моей матери!

— Когда черезъ нѣсколько дѣтъ эта несчастная дама взяла васъ изъ Воспитательнаго Дома,—сказала тихо миссисъ Гольдстроо,—она была жертвой и вы, сэръ, были жертвой ужасной ошибки.

Онъ опустился назадъ въ свое кресло.

— Комната ходитъ кругомъ передъ моими глазами,—сказалъ онъ.—Моя голова, моя голова!

Встревоженная экономка поднялась со стула и открыла окна. Прежде чѣмъ она успѣла дойти до двери, чтобы позвать на помощь, онъ внезапно разразился рыданіями, облегчившими то душевное напряженіе, которое чуть было не стало угрожать его жизни. Онъ сдѣлалъ знакъ, умоляя миссисъ Гольдстроо не оставлять его одного. Она подождала, пока не прошелъ этотъ пароксизмъ слезъ. Придя въ себя, онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее съ сердитымъ, несправедливымъ подозрѣніемъ челоуѣка, не поборовшаго своей слабости.

— Ошибки?—сказалъ онъ, растерянно, повторяя ее послѣднее слово.—А какъ, я могу знать, что вы сами не ошибаетесь.

— Здѣсь не можетъ быть надежды, что я ошибаюсь, сэръ. Я расскажу вамъ почему, когда вы оправитесь настолько, что сможете выслушать меня.

— Нѣтъ, сейчасъ, сейчасъ!

Тонъ, которымъ онъ произнесъ эти слова, показалъ миссисъ Гольдстроо, что было бы жестокой любезностью позволить ему утѣшить себя, хотя бы еще на одинъ моментъ, той тщетной надеждой, что она можетъ быть и права. Еще нѣсколько словъ, и все это будетъ кончено, и она рѣшилась произнести эти нѣсколько словъ.

— Я передала вамъ,—сказала она,—что ребенокъ той дамы, портретъ которой виситъ здѣсь, былъ усыновленъ еще младенцемъ и увезенъ одной иностранкой. Я такъ же увѣрена въ томъ, о чемъ говорю, какъ и въ томъ, что я сейчасъ сижу здѣсь, вынужденная огорчать васъ, сэръ, совершенно противъ своей воли. Теперь, перенеситесь, пожалуйста, мысленно къ тому, что произошло приблизительно черезъ три мѣсяца послѣ этого событія. Я была тогда въ Воспитательномъ Домѣ въ Лондонѣ, ожидая, когда можно будетъ взять нѣсколькихъ дѣтей въ наше заведеніе, находящееся въ деревнѣ. Въ этотъ самый день обсуждался вопросъ о томъ, какое дать имя младенцу мужскаго пола, который былъ только что принятъ. Мы обыкновенно называли ихъ безъ всякаго участія дирекціи. На нашу оказію, одинъ изъ джентльменовъ, управлявшихъ дѣлами Воспитательнаго Дома случайно просматривалъ списки. Онъ обратилъ вниманіе, что имя того малютки, который былъ усыновленъ („Вальтеръ Уайльдингъ“) было зачеркнуто—кочечно, по той простой причинѣ, что этотъ ребенокъ былъ навсегда взятъ изъ подъ нашего попеченія. „Вотъ имя, которымъ можно воспользоваться,—сказалъ онъ.—Дайте его тому новому подкидышу, котрый былъ принятъ сегодня“. Имя было дано и дитя было окрещено. Вы, сэръ, были этимъ ребенкомъ.

Голова виноторговца опустилась на грудь.—Я былъ этимъ ребенкомъ!—сказалъ онъ про себя, беспомощно пытаясь освободиться съ этой мыслью.—Я былъ этимъ ребенкомъ!

Немного спустя послѣ того, какъ вы были приняты въ заведеніе, сэръ,—продолжала миссъ Гольдстроо,—я оставила тамъ свою должность, чтобы выйти замужъ. Если вы припомните это обстоятельство и если вы сможете обратить на него вниманіе, то увидите сами, какъ произошла ошибка. Прошло одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ прежде, чѣмъ дама, которую вы считали своей матерью, вернулась въ Воспитательный Домъ, чтобы отыскать своего сына и увезти его въ свой родной домъ. Эта дама знала лишь, что ся ребенокъ былъ названъ Вальтеромъ Уайльдингомъ. Надзирательница, которая сжалась надъ ней, могла указать ей только на одного Вальтера Уайльдинга, извѣстнаго въ заведеніи. Я, которая могла бы разъяснить истину, была далеко отъ Воспитательнаго Дома и всего, что относилось къ нему. Не было ничего—положительно, не было ничего,—что могло бы помѣшать свершиться этой ужасной ошибкѣ. Я сочувствую вамъ—въ самомъ дѣлѣ я вамъ сочувствую, сэръ. Вы должны думать—и у васъ есть на это основаніе—что я пришла сюда въ дурной часъ (увѣрю васъ, безъ всякаго злого умысла) предлагать вамъ свои услуги въ качествѣ экономки. Я чувствую, что я достойна всяческаго порицанія—я чувствую, что я должна была бы имѣть больше самообладанія. Если бы только я могла скрыть отъ васъ на своемъ лицѣ, какія мысли пробудились въ моемъ умѣ при взглядѣ на этотъ портретъ, и что я чувствовала, слушая ваши собственные слова, то вы никогда бы, до самаго смертнаго часа, не узнали того, что вы теперь знаете.

М-ръ Уайльдингъ быстро поднялъ свой взоръ. Врожденная честность этого человѣка протестовала противъ послѣднихъ словъ экономки. Казалось, его умъ сталъ на моментъ тверже подъ тяжестью того удара, который обрушился на него.

— Не хотите ли вы сказать, что вы скрывали бы это отъ меня, еслибъ могли?—воскликнулъ онъ.

— Надѣюсь, что я всегда сказала бы правду, сэръ, если бы меня спросили,—сказала миссъ Гольдстроо.—И я знаю, что для меня лучше не чувствовать уже больше на своей совѣсти тайны, которая тяготитъ меня. Но лучше ли это для васъ? Къ чему это можетъ теперь послужить?..

— Къ чему? Какъ, Боже мой, если вашъ рассказъ правдивъ...

— Развѣ стала бы я передавать его вамъ, сэръ, занимая такое положеніе, какъ сейчасъ, если бы онъ не былъ правдивымъ?

— Извините меня, — сказалъ виноторговецъ. — Вы должны имѣть ко мнѣ снисхожденіе. Я до сихъ поръ еще не могу придти въ себя отъ этого ужаснаго открытія. Мы такъ нѣжно любили другъ друга—я чувствовалъ такъ глубоко, что я емъ сынъ. Она умерла, миссъ Гольдстроо, на моихъ рукахъ... Она умерла, благословляя меня такъ, какъ только могла бы сдѣлать это родная

мать. А теперь, послѣ всѣхъ этихъ лѣтъ, мнѣ говорятъ, что она не была моей матерью. О, я несчастный, несчастный! Я не знаю, что я говорю!—вскричалъ онъ, когда порывъ самообладанія, подъ влияніемъ котораго онъ говорилъ минутой тому назадъ, началъ ослабѣвать и исчезъ совершенно.—Но не объ этомъ ужасномъ горѣ я хотѣлъ говорить... нѣтъ, о чемъ то другомъ. Да, да! Вы поразили меня... вы оскорбили меня только что. Вы сказали, что постарались бы скрыть все это отъ меня, еслибы могли. Не говорите такъ больше. Было бы преступленіемъ скрывать это. Вы думали, что такъ будетъ лучше, я знаю. Я не желаю огорчать васъ... вы добрая женщина. Но вы забываете о томъ, въ какое положеніе это меня ставитъ. Она оставила мнѣ все, чѣмъ я владѣю, въ твердой увѣренности въ томъ, что я ея сынъ. Я—не ея сынъ. Я занялъ мѣсто, я неумышленно завладѣлъ наслѣдствомъ другого. Его необходимо найти. Какъ могу я знать, что онъ въ эту самую минуту не терпитъ нужды, не сидитъ безъ куска хлѣба? Его необходимо найти! Моя единственная надежда выдержать ударъ, который обрушился на меня, покоится на томъ, чтобы сдѣлать что-нибудь такое, что она могла бы одобрить. Вы должны знать, миссисъ Гольдстроу, больше того, что вы уже мнѣ рассказали. Кто была та иностранка, которая усыновила ребенка? Вы должны были слышать имя этой дамы?

— Я никогда не слыхала его, сэръ. Я никогда не видала ея и не слышала о ней съ тѣхъ самыхъ поръ.

— Развѣ она ничего не говорила, когда увозила ребенка? Постарайтесь вспомнить. Она должна была сказать что-нибудь.

— Я могу вспомнить, сэръ, только одно. Тотъ годъ стояла отчаянно скверная погода, и много ребятъ болѣло отъ этого. Когда дама увозила ребенка, то она сказала мнѣ, со смѣхомъ: „Не тревожьтесь объ его здоровьѣ! Онъ выростетъ въ лучшемъ климатѣ, чѣмъ здѣшній... Я собираюсь везти его въ Швейцарію“.

— Въ Швейцарію? Въ какую часть Швейцаріи?

— Она не сказала этого, сэръ.

— Только это ничтожное указаніе!—воскликнулъ м-ръ Уайльдингъ.—И четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ ребенокъ былъ увезенъ! Что же мнѣ дѣлать?

— Смѣю надѣяться, что вы не обидитесь на меня за мою смѣлость, сэръ,—сказала миссисъ Гольдстроу,—но отчего вы такъ печалитесь о томъ, что произошло? Можетъ быть, его уже нѣтъ больше въ живыхъ, почему вы знаете? А если онъ живъ, то совершенно невѣроятно, чтобы онъ могъ терпѣть какую-нибудь нужду. Дама, которая его усыновила, была настоящей и прирожденной леди—это было сразу видно. И она должна была представить начальству Воспитательнаго Дома удовлетворительныя дока-

зательства того, что она можетъ обезпечить ребенка, иначе ей никогда не позволили бы увезти его съ собой. Если бы я была на вашемъ мѣстѣ, сэръ—пожалуйста, извините меня, что я такъ говорю,—то я стала бы утѣшать себя, вспоминая всегда о томъ что я любила эту бѣдную даму, портретъ которой вы повѣсили тутъ—искренно любила ее, какъ родную мать, и что она въ свою очередь искренно любила меня, какъ родного сына. Все, что она дала вамъ, она дала ради этой любви. Эта любовь никогда не уменьшалась, пока она жила, и, я увѣрена, вы не разлюбите этой дамы до конца своей жизни. Развѣ же для всѣхъ можетъ быть какое-нибудь лучшее право, сэръ, чтобы сохранить за собой все то, что вы получили?

Непоколебимая честность мистера Уайльдинга сразу указала ему на тотъ ложный выводъ, который дѣлала его экономка, стоя на подобной точкѣ зрѣнія.

— Вы не понимаете меня,—возразилъ онъ.—Вотъ потому то, что я любилъ ее, я и чувствую обязанность, священную обязанность—поступить справедливо по отношенію къ ея сыну. Если онъ живъ, то я долженъ найти его, столько же ради себя самого, сколько и ради него. Я не вынесу этого ужаснаго испытанія, если не займусь—не займусь дѣятельно и непрестанно—тѣмъ, что подсказываетъ мнѣ сдѣлать, во что бы то ни стало, моя совѣсть. Я долженъ переговорить со своимъ повѣреннымъ; я долженъ просить его приняться за дѣло раньше, чѣмъ пойду сегодня спать.—Онъ подошелъ къ переговорной трубѣ въ стѣнѣ комнаты и сказалъ нѣсколько словъ въ нижнюю контору.

— Оставьте меня пока, миссисъ Гольдстроо,—снова началъ онъ,—я немного успокоюсь, я буду болѣе способенъ бесѣдовать съ вами сегодня нѣсколько позднѣе. Наши дѣла пойдутъ хорошо... я надѣюсь, наши дѣла съ вами пойдутъ хорошо... несмотря на все происшедшее. Это не ваша вина; я знаю, что это не ваша вина. Ну, вотъ. Дайте вашу руку, и... и устраивайте все въ домѣ, какъ можно лучше... я не могу говорить теперь объ этомъ.

Дверь открылась въ то время, какъ миссисъ Гольдстроо подходила къ ней, и появился м-ръ Джервисъ.

— Пошлите за мистеромъ Бинтреемъ,—сказалъ виноторговецъ.—Скажите, что мнѣ необходимо его видѣть сію минуту.

Клеркъ безсознательно пріостановилъ приведеніе приказанія въ исполненіе, возвѣстивъ: „Мистеръ Вендэль“ и пропустилъ впередъ новаго компаньона фирмы Уайльдингъ и К^о.

— Прошу извинить меня, Джорджъ Вендэль,—сказалъ Уайльдингъ.—Одну минуту! Мнѣ надо сказать два слова Джервису. Пошлите за мистеромъ Бинтреемъ,—повторилъ онъ,—пошлите немедленно.

Раньше, чѣмъ оставить комнату, м-ръ Джэrvисъ положилъ на столъ письмо.

— Я думаю, сэръ, это отъ нашихъ корреспондентовъ въ Невшателѣ. На письмѣ швейцарская марка.

НА СЦЕНѢ НОВЫЯ ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Слова „Швейцарская марка“, послѣдовавшія столъ быстро за упоминаніемъ экономки о Швейцаріи, взволновали м-ра Уайльдинга до такой степени, что его новый компаньонъ никакъ не могъ сдѣлать видъ, будто онъ не замѣчаетъ этого волненія.

— Уайльдингъ,—спросилъ онъ поспѣшно и даже вдругъ остановился и поглядѣлъ вокругъ себя, какъ будто стараясь найти видимую причину подобнаго состоянія духа своего компаньона,— въ чемъ дѣло?

— Мой добрый Джорджъ Вендэль,—отвѣтилъ виноторговецъ, подавая ему руку съ такимъ молящимъ взглядомъ, какъ еслибы онъ нуждался въ помощи для того, чтобы перебраться черезъ какое то препятствіе, а не для того, чтобы привѣтствовать или оказать радушный пріемъ,—мой добрый Джорджъ Вендэль, дѣло въ томъ, что я никогда уже не буду самимъ собой. Невозможно, чтобы я былъ въ состояніи когда либо стать снова самимъ собой. Потому что, на самомъ дѣлѣ, я—не я

Новый компаньонъ, красивый смуглолицый юноша, приблизительно такого же возраста, съ быстрымъ рѣшительнымъ взглядомъ и порывистыми манерами, произнесъ съ вполне естественнымъ удивленіемъ:

— Вы не вы?

— Не тотъ, за кого я самъ себя принималъ,—сказалъ Уайльдингъ.

— Но, скажите, ради Бога, за кого же вы себя принимали, что теперь уже вы не тотъ?

Это выраженіе было произнесено съ такой веселой откровенностью, которая вызвала бы на довѣріе и болѣе скрытнаго человека.—Я могу задать вамъ этотъ вопросъ, который теперь вполне умѣстенъ, такъ какъ мы компаньоны.

— Вотъ оиятъ!—воскликнулъ Уайльдингъ, откидываясь на спинку кресла и растерянно глядя на собесѣдника.—Компаньоны! Я не имѣлъ права вступать въ это дѣло. Оно никогда не предназначалось для меня. Моя мать никогда не предполагала, что оно станетъ моимъ. Я хочу сказать, его мать предполагала, что оно станетъ его... если только я что-нибудь понимаю... или если я кто-нибудь.

— Ничего, ничего,—сталъ успокаивать его компаньонъ послѣ минутнаго молчанія, подчиняя его себѣ и внушая ему то спо-

койное довѣріе, которое всегда испытываетъ слабая натура по отношенію къ сильной, честно желающей оказать этой слабой свою помощь.—Какая бы ошибка ни произошла, я твердо увѣренъ, что она произошла не по вашей винѣ. Я не за тѣмъ служить здѣсь вмѣстѣ съ вами въ этой конторѣ три года при старой фирмѣ, чтобы сомнѣваться въ васъ, Уайльдингъ. Вѣдь мы оба и тогда уже достаточно знали другъ друга. Позвольте для начала нашей совмѣстной дѣятельности оказать вамъ услугу; можетъ быть, мнѣ удастся исправить ошибку, какова бы она ни была. Имѣетъ ли это письмо что-нибудь общее съ ней?

— Ахъ,—произнесъ Уайльдингъ, прикладывая свою руку къ виску.—Опять это! Моя голова!

— Взглянувъ на него вторично, я вижу, что письмо еще не распечатано; такъ что не очень возможно, чтобы оно могло быть въ связи съ тѣмъ, что случилось,—сказалъ Вендэль съ ободряющимъ спокойствіемъ.—Оно адресовано вамъ или намъ?

— Намъ,—сказалъ Уайльдингъ.

— А что, если я его вскрыю и прочту вслухъ, чтобы покэпчить съ нимъ?

— Благодарю, благодарю васъ.

— Это всего только письмо отъ фирмы нашихъ поставщиковъ шампанскаго, отъ торговаго дома въ Невшателѣ.—„Дорогой, сэръ! Мы получили ваше письмо отъ 28 числа прошедшаго мѣсяца, извѣщавшее насъ о томъ, что вы приняли въ компаньоны мистера Вендэля; мы просимъ въ отвѣтъ на него принять увѣреніе въ нашихъ поздравленіяхъ. Позвольте намъ воспользоваться случаемъ, чтобы особенно рекомендовать г. Жюля Обенрейцера“. — Чортъ знаетъ что?...

— Чортъ знаетъ что?...

Уайльдингъ взглянулъ на него съ внезапнымъ опасеніемъ и воскликнулъ:—А?!

— Чортъ знаетъ, что за имя,—отвѣтилъ небрежно его компаніонъ: — Обенрейцерь... да... особенно рекомендовать вамъ г. Жюля Обенрейцера, Сого-сквэръ, Лондонъ (сѣверная сторона), съ этого времени вполне аккредитованнаго въ качествѣ нашего агента, который уже имѣлъ честь познакомиться съ вашимъ компаньономъ мистеромъ Вендэлемъ на его (т. е. г-на Обенрейцера) родинѣ, въ Швейцаріи.—Ну, несомнѣнно! Фу, ты, о чемъ это я думалъ! Я припоминаю теперь... когда онъ путешествовалъ со своей племянницей“.

— Со своей?...—Вендэль такъ произнесъ послѣднее слово, что Уайльдингъ не разслышалъ его.

— Когда онъ путешествовалъ со своей племянницей. Племянница Обенрейцера,—отчетливо, даже съ излишнимъ усердіемъ проговорилъ Вендэль.—Обенрейцера племянница. Я повстрѣчался съ

ними во время своего первого турнэ по Швейцаріи, постранствовавъ немного съ ними и потерялъ ихъ изъ виду на два года; снова встрѣтился съ ними во время своего предюслѣднаго турнэ тамъ-же и потерялъ ихъ съ тѣхъ поръ снова. Обенрейцеръ. Племянница Обенрейцера. Ну, несомнѣнно! Въ сущности вполнѣ возможное имя.—„Г. Обенрейцеръ пользуется полнымъ нашимъ довѣріемъ, и мы не сомнѣваемся, что вы оцѣните его по достоинству“. Подписано все, какъ слѣдуетъ, торговымъ домомъ „Дефренъ и Ко“. Очень хорошо. Я беру на себя обязанность повидаться теперь же съ г. Обенрейцеромъ и устроить съ нимъ все, что нужно. Такимъ образомъ съ швейцарской почтовой маркой покончено. Ну, а теперь, мой дорогой Уайльдингъ, скажите мнѣ, что я могу для васъ сдѣлать, и я найду средство исполнить это.

Болѣе чѣмъ съ готовностью и признательностью за такое облегченіе бремени, честный виноторговецъ пожалъ руку компаньону и, начавъ свой разговоръ прежде всего съ того, что патетически назвалъ себя самозванцемъ, рассказалъ ему обо всемъ.

— Безъ сомнѣнія, вы посылали за Бинтреемъ по поводу этого дѣла, когда я вошелъ?—спросилъ его компаньонъ, послѣ нѣкотораго размышленія.

— Да, по поводу него.

— Онъ опытный человѣкъ и съ головой на плечахъ; мнѣ очень хочется узнать его мнѣніе. Хотя съ моей стороны дерзко и смѣло высказывать свое мнѣніе раньше, чѣмъ я узнаю все дѣло, но я не въ состояніи не высказать своихъ мыслей. По правдѣ сказать, я не вижу всего вами сказаннаго въ томъ свѣтѣ, въ какомъ видите его вы. Я не вижу, чтобы ваше положеніе было таково, какъ это вамъ кажется. Что касается того, что вы самозванецъ, то это милѣйшій Уайльдингъ, чистѣйшій абсурдъ, такъ какъ никто не можетъ стать самозванцемъ, не принимая сознательно участія въ обманѣ. Ясно, что вы никогда и не были имъ. Что же касается вашего обогащенія на счетъ той дамы, которая считала васъ за своего сына и которую вы были вынуждены считать своей матерью, на основаніи ея же собственнаго заявленія, то, посудите сами, не произошло ли все это вслѣдствіе личныхъ отношеній между вами обоими. Вы постепенно все больше привязывались къ ней, а она постепенно все болѣе привязывалась къ вамъ. И это вамъ, лично вамъ, какъ я понимаю данный случай, она завѣщала всѣ эти мірскія блага; и это отъ нея, отъ нея лично, вы получили ихъ.

— Она предполагала, — возразилъ Уайльдингъ, качая головой, — что у меня были естественныя права на нее, которыхъ у меня не было.

— Я долженъ согласиться, — отвѣтилъ его компаньонъ, — что тутъ вы правы. Но если бы она за шесть мѣсяцевъ до своей смерти

сдѣлала то же самое открытіе, которое сдѣлали вы, то развѣ вы думаете, что отъ этого изъ вашей памяти изгладились бы тѣ годы, которые вы провели вмѣстѣ и та нѣжность, которую каждый изъ васъ питалъ къ другому, узнавая его все лучше и лучше?

— Что бы я ни думалъ,—сказалъ Уайльдингъ, просто, о мужественно относясь къ голому факту,—это не сможетъ измѣнить истины, какъ не сможетъ и свалить неба на землю. Истина же заключается въ томъ, что я владѣю тѣмъ, что было предназначено для другого.

— Быть можетъ, онъ умеръ,—возразилъ Вендэль.

— Быть можетъ, онъ живъ,—сказалъ Уайльдингъ.—А если онъ живъ, то не ограбилъ ли я его—ненамѣренно, я согласенъ съ вами, что ненамѣренно,—но все же развѣ я не ограбилъ его довольно таки чувствительно? Развѣ я не похитилъ у него всего того счастливаго времени, которымъ я наслаждался вмѣсто него? Развѣ я не похитилъ у него той неизъяснимой радости, которая преисполнила мою душу, когда эта дорогая женщина—онъ указалъ на портретъ—сказала мнѣ, что она моя мать? Развѣ я не похитилъ у него всѣхъ тѣхъ заботъ, которыя она расточала мнѣ? Развѣ я не похитилъ у него даже того сыновняго долга и того благоговѣнія, которое я такъ долго питалъ по отношенію къ ней? Поэтому-то я и спрашиваю себя самого и васъ, Джорджъ Вендэль: „Гдѣ онъ? Что съ нимъ случилось?“

— Кто можетъ сказать это?

— Я долженъ постараться найти того, кто можетъ сказать это. Я долженъ приняться за поиски. Я никогда не долженъ отказываться отъ продолженія поисковъ. Я буду жить на проценты со своей доли—мнѣ нужно было бы сказать съ его доли—въ этомъ дѣлѣ, и буду откладывать для него все остальное. Когда я отыщу его, то, можетъ быть, обращусь къ его великодушію; но я передамъ ему все имущество. Передамъ все, клянусь въ этомъ, такъ какъ я любилъ и почиталъ ее,—сказалъ Уайльдингъ, почтительно цѣлуя свою руку по направленію къ портрету и потомъ закрывъ ею свои глаза.—Такъ какъ я любилъ и почиталъ ее и имѣю безчисленное множество причинъ быть ей признательнымъ.

И тутъ онъ снова разрыдался.

Его компаньонъ поднялся съ кресла, которое онъ занималъ, и всталъ около Уайльдинга, положивъ ему нѣжно руку на плечо.

— Вальтеръ, я зналъ васъ и раньше за прямого человѣка съ чистой совѣстью и хорошимъ сердцемъ. Я очень счастливъ, что на мою долю выпалъ жребій идти въ жизни бокъ о бокъ съ такимъ достойнымъ довѣрія человѣкомъ. Я благодарю судьбу за это. Пользуйтесь мною, какъ своей правой рукой, и рассчитывайте на меня до гроба. Не думайте обо мнѣ ничего дурного, если я скажу вамъ,

что сейчас мною овладѣло наисильнѣйшимъ образомъ какое-то смутное чувство, которое, хотите, вы можете назвать даже безразсуднымъ. Я чувствую гораздо больше сожалѣнія къ этой дамѣ и къ вамъ, потому что вы не остались въ своихъ предполагаемыхъ отношеніяхъ, чѣмъ могу чувствовать къ тому неизвѣстному человѣку (если онъ вообще сталъ человѣкомъ) только изъ-за того, что онъ былъ невольно лишенъ своего положенія. Вы хорошо сдѣлали, пославъ за м-ромъ Бинтреемъ. То, что я думаю, будетъ составлять только часть его совѣта, я знаю, но это составляетъ весь мой. Не дѣлайте ни одного опрометчиваго шага въ этомъ серьезномъ дѣлѣ. Тайна должна сохраняться среди насъ съ величайшей осмотрительностью, потому что стоитъ только легкомысленно отнестись къ ней, какъ тотчасъ же возникнутъ мошенническія притязанія. Все это вдохновить цѣлую кучу плутовъ и вызоветъ потокъ ложныхъ свидѣтельствъ и козней. Мнѣ пока ничего не остается прибавить вамъ больше, Вальтеръ, кромѣ лишь напоминанія вамъ о томъ, что вы продали мнѣ часть въ своемъ дѣлѣ именно для того, чтобы освободить себя отъ большей работы, чѣмъ вы можете вынести при нашемъ теперешнемъ состояніи здоровья; а я купилъ эту часть именно для того, чтобы работать, и хочу приступить къ дѣлу.

Съ этими словами Джорджъ Вендэлъ, пожавъ на прощанье плечо своего компаньона, что было наилучшимъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыми они были пронесены, направился немедленно въ контору, а оттуда прямо по адресу г. Жюля Обенрейца.

Когда онъ повернулъ въ Сого-скверъ и направилъ свои шаги по направленію къ его сѣверной сторонѣ, на его смугломъ отъ загара лицѣ выступила густая краска. Точно такую-же краску могъ бы замѣтить Уайльдингъ, если бы онъ былъ лучшимъ наблюдателемъ или былъ бы меньше занятъ своимъ горемъ, когда его компаньонъ читалъ вслухъ одно мѣсто въ письмѣ ихъ швейцарскаго корреспондента, которое онъ прочелъ не такъ ясно, какъ все остальное письмо.

Уже издавна довольно курьзная колонія горцевъ помѣщается въ Сого, въ этомъ маленькомъ плоскомъ лондонскомъ кварталѣ. Швейцарцы-часовщики, швейцарцы-чеканищики по серебру, швейцарцы-ювелиры, швейцарцы-импортеры швейцарскихъ музыкальныхъ ящиковъ и всевозможныхъ швейцарскихъ игрушекъ тѣсно жмутся здѣсь другъ къ другу. Швейцарцы-профессора музыки, живописи и языковъ; швейцарскіе ремесленники на постоянныхъ мѣстахъ; швейцарскіе курьеры и другіе швейцарскіе слуги, хронически находящіеся безъ мѣста; искусныя швейцарскія прачки и крахмальщицы тонкаго бѣлья; швейцарцы обоюго пола, существующіе на какія-то таинственныя средства; швейцарцы ночтенные и швейцарцы неночтенные; швейцарцы достойные всякаго довѣрія и

швейцарцы, не заслуживающіе ни малѣйшаго довѣрія; всѣ эти различныя представители Швейцаріи стягиваются къ одному центру въ кварталѣ Сого. Жалкія швейцарскія харчевни, кофейни и меблированныя комнаты; швейцарскіе напитки и кушанья; швейцарскія службы по воскресеньямъ и швейцарскія школы въ будни—все это можно здѣсь встрѣтить. Даже чистокровныя англійскія таверны ведутъ нечто вроде не совсѣмъ англійской торговли выставяя въ своихъ окнахъ швейцарскіе возбуждающіе напитки и большую часть ночей года скрывая за своими стойками швейцарскія схватки изъ-за вражды и любви.

Когда новый компаньонъ фирмы Уайльдингъ и К^о позвонилъ у двери, на которой красовалась мѣдная доска, носящая торпую надпись „Обенрейцеръ“—у внутренней двери зажиточнаго дома, въ которомъ нижній этажъ былъ посвященъ торговлѣ швейцарскими часами—онъ сразу попалъ въ домашнюю швейцарскую обстановку. Въ той комнатѣ, куда онъ былъ проведенъ, висѣла вмѣсто камина бѣлая изразцовая печь для зимняго времени; непокрытый полъ былъ выложенъ опрятнымъ паркетомъ; комната выглядела бѣдной, но очень тщательно вычищенной. И маленький четырехугольный коверъ передъ софой, и бархатная доска на печкѣ, на которой стояли огромные часы и вазы съ искусственными цвѣтами,—все это согласовалось съ тѣмъ общимъ тономъ, который дѣлалъ эту комнату похожей на молочную, приспособленную для жилья какимъ-нибудь парижаниномъ по вынесеніи изъ нея всѣхъ хозяйственныхъ предметовъ.

Искусственная вода падала съ мельничнаго колеса подъ чашамп. Посѣтитель не простоялъ и минуты передъ ними, какъ вдругъ г. Обенрейцеръ заставилъ его вздрогнуть, проговоривъ у его уха на очень хорошемъ англійскомъ языкѣ съ очень легкимъ проглатываніемъ словъ:

— Какъ поживаете? Очень радъ!

— Извините, пожалуйста. Я не слыхалъ, какъ вы вошли.

— Какія пустяки! Садитесь, пожалуйста.—Отпустивъ обѣ руки своего визитера, которыя онъ слегка сжималъ у локтей, въ видѣ привѣтствія, г. Обенрейцеръ также сѣлъ, замѣтивъ съ улыбкой:— Какъ ваше здоровье? Очень радъ!—и снова коснулся его локтей.

— Я не знаю,—сказалъ Вендэль, послѣ обмѣна привѣтствій ствій,—можетъ быть вы уже слышали обо мнѣ отъ вашего Торговаго Дома въ Невшателѣ?

— О, да!

— Въ связи съ Уильдингомъ и К^о?

— О, конечно!

— Поэтому вамъ не кажется страннымъ, что я являюсь къ вамъ здѣсь, въ Лондонѣ, въ качествѣ одного изъ компаньоновъ

фирмы Уайльдингъ и К^о, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе нашей фирмы?

— Нисколько. Что я всегда говорилъ, когда мы путешествовали по горамъ? Мы называсмъ ихъ огромными; но міръ такъ малъ. Такъ малъ міръ, что одинъ человѣкъ не можетъ держаться въ сторонѣ отъ другихъ. Такъ мало людей въ мірѣ, что они постоянно наталкиваются и сталкиваются другъ съ другомъ. Міръ такъ ничтожно малъ, что одинъ человѣкъ не можетъ отдѣлаться отъ другого. Это не значить,—онъ снова дотронулся до локтей Вендэля съ занскивающей улыбкой,—что кто-нибудь хотѣлъ бы отдѣлаться отъ васъ.

— Я надѣюсь, что нѣтъ, monsieur Обенрейцеръ.

— Пожалуйста, называйте меня въ своей странѣ мистеромъ. Я самъ называю себя такъ, потому что я люблю вашу страну. Если-бы я могъ быть англичаниномъ! Но я уже рожденъ на свѣтъ! А вы? Происходя изъ такой хорошей семьи, вы все же снизошли къ занятію торговлей? Но погодите. Вѣна? Это считается въ Англіи тоговлей и профессіей? А не изящнымъ искусствомъ?

— Мистеръ Обенрейцеръ,—возразилъ Вендэль немного приведенный въ замѣшательство,—я былъ еще глупымъ юнцомъ, едва совершеннолѣтнимъ, когда впервые имѣлъ удовольствіе путешествовать съ вами, и когда вы, я и мадемуазель ваша племянница... она здорова?

— Благодарю васъ. Здорова.

— ... дѣлили вмѣстѣ маленькія опасности ледниковъ. Если я и хвастался-таки своей семьей изъ мальчишескаго тщеславія, то, надѣюсь, я поступалъ такъ просто, чтобы отрекомендовать себя, правда, довольно своеобразно. Это вышло очень слабо и оказалось манерой очень дурного тона; но, быть можетъ, вы знаете нашу англійскую пословицу: „Вѣкъ живи, вѣкъ учись!“

— Вы очень близко принимаете это къ сердцу,—возразилъ швейцарецъ.—Но, чортъ возьми! Вѣдь въ концѣ концовъ ваша семья была дѣйствительно хорошаго рода.

Въ смѣхѣ Джорджа Вендэля слегка прозвучала потка досады, когда онъ продолжалъ:

— Ну, вотъ! А я былъ чрезвычайно привязанъ къ своимъ родителямъ, и въ то время, когда мы впервые путешествовали вмѣстѣ съ вами, мистеръ Обенрейцеръ, я былъ въ первомъ порывѣ радости, вступивъ во владѣніе тѣмъ, что мнѣ оставили мои отецъ и мать. Поэтому я надѣюсь, что въ концѣ концовъ во всемъ этомъ могу быть больше юношеской откровенности и сердечной простоты, чѣмъ хвастовства.

— Все это было лишь откровенностью и сердечной простотой! Ни малѣйшаго хвастовства!—воскликнулъ Обенрейцеръ.—Вы слишкомъ строго осуждаете себя. Вы судите себя, даю вамъ слово

какъ если бы вы были вашимъ правительствомъ! Но кромѣ того, всему далъ толчекъ я. Я помню, какъ вечеромъ въ лодкѣ, плывшей по озеру, среди отраженій горъ и долинъ, скалъ и сосновыхъ лѣсовъ, которые были моими самыми ранними воспоминаніями, я началъ рассказывать о картинѣ своего несчастнаго дѣтства. О нашей бѣдной лачугѣ у водопада, который моя мать показывала путешественникамъ; о коровьемъ сараѣ, въ которомъ я ночевалъ вмѣстѣ съ коровой; о своемъ идиотѣ единоутробномъ братѣ, который всегда сидѣлъ у дверей или ковылялъ внизъ къ дорогѣ за подаяніемъ; о своей единоутробной сестрѣ, сидѣвшей всегда за прялкой, положивъ свой громадный зобъ на большой камень; о томъ, какъ я былъ маленькимъ, умиравшимъ съ голода, оборванцемъ двухъ или трехъ лѣтъ, когда они были уже мужчиной и женщиной и угощали меня колотушками, такъ какъ я былъ единственнымъ ребенкомъ отъ второго брака моего отца, если это былъ вообще бракъ. Что же тутъ мудренаго, если вы стали сравнивать свои воспоминанія съ моими и сказали: „мы почти одинаковаго возраста; въ это самое время я сидѣлъ на колѣняхъ у матери, въ каретѣ своего отца, катаясь по богатымъ англійскимъ улицамъ; меня окружала всякая роскошь и всякая нечистая бѣдность была далеко отъ меня. Таковы *мои* самыя раннія воспоминанія по сравненію съ вашими!“

М-ръ Обенрейцеръ былъ смуглымъ молодымъ черноволосымъ человѣкомъ, на загорѣломъ лицѣ котораго никогда не показывался румянецъ. Когда краска показалась бы на щекахъ другого, на его щекахъ появлялось едва различимое біеніе, какъ если бы тамъ былъ скрытъ механизмъ, служащій для поднятія горячей крови, но механизмъ совсѣмъ сухой. Онъ былъ сильнаго и вполне пропорціональнаго сложенія и имѣлъ красивыя черты лица. Многіе замѣтили бы, что нѣкоторое измѣненіе въ его наружности заставило бы ихъ чувствовать себя съ нимъ менѣе стѣсненно, но они не смогли бы опредѣлить точнѣе, какое понадобилось бы для этого произвести измѣненіе. Если бы его губы могли сдѣлаться болѣе толстыми, а его шея болѣе тонкой, то они нашли бы, что этотъ недостатокъ исправленъ.

Но величайшей особенностью Обенрейцера было то, что какаето пелена, которой трудно подыскать названіе, застилала его глаза—повидимому, повинувся его собственной волѣ, и непроницаемо скрывала не только въ нихъ, зеркалъ души, но и вообще во всемъ его лицѣ всякое иное выраженіе, кромѣ вниманія. Изъ этого ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ, что его вниманіе было всецѣло приковано къ тому лицу, съ кѣмъ онъ говорилъ или даже всецѣло поглощено окружающими его звуками или предметами. Скорѣе это было многозначительное наблюденіе за всѣми своими мыслями и за тѣми, какія онъ зналъ въ головахъ другихъ.

Въ этой фразѣ разговора пелена застлала глаза м-ра Обенрейцера.

— Цѣлью моего настоящаго визита,—сказаль Вендэль,—является, едва ли мнѣ нужно упоминать объ этомъ, увѣреніе васъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ вамъ со стороны Уайльдинга и К^о, въ открытіи нами вамъ кредита и въ нашемъ желаніи быть вамъ полезными. Мы надѣемся оказать вамъ въ самомъ кратчайшемъ времени свое гостеприимство. Дѣла у насъ еще не совсѣмъ вошли въ свою колѣю, такъ какъ мой компаньонъ м-ръ Уайльдингъ реорганизуеъ дамашнюю часть нашего учрежденія и отвлеченъ пока нѣкоторыми частными дѣлами. Вы, я думаю, не знаете м-ра Уайльдинга?

М-ръ Обенрейцеръ не зналъ его.

— Вы должны поскорѣ сойтись. Онъ будетъ радъ познакомиться съ вами, и мнѣ кажется, что я могу предсказать, что и вы будете рады познакомиться съ нимъ. Вы, я полагаю, не очень давно устроились въ Лондонѣ, м-ръ Обенрейцеръ?

— Я только теперь принялъ на себя это агентство.

— Mademoiselle ваша племянница... еще... не замужемъ?

— Не замужемъ.

Джордж Вендэль посмотрѣлъ по сторонамъ, какъ будто отыскивая какихъ-нибудь ея признаковъ.

— Она была въ Лондонѣ?

— Она живетъ въ Лондонѣ.

— Когда и гдѣ я могъ бы имѣть честь напомнить ей о себѣ?

М-ръ Обенрейцеръ стряхнулъ со своихъ глазъ пелену и, прибоснувшись, какъ раньше, къ локтямъ своего посѣтителя, сказалъ весело:—Пойдемте наверхъ.

Немного смущенный, благодаря неожиданности, съ которой, наконецъ, выпала на его долю та встрѣча, которой онъ такъ искалъ, Джордж Вендэль послѣдовалъ за Обенрейцеромъ наверхъ. Въ комнатѣ, расположенной надъ той, которую онъ только что покинулъ—въ комнатѣ тоже съ швейцарской обстановкой—сидѣла около одного изъ трехъ оконъ молодая особа, работая надъ пальцами; другая особа, постарше, сидѣла, обернувшись лицомъ прямо къ бѣлой изразцовой печкѣ (хотя стояло лѣто и печь не топилась) и чистила перчатки. У молодой особы было необыкновенное количество прекрасныхъ свѣтлыхъ волосъ, которые очень мило обрамляли ея бѣлый лобъ, немного болѣе выпуклый, чѣмъ у другихъ средняго англійскаго типа; и, слѣдовательно, ея лицо было чуть—или, скажемъ, немного—круглѣе, чѣмъ лицо у средняго англійскаго типа, да и вся фигура ея была нѣсколько округлѣе, чѣмъ у средней англійской девятнадцатилѣтней дѣвушки. Ея спокойная поза не скрывала замѣчательной граціи ея тѣла и свободы движеній, а удивительная чистота и свѣжесть цвѣта ея лица

съ ямочками на щекахъ и ея свѣтлые сѣрые глаза, казалось, распространяли благоуханіе горнаго воздуха. Хотя общій фасонъ ея платья былъ англійскій, но все же Швейцарія проглядывала въ причудливомъ корсажѣ, который она носила, и скрывалась въ художественной вышивкѣ ея красныхъ чулокъ и въ маленькихъ башмакахъ съ серебряными прижками. Что же касается пожилой особы, сидѣвшей, разставивъ ноги, на нижнемъ мѣдномъ карнизѣ печки, съ цѣлой кучей перчатокъ на колѣняхъ и чистившей одну изъ нихъ, патянувъ ее на лѣвую руку, то это было настоящее олицетвореніе Швейцаріи, но только въ другомъ родѣ, начиная съ ширины ея подушкообразной спины и тяжести ея почтенныхъ ногъ (если только можно такъ сказать) и кончая ея черной бархатной ленточкой, туго обвязанной вокругъ шеи, чтобы помѣшать начинающемуся расположенію къ зубу или, еще выше, кончая ея большими золотыми серьгами, цвѣта мѣди, или, еще выше, кончая ея наколкой изъ чернаго газа, натянутой на проволоку.

— Миссъ Маргарита, — сказала Обенрейцеръ молодой особѣ, — припоминаете ли вы этого джентльмена?

— Я думаю, — отвѣчала она, поднявшись со своего стула, удивленная и чуть-чуть смущенная, — что это м-ръ Вендэль?

— Я думаю, что это онъ, — сказала сухо Обенрейцеръ. — Позвольте представить, м-ръ Вендэль: — Мадамъ Доръ.

Пожилая особа у печки съ перчаткой, натянутой на лѣвую руку, что дѣлало ее похожей на выѣску — знакъ перчаточника, слегка приподнялась, слегка взглянула черезъ свое широкое плечо и грузно шлепнулась въ кресло, продолжая снова тереть.

— Мадамъ Доръ, — сказала Обенрейцеръ съ улыбкой, — такъ любезна, что охраняетъ меня отъ пятенъ и прорѣхъ. Мадамъ Доръ потакаетъ моей слабости быть всегда опрятнымъ и посвящаетъ свое время на удаление пятенъ и жира.

Мадамъ Доръ съ простертой въ воздухъ перчаткой внимательно разглядывала ладонь, но, открывъ въ этотъ моментъ липкое пятно на платьѣ м-ра Обенрейцера, стала съ усердіемъ тереть его. Джорджъ Вендэль сѣлъ около плеча, пожавъ сперва прекрасную правую руку, которую его приходъ оторвалъ отъ работы, и взглянувъ на золотой крестъ, видѣвшійся изъ-за корсажа, съ нѣкоторой долей благоговѣнія пилигримма, который достигъ, наконецъ, раки святого. Обенрейцеръ стоялъ посреди комнаты, заложивъ большіе пальцы рукъ въ жилетные кармашки, и его глаза снова стали заволакиваться пеленой.

— Онъ говорилъ внизу, миссъ Обенрейцеръ, — замѣтилъ Вендэль, — что міръ такое небольшое мѣсто, гдѣ одинъ человѣкъ не можетъ ускользнуть отъ другого. Я находилъ его для себя самымъ ужъ обширнымъ съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ васъ въ послѣдній разъ.

— Значить, вы такъ далеко уѣзжали?—спросила она.

— Не такъ далеко, потому что я только ежегодно ѣздилъ въ Швейцарію; но я могъ желать—и, конечно, я очень часто желалъ,—чтобы маленькій міръ не представлялъ такихъ случаевъ къ долгимъ разлукамъ, какъ это бываетъ. Если бы міръ былъ поменьше, я могъ бы найти своихъ товарищей по путешествію скорѣе, не правда ли?

Хорошенькая Маргарита покраснѣла и очень быстро взглянула по направленію къ мадамъ Доръ.

— Въ концѣ концовъ вы насъ нашли, м-ръ Вендэль. Можетъ быть, вы насъ снова потеряете.

— Я увѣренъ, что нѣтъ. Любопытное совпаденіе, которе могло мнѣ найти васъ, позволяетъ мнѣ надѣяться, что этого не будетъ.

— Какое это совпаденіе, сэръ, пожалуйста?

Милая небольшая національная особенность въ этомъ оборотѣ рѣчи и въ произношеніи сдѣлала эти слова оборотистыми,—подумалъ Джорджъ Вендэль, и въ то же время онъ снова замѣтилъ мгновенный взглядъ, брошенный на мадамъ Доръ. Казалось, имъ посыпалось предостереженіе, хотя этотъ взглядъ былъ быстръ, какъ молнія; поэтому Вендэль сталъ съ этого момента незамѣтно наблюдать за мадамъ Доръ.

— Случилось такъ, что я сдѣлался компаньономъ въ одномъ торговомъ домѣ въ Лондонѣ, которому м-ръ Обенрейцеръ былъ какъ разъ сегодня особенно рекомендованъ и тоже однимъ торговымъ домомъ въ Швейцаріи, съ которымъ (такъ сложились обстоятельства) мы оба связаны дѣловыми интересами. Онъ не рассказывалъ вамъ объ этомъ?

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнулъ м-ръ Обенрейцеръ, вступая въ разговоръ уже безъ пелены на глазахъ.—Я не рассказывалъ объ этомъ миссъ Маргаритѣ. Міръ такъ малъ и такъ монотоненъ, что сюрпризъ бываетъ очень цѣненъ въ немъ, такомъ маленькомъ и пошломъ. Все обстоитъ такъ, какъ онъ вамъ рассказываетъ, миссъ Маргарита. Онъ, отпрыскъ такой хорошей фамиліи и такъ благородно воспитанный, снизошелъ до торговли. До торговли! Подобно, намъ, бѣднымъ крестьянамъ, поднявшимся изъ нищеты!

По ея прекрасному челу проползло облачко, и она опустила свои глаза внизъ.

— Но, вѣдь это хорошо для торговли!—продолжалъ съ энтузіазмомъ Обенрейцеръ. — Это облагораживаетъ торговлю. Несчастье торговли, ея низменность, заключается въ томъ, что всякій человѣкъ низкаго происхожденія—напримѣръ, мы, бѣдные крестьяне,—можетъ приняться за торговлю и подыматься при помощи ея. Вотъ посмотрите, мой дорогой Вендэль,—онъ заговорилъ съ большой выразительностью, — отецъ миссъ Маргариты, мой

старшій единоутробный братъ, который былъ бы больше, чѣмъ вдвое старше васъ или меня, будь онъ живъ, ушелъ безъ сапогъ, почти безъ лохмотьевъ изъ этого нашего злополучнаго горнаго прохода... скитался, скитался, достигъ того, что его стали кормить вмѣстѣ съ мулами и собаками въ какомъ то трактирѣ въ большой долигѣ, очень далеко отъ насъ,—сдѣлался тамъ мальчикомъ, потомъ сталъ конюхомъ, сталъ половымъ, сталъ поваромъ, сталъ хозяиномъ. Сдѣлавшись хозяиномъ, онъ взялъ меня къ себѣ (не могъ же онъ взять своего идиота попрошайку брата или свою сестру—чудовище за прылкой?) и помѣстилъ въ ученики къ извѣстному часовнику, своему сосѣду и пріятелю. Его жена умираетъ, когда родилась миссъ Маргарита. Какова же была его воля и каковы были его послѣднія слова, съ которыми онъ обратился ко мнѣ, умирая? А она была въ томъ возрастѣ, когда дѣлаются женщиной, оставаясь еще дѣвочкой. Онъ сказалъ: — „Все оставляю Маргаритѣ, кромѣ такой - то суммы въ годъ для тебя. Ты молодъ, но я назначаю тебя ея опекуномъ, такъ какъ ты по происхожденію изъ самаго темнаго и бѣднаго крестьянства, и я самъ происхожу изъ него, и изъ него же происходила и ея мать; всѣ мы были простыми крестьянами и ты помни это“. Все это совершенно вѣрно и по отношенію къ большей части моихъ земляковъ, торгующихъ теперь въ этомъ вашемъ Лондонѣ, въ кварталѣ Сого. Все это бывшіе крестьяне; швейцарскіе крестьяне, низкаго происхожденія, трудившіеся надъ тяжелой и грязной работой. Поэтому какъ хорошо и цѣнно для торговли,—здѣсь его пылъ изсякъ и онъ заговорилъ шуточно-ликующимъ тономъ, коснувшись снова молодого винооторговца и слегка пожимая его локти,—что се возвышаютъ джентльмены.

— Я не думаю такъ,—сказала Маргарита съ загорѣвшимися щеками и отвѣдя взоръ отъ посѣтителя, что было почти вызовомъ.—Я думаю, что ее точно также возвышаемъ и мы, крестьяне.

— Фи, миссъ Маргарита,—сказалъ Обенрейцеръ.—Вы говорите въ гордой Англіи.

— Я говорю гордо и серьезно,—отвѣчала она, снова спокойно принимаясь за свою работу,—и я дочь не англійскаго, а швейцарскаго крестьянина.

Въ ея словахъ прозвучало желаніе переменить тему разговора, противъ чего Вендэль не могъ возражать. Онъ только серьезно сказалъ:

— Я самымъ усерднымъ образомъ соглашаюсь съ вами, миссъ Обенрейцеръ, и я уже высказывалъ свое мнѣніе въ вашемъ домѣ, какъ это можетъ подтвердить м-ръ Обенрейцеръ,—который, однако, отнюдь не подтвердилъ этого.

Теперь Вендэль замѣтилъ нѣчто въ широкой сивѣ мадамъ

Доръ, такъ какъ глаза у него были быстрые и онъ время отъ времени зорко слѣдилъ за этой дамой. Въ томъ, какъ она чистила перчатки, было порядочно-таки мимической выразительности. Чистка производилась очень медленно, когда онъ говорилъ съ Маргаритой, или совершенно прекращалась, словно она прислушивалась. Когда Обенрейцеръ закончилъ свою рѣчь о крестьянахъ, мадамъ Доръ стала тереть, что есть силы, словно она аплодировала. Одинъ или два раза, когда перчатка (которую она все время держала передъ собой немного выше лица) переворачивалась въ воздухъ или когда одинъ палецъ былъ опущенъ внизъ, а другой поднять къверху, онъ даже думалъ, не установлено ли тутъ какого нибудь телеграфнаго сообщенія съ Обенрейцеромъ: его спина ни разу не поворачивалась къ мадамъ Доръ, хотя, казалось, онъ совершенно не обращаетъ на нее вниманія.

Вендэль также замѣтилъ, что въ томъ, какъ Маргарита прѣмѣнила тему разговора, дважды направленнаго къ тому, чтобы выставить его въ дурномъ свѣтѣ, проскользнуло гнѣвное раздраженіе на своего опекуна, раздраженіе, которое она попыталась скрыть: она какъ будто хотѣла разразиться гнѣвомъ противъ Обенрейцера, но побоялась. Онъ также замѣтилъ—хотя это было не такъ ужъ важно—что Обенрейцеръ ни разу не подходилъ къ ней ближе того разстоянія, которое онъ установилъ съ самаго начала,—какъ будто бы между ними были рѣзко проведены границы. Ни разу онъ не говорилъ о ней безъ приставки „миссъ“, хотя всякій разъ произносилъ ее съ легчайшимъ оттѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ. И теперь Вендэлю въ первый разъ пришло въ голову, что то странное въ этомъ человѣкѣ, что онъ никогда раньше не могъ опредѣлить, можно было опредѣлить, какъ какую-то тонкую струю насмѣшки, которая ускользала отъ оцѣнки. Онъ убѣдился, что Маргарита была въ нѣкоторомъ родѣ плѣнницей и не могла располагать своей свободной волей, и хотя она и противопоставляла ее силой своего характера соединенной волѣ этихъ двухъ лицъ, но тѣмъ не менѣе ея характеръ былъ неспособенъ освободить ее. Убѣдиться въ этомъ—значило почувствовать себя расположеннымъ полюбить ее болѣе, чѣмъ онъ когда-нибудь любилъ. Короче сказать, онъ отчаянно влюбился въ нее и рѣшилъ безусловно не упустить изъ рукъ того случая, который, наконецъ, представился ему.

Поэтому, пока онъ только упомянулъ о томъ удовольствіи, которое будутъ скоро имѣть Уайльдингъ и К^о, обратившись съ просьбой къ миссъ Обенрейцеръ почтить своимъ присутствіемъ ихъ учрежденіе—любопытный старый домъ, хотя, впрочемъ, домъ холостяковъ—и не продлилъ своего визита долѣе обычнаго. Спускаясь внизъ въ сопровожденіи хозяина, онъ увидалъ контору Обенрейцера позади сѣней и нѣсколькихъ оборванныхъ людей въ иностранныхъ одеждахъ, которые были тутъ и которыхъ Обенрейцеръ заста-

виль посторониться, чтобы они дали пройти, сказавъ имъ нѣсколько словъ на ихъ языкѣ.

— Земляки,—объяснилъ онъ, дожидаясь Вендэля у дверей.— Сѣдныя соотечественники. Благодарные и чувствующіе привязанность, какъ собаки! Прощайте. До новой встрѣчи. Такъ радъ!

Еще два легкихъ прикосновенія къ его локтямъ, и онъ на улицѣ.

Нѣжная Маргарита за своими пальцами и широкая спина мадамъ Доръ за своимъ телеграфомъ витали передъ нимъ до Угла Увѣчныхъ. Когда онъ пришелъ туда, Уайльдингъ совѣщаяся садниль съ Бингресемъ. Двери погребѣ были случайно открыты; Вендэлю зажегъ свѣчу, прикрѣпленную къ расщепу палки, и спустился внизъ, чтобы пройти по погребу. Граціозная Маргарита витала передъ нимъ неизмѣнно, но широкая спина мадамъ Доръ осталась за дверями.

Погребѣ были очень обширны и очень стары. Въ нихъ былъ какой-то камснный склепъ еще съ тѣхъ поръ, когда прошедшее не было прошедшимъ; нѣкоторые говорили, что это остатки монашеской талезной, иные—часовни; другіе—языческаго храма. Все это было теперь одинаково правдоподобно. Пусть всякій, кто хочетъ, дѣласть, что ему нравится, изъ раскрошившейся колонны и разрушившейся арки или тому подобнаго. Сѣдое время сдѣлало то, что ему хотѣлось, и было совершенно равнодушно къ противорѣчію.

Спертый воздухъ, запахъ плѣсени и громовой грохотъ надъ головой на улицахъ,—все это выходило изъ рамокъ повседневной жизни и довольно хорошо согласовалось съ образомъ хорошенькой Маргариты, защищающей себя отъ тѣхъ двоихъ. Такъ Вендэль продолжалъ свой путь, пока не увидать, при одномъ изъ поворотовъ въ погребѣхъ, свѣта отъ такой же свѣчи, какую несъ самъ.

— О! Вы здѣсь? Это вы, Джоэ?

— Развѣ не слѣдовало бы скорѣе спросить:—О, вы здѣсь, это вы, мастеръ Джорджъ? Потому что мое дѣло быть здѣсь, но не ваше.

— Не ворчите, Джоэ.

— О, я не ворчу,—возразилъ погребщикъ.—Если кто и ворчить, то это то, что я принимаю черезъ поры, а не я. Постарайтесь, чтобы что-нибудь не начало ворчать въ васъ, мастеръ Джорджъ. Побудьте здѣсь подольше, чтобы испаренія начали дѣйствовать, и они окажутъ на васъ свое вліяніе.

Его текущее занятіе состояло въ томъ, что онъ соваль голову въ лари, дѣлая какія-то измѣренія и уметвенныя вычисленія, и заносилъ все это въ записную книжку, сдѣланную какъ будто изъ кожи носорога и словно составляющую часть самого Джоэ Лэдя.

— Они окажутъ на васъ свое вліяніе,—началь онъ снова, положитъ деревянную рейку, которой онъ производилъ измѣренія.

поперекъ двухъ бочекъ; тутъ онъ занесъ свое послѣднее вычисленіе въ книжку и выпрямилъ спину, — вѣрьте имъ! Итакъ, вы уже совершенно вошли въ дѣло, мастеръ Джорджъ?

— Совершенно. Я надѣюсь, вы не встрѣчаете къ этому препятствій, Джоэ?

— Я не встрѣчаю, Богъ съ вами. Но испаренія встрѣчаютъ то препятствіе, что вы слишкомъ молоды. Вы оба слишкомъ молоды.

— Мы будемъ уменьшать это препятствіе день за днемъ, Джоэ.

— Ахъ, мастеръ Джорджъ; но я буду день за днемъ увеличивать то препятствіе, что я слишкомъ старъ и поэтому не буду въ состояніи увидѣть въ васъ большого улучшенія.

Этотъ удачный отвѣтъ такъ понравился Джоэ Лэдлю, что онъ крикнулъ отъ удовольствія, повторилъ его снова и крикнулъ вторично, послѣ второго изданія „большого улучшенія“.

— Но вотъ ужъ совсѣмъ не до смѣха, мастеръ Джорджъ, — снова началъ онъ, еще разъ выпрямляя свою спину, — что молодой мастеръ Уайльдингъ пришелъ и перемѣнилъ счастье. Обратите вниманіе на мои слова. Онъ перемѣнилъ счастье, и оно уйдетъ отъ него. Не даромъ провелъ я всю жизнь здѣсь внизу. По тѣмъ признакамъ, которые я замѣчаю здѣсь внизу, я знаю, когда идетъ дождь, когда онъ перестаетъ, когда вѣтряно, когда стоитъ тихая погода. Точно также хорошо я знаю по тѣмъ признакамъ, которые вижу здѣсь внизу, когда счастье измѣнится.

— А эти наросты на сводахъ имѣютъ что-нибудь общее съ вашими предсказаніями? — спросилъ Вендэль, поднимая свою свѣчу къ мрачнымъ лохматымъ наростамъ темныхъ грибовъ, свѣшивавшихся со сводовъ самымъ неприятнымъ и отталкивающимъ образомъ. — Мы славимся этими наростами въ нашихъ погребкахъ, не такъ ли?

— Это вѣрно, мастеръ Джорджъ, — отвѣсилъ Джоэ Лэдль, дѣлая одинъ—два шага въ сторону, — но если вы позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ, то, пожалуйста, оставьте ихъ въ покоѣ.

Поднявъ рейку, все еще до сихъ поръ лежавшую поперекъ двухъ бочекъ, и тихонько трогая ея вялый наростъ, Вендэль спросилъ: почему же?

— Почему? Не столько потому, что они происходятъ отъ бочекъ съ виномъ и могутъ предоставить вамъ возможность судить о томъ, что за вещество принимаетъ въ себя погребщикъ, прогуливаясь здѣсь всю свою жизнь, и даже не столько потому, что въ этомъ періодѣ ихъ роста въ нихъ водятся черви, которыхъ вы можете сшибить на себя, — отвѣчалъ Джоэ Лэдль, все еще держась въ сторонѣ, — сколько по другой причинѣ, мастеръ Джорджъ.

— По какой другой причинѣ?

— (Я не сталъ бы продолжать трогать его, будь я на ва-

шемъ мѣстѣ, сэръ). Я расскажу вамъ, если вы отойдете отсюда. Прежде всего посмотрите на его цвѣтъ, мастеръ Джорджъ.

— Я и смотрю.

— Уже посмотрѣли, сэръ. Теперь, пойдемте отсюда.

Онъ пошелъ со своей свѣчей къ выходу и Вендэль послѣдовалъ за нимъ, неся свою. Догнавъ его и возвращаясь вмѣстѣ съ нимъ назадъ, Вендэль взглянулъ на него, когда они проходили подь сводами и сказалъ:

— Что же, Джозъ? Цвѣтъ...

— Не похожъ ли онъ на заекшуюся кровь, мастеръ Джорджъ?

— Ну, положимъ, довольно похожъ.

— Мнѣ кажется больше, чѣмъ похожъ,—пробормоталъ Джозъ Лэдль, важно покачивая головой.

— Ну, ладно! Скажемъ, что онъ похожъ; скажемъ, что онъ очень похожъ. Что же дальше?

— Мастеръ Джорджъ, говорятъ...

— Кто говоритъ?

— Какъ я могу знать, кто?—возразилъ погребщикъ, повидимому, очень раздраженный нелѣпностью вопроса.—Всѣ! Тѣ, которые довольно—таки хорошо говорятъ обо всемъ, вы знаете это. Какъ я могу знать, кто такіе говорятъ, если вы сами этого не знаете?

— Правильно. Продолжайте.

— Говорятъ, что тотъ человѣкъ, которому какъ-нибудь упадетъ прямо на грудь кусокъ такого темнаго нароста, будетъ навѣрняка и несомнѣнно убитъ.

Когда Вендэль остановился со смѣхомъ, чтобы заглянуть погребщику въ глаза, которые тотъ устремилъ на свою свѣчу, медленно произнося эти слова, то внезапно онъ почувствовалъ ударъ, нанесенный ему въ грудь сильной рукой. Мгновенно прослѣдивъ глазами движеніе, нанесшей ему ударъ, руки—руки его спутника—онъ увидѣлъ, что она сбила съ его груди обрывокъ или комокъ гриба, еще летѣвшій на землю.

На мгновеніе онъ повернулся къ погребщику почти съ такимъ же испуганнымъ взглядомъ, съ какимъ тотъ обернулся къ нему. Но въ слѣдующую минуту они увидѣли дневной свѣтъ у подножія лѣстницы, ведущей изъ погреба, и прежде, чѣмъ весело взбѣжать вверхъ по ступенямъ, Вендэль задулъ свою свѣчу и вмѣстѣ съ нею свое суетвріе.

УАЙЛЬДИНГЪ УХОДИТЬ.

На слѣдующій день утромъ Уайльдингъ вышелъ изъ дому одинъ, оставивъ порученіе своему клерку: „Если м-ръ Вендэль спроситъ обо мнѣ“, сказалъ онъ: „или если зайдетъ м-ръ Бинтрей, то скажите имъ, что я пошелъ въ Воспитательный Домъ“. Все, что говорилъ ему его компаньонъ, все, съ чѣмъ старался убѣдить его повѣрен-

ныи, высказывавшій то же самое мнѣніе, не могло поколебать его, и онъ продолжалъ настаивать на свой собственной точкѣ зрѣнія. Найти потеряннаго человѣка, мѣстомъ котораго онъ незаконно завладѣлъ,—вотъ въ чемъ заключался сейчасъ высшій интересъ его жизни, и справка въ Воспитательномъ Домѣ была, очевидно, первымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Вотъ почему виноторговецъ и шелъ теперь туда.

Когда-то знакомый видъ зданія не представлялся ему теперь такимъ, какъ и не представлялся ему теперь прежнимъ портретъ надъ каминомъ. Прервалась самая дорогая и единственная связь съ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ прошло его дѣтство, прервалась навсегда. Какое-то странное отвращеніе овладѣло имъ, когда онъ сообщилъ привратнику, что пришелъ по дѣлу. Сердце его ныло, когда онъ сидѣлъ въ одиночествѣ въ пріемной, ожидала, пока не придетъ казначей заведенія, за которымъ послали и съ которымъ ему нужно было повидаться. Когда начался разговоръ, то онъ могъ только болѣзненнымъ усиліемъ воли заставить себя успокоиться настолько, чтобы объяснить причину своего посѣщенія.

Казначей слушалъ его съ лицомъ, на которомъ выражалось все необходимое вниманіе и ничего больше.

— Мы обязаны быть осмотрительными,—сказалъ онъ, когда настала его очередь говорить,—относительно всѣхъ вопросовъ, съ которыми обращаются къ намъ постороннія лица.

— Вы едва ли станете считать меня постороннимъ лицомъ,—отвѣтилъ просто Уайльдингъ.—Когда-то и я былъ здѣсь однимъ изъ вашихъ бѣдныхъ покинутыхъ дѣтей.

Казначей вѣжливо замѣтилъ, что это обстоятельство внушаетъ ему чрезвычайный интересъ къ особѣ посѣтителя. Но тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ на томъ, чтобы посѣтитель изложилъ тѣ мотивы, которые заставляютъ его наводить справки. Безъ всякихъ предисловій Уайльдингъ изложилъ ему свои мотивы, не умолчавъ ни о чемъ. Казначей всталъ и указалъ ему дорогу въ комнату, гдѣ хранились все журналы заведенія.

— Все свѣдѣнія, которыя вы можете почерпнуть изъ нашихъ книгъ, вполне къ вашимъ услугамъ, — сказалъ онъ.—Я только боюсь, что послѣ такого большого промежутка времени это—единственное указаніе, которое мы можемъ предложить вамъ.

Справились по книгамъ и нашли записъ, составленную въ такихъ выраженіяхъ: „3-го марта 1836 г. Усыновленъ и взятъ изъ Воспитательнаго Дома младенецъ мужескаго пола, по имени Вальтеръ Уайльдингъ. Имя и состояніе лица, усыновившаго ребенка: миссъ Джэнъ Анна Миллеръ, вдова. Адресъ—Домикъ подъ Липами, Грумбриджскіе Колодцы. Поручители: Прешодобный Джонъ Харкеръ, Грумбриджскіе Колодцы, и г-да Джайлсъ, Джеремъ и Джайлсъ, банкиры, Ломбардстритъ“.

— Это все?—спросилъ виноторговецъ.—Больше вы ничего не слышали о миссисъ Миллеръ?

— Ничего—въ противномъ случаѣ въ этой книгѣ должна была бы быть сдѣлана какая-нибудь ссылка на это.

— Могу ли я снять копию съ этой записки?

— Конечно! Вы немного взволнованы. Позвольте мнѣ снять за васъ копию.

— Я думаю, мнѣ остается только попытать счастья,—сказалъ Уайльдингъ, смотря печально на копию,—наведя справки въ мѣсто-пребываніи миссисъ Миллеръ и попробовать, не смогутъ ли они помочь чѣмъ-нибудь.

— Я думаю, что это вамъ только и остается сдѣлать, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ сейчасъ кажется,—отвѣтилъ казначей.—Отъ души желаю, чтобы мнѣ въ будущемъ представилась возможность помочь вамъ чѣмъ-нибудь.

Утѣшенный на прощанье такими словами, Уайльдингъ отправился на поиски, которые начинались отъ дверей Воспитательнаго Дома. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ, очевидно, банкирскій домъ на Ломбардстритѣ. Двое компаньоновъ фирмы, о которыхъ онъ спросилъ, были недоступны для случайныхъ посѣтителей. Третій сначала указалъ на рядъ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ затрудненій, но затѣмъ согласился разрѣшить клерку просмотрѣть счетную книгу, помѣченную заглавной буквою „М“. Счетъ миссисъ Миллеръ, вдовы, изъ Грумбриджскихъ Колодцевъ, былъ найденъ. Онъ былъ перекрещенъ двумя длинными линиями, сдѣланными выцвѣтшими чернилами, а внизу страницы была сдѣлана такая отмѣтка: „Счетъ закрыть, 30-го сентября 1837 г.“.

Итакъ, первый путь, избранный имъ, закончился и закончился тушникомъ: прохода не было! Отправивъ записку въ Уголь Увѣчныхъ, чтобы увѣдомить своего компаньона о томъ, что его отсутствіе можетъ продлиться еще нѣсколько часовъ, Уайльдингъ занялъ мѣсто въ поѣздѣ и направился по второму пути—въ мѣсто-пребываніе миссисъ Миллеръ въ Грумбриджскихъ Колодцахъ.

Вмѣстѣ съ нимъ ѣхали матери и дѣти; матери и дѣти встрѣчали другъ друга на станціяхъ; матери и дѣти были въ лавкахъ, куда онъ заходилъ разспросить о Домикѣ подъ Линами. Повсюду проявлялось въ счастливомъ свѣтѣ дня самое близкое, самое дорогое и счастливое изъ всѣхъ человѣческихъ отношеній. Повсюду ему припоминалось то драгоцѣнное заблужденіе, изъ котораго онъ былъ такъ жестоко выведенъ, то утраченное воспоминаніе, которое скользнуло по нему, какъ отраженіе отъ зеркала.

Разспрашивая то здѣсь, то тамъ, онъ не могъ ничего услышать о такомъ мѣстѣ, какъ Домикъ подъ Линами. Проходя мимо конторы агента по приписанію квартиръ, онъ устало зашелъ въ нее и въ послѣдній разъ обратился со своимъ вопросомъ. Квартирный агентъ

указалъ ему на мрачный многооконный домъ, стоявшій на другой сторонѣ улицы, который могъ быть фабрикой, но оказался гостиницей.

— Вотъ то мѣсто,—сэръ,—сказалъ онъ,—гдѣ стоялъ Домикъ подъ Липами десять лѣтъ тому назадъ.

Второй путь окончился, и снова нѣтъ прохода!

Но оставалась еще одна надежда. Вѣдь можно было еще найти поручителя-священника, м-ра Харкера. Такъ какъ въ это время вошли обычные посѣтителю и овладѣли вниманіемъ квартирнаго агента, то Уайльдингъ вышелъ на улицу и, войдя въ книжную лавку, спросилъ, не могутъ ли ему сообщить теперешній адресъ преподобнаго Джона Харкера.

Книгопродавецъ былъ, казалось, совершенно пораженъ и удивленъ и ничего не отвѣтилъ.

Уайльдингъ повторилъ свой вопросъ.

Книгопродавецъ взялъ съ прилавка изящный маленький томикъ въ скромномъ сѣромъ переплетѣ. Онъ открылъ книжку на заглавной страницѣ и подаль ее посѣтителю. Уайльдингъ прочелъ: „Мученическая смерть преподобнаго Джона Харкера въ Новой Зеландіи. Разсказано бывшимъ членомъ его паствы“.

Уайльдингъ положилъ книгу обратно на прилавокъ.

— Извините, пожалуйста,—сказалъ онъ, отчасти думая, вѣроятно, при этихъ словахъ о своемъ собственномъ мученичествѣ.

Молчаливый книгопродавецъ принялъ съ поклономъ его извиненіе.

Уайльдингъ вышелъ.

Третій и послѣдній путь—и снова нѣтъ прохода въ третій и послѣдній разъ.

Больше ничего не оставалось дѣлать; не оставалось совершенно никакого выбора, какъ только вернуться въ Лондонъ, потерпѣвъ пораженіе на голову. На обратномъ пути виноторговецъ посматривалъ время отъ времени на копію, снятую съ записи въ журналѣ Воспитательнаго Дома. Среди многихъ видовъ отчаянія есть одинъ, быть можетъ, самый болѣзненный—это тотъ, гдѣ отчаяніе скрывается за надеждой. Уайльдингъ едва удержался, чтобы не выбросить изъ окна вагона бесполезный клочекъ бумаги. „Быть можетъ онъ приведетъ еще къ чему нибудь,—подумалъ онъ. Пока я живъ, я не разстанусь съ нимъ. Когда я умру, мои душеприказчики найдутъ его запечатаннымъ вмѣстѣ съ моей послѣдней волей“.

Тутъ мысль о послѣдней волѣ заставила добраго виноторговца направить свои думы по новому пути, не отклоняясь, впрочемъ, отъ того предмета, на которомъ сосредоточилось его вниманіе. Онъ долженъ немедленно составить свое завѣщаніе.

Слова „нѣтъ прохода“ въ примѣненіи къ данному случаю были обязаны своимъ происхожденіемъ м-ру Бинтрею. Во время ихъ пер-

ваго совѣстнаго продолжительнаго совѣщанія, которое послѣдовало за открытіемъ тайны, этотъ здравомыслящій человѣкъ сотни разъ повторялъ, покачивая отрицательно головой:—Нѣтъ прохода, сэръ! Нѣтъ прохода. Я увѣренъ въ томъ, что тутъ нѣтъ никакого выхода изъ создавшагося нынѣ положенія, поэтому я совѣтую вамъ утѣшиться и примириться со всѣмъ происшедшимъ.

Во время затянувагося совѣщанія приносилось большое количество стараго сорока-пятилѣтняго портвейна, чтобы промочить юридическое горло м-ра Бинтрея; но чѣмъ яснѣе представлялась ему борьба съ випомъ, тѣмъ ярче видѣлъ онъ невозможность побороить создавшееся затрудненіе и всякій разъ, ставя на столъ пустой стаканъ, повторялъ: „М-ръ Уайльдингъ, нѣтъ прохода. Успокойтесь и благодарите судьбу“.

Заботливость честнаго виноторговца о составленіи духовнаго завѣщанія несомнѣнно возникла благодаря его чрезвычайной добросовѣстности; хотя возможно (и это совершенно соответствовало его прямотѣ), что онъ могъ безсознательно получить нѣкоторое чувство облегченія, питая надежду передать свои собственные затрудненія двумъ другимъ людямъ, которые ему наслѣдовали. Но какъ бы то ни было, онъ слѣдовалъ съ величайшимъ жаромъ за новымъ направленіемъ своихъ мыслей и, не теряя времени, попросилъ Джорджа Вендэля и м-ра Бинтрея придти къ нему въ Уголь Увѣчныхъ, гдѣ онъ сдѣлаетъ имъ нѣкоторое сообщеніе.

— Мы собрались всѣ трое и двери заперты,—сказалъ м-ръ Бинтрей, обращаясь по этому случаю къ новому компаньону.—И я хочу прежде, чѣмъ нашъ другъ (и мой кліентъ) довѣритъ намъ свои дальнѣйшія виды, замѣтить, что я всецѣло расписываюсь подъ тѣми словами, въ которыхъ, м-ръ Вендэль, заключался вашъ совѣтъ, какъ я понялъ изъ его словъ, и въ которыхъ заключался бы совѣтъ каждаго разумнаго человѣка. Я уже говорилъ ему, что онъ безусловно долженъ хранить свой секретъ. Я бесѣдовалъ съ м-съ Гольдстроо, какъ въ его присутствіи, такъ и безъ него, и мнѣ кажется, что если можно кому-нибудь довѣрять (и это очень большое *если*), такъ это ей, разумѣется, въ предѣлахъ этого *если*. Я указывалъ нашему другу (и моему кліенту), что начать безцѣльные розыски—это значитъ не только поднять на ноги дьявола во образѣ всѣхъ мошенниковъ Королевства, но и истощить свое состояніе. Вы же, м-ръ Вендэль, знаете, что нашъ другъ (и мой кліентъ) не желаетъ вовсе истощать своего состоянія, но, напротивъ, хочетъ оставить его въ неприкосновенности для того лица, которое онъ считаетъ—но я не могу сказать этого про себя—полноправнымъ собственникомъ, если только когда-нибудь будетъ найденъ этотъ полноправный собственникъ. Я очень сильно ошибаюсь, если онъ когда-нибудь найдется, но не обращайтесь на это вниманія.

М-ръ Уайльдингъ и я, мы оба все таки согласны въ томъ, что состояніе не слѣдуетъ истощать. Затѣмъ я согласился на желаніе м-ра Уайльдинга печатать черезъ нѣкоторые промежутки времени въ газетахъ объявленія, въ которыхъ осторожно приглашать тѣхъ лицъ, которыя знаютъ что-либо относительно такого-то усыновленнаго ребенка, взятаго изъ Воспитательнаго Дома, приходитъ въ мою контору; и я поручился, что такія объявленія будутъ появляться регулярно. Изъ словъ нашего друга (а моего кліента) я вывелъ заключеніе, что встрѣчусь здѣсь съ вами сегодня, чтобы выслушать его указаніе, но не давать ему совѣтовъ. Я готовъ принять его указанія и уважить его желанія; но вы будете любезны замѣтить, что этимъ я не хочу выразить одобренія какъ тѣмъ, такъ и другимъ, если высказывать свое профессиональное мнѣніе.

Такъ говорилъ м-ръ Винтрей, предназначая свои слова постольку же для Уайльдинга, поскольку обращался съ ними къ Вендэлю. И даже, несмотря на всю свою заботливость по отношенію къ своему кліенту, онъ настолько забавлялся его донкихотскимъ поведеніемъ, что время отъ времени поглядывалъ на него своими подмигивающими глазками съ видомъ въ высшей степени забавнаго любопытства.

— Ничего не можетъ быть яснѣе,—замѣтилъ Уайльдингъ.—Я только хотѣлъ бы, чтобы моя голова была такъ же ясна, какъ ваша, м-ръ Винтрей.

— Если вы чувствуете, что у васъ начинается въ головѣ шумъ,—намекнулъ юристъ, бросивъ испуганный взглядъ на Уайльдинга,—то отложимъ ее... я говорю о нашей бесѣдѣ.

— Совершенно нѣтъ, благодарю васъ,—сказалъ Уайльдингъ.—Что я собирался...

— Не волнуйтесь, м-ръ Уайльдингъ,—настаивалъ юристъ.

— Нѣтъ, этого я не собирался дѣлать,—сказалъ виноторговецъ.—М-ръ Винтрей и Джорджъ Вендэль, колеблетесь ли вы или же имѣете какое-нибудь препятствіе, чтобы стать моими соповѣренными и душеприказчиками или же вы можете согласиться сразу?

— Я согласенъ,—отвѣтилъ съ готовностью Джорджъ Вендэль.

— Я согласенъ, — сказалъ не съ такой готовностью Винтрей.

— Благодарю васъ обоихъ. М-ръ Винтрей, указанія мои относительно моей послѣдней воли и завѣщанія будутъ коротки и просты. Быть можетъ, вы будете добры теперь же составить актъ. Я оставляю все свое недвижимое и движимое имущество, безъ какого бы то ни было исключенія или изыятія, вамъ обоимъ, моимъ соповѣреннымъ и душеприказчикамъ, съ порученіемъ выплатить все истинному Вальтеру Уайльдингу, если онъ будетъ найденъ и подлинность его установлена въ теченіе двухъ лѣтъ со дня моей смерти.

Если это не удастся сдѣлать, то поручаю вамъ обоимъ выплатить все Воспитательному Дому, какъ пожертвованіе и наслѣдство.

— Таковы всѣ ваши инструкціи, не такъ ли, м-ръ Уайльдингъ?—спросилъ Бинтрей послѣ смущеннаго молчанія, во время котораго никто не глядѣлъ другъ на друга.

— Да, это все.

— Я вы совершенно опредѣленно рѣшились на подобныя распоряженія, м-ръ Уайльдингъ?

— Совершенно, положительно, окончательно.

— Тогда остается только, — сказалъ юристъ, пожимая плечами, — придать имъ техническую и связную форму, совершить актъ и засвидѣтельствовать его. Но, это спѣшно? Нужно ли топиться съ этимъ дѣломъ? Вы еще не собираетесь умирать, сэръ.

— М-ръ Бинтрей, — отвѣтилъ серьезно Уайльдингъ, — когда я буду собираться умирать, это невѣдомо ни мнѣ, ни вамъ, а вѣдомо кому-то другому. Я буду радъ, когда это дѣло свалится съ моихъ плечъ, если вы не встрѣчаете никакихъ препятствій.

— Мы снова повѣренный и кліентъ, — отвѣчалъ Бинтрей, который при этихъ словахъ сдѣлалъ почти сочувственную физиономію. — Если для м-ра Вендэля и для васъ удобно будетъ обратиться здѣсь ровно черезъ недѣлю и въ это же время, то я занесу въ свой дневникъ, что буду соотвѣтственно съ этимъ занятъ.

Какъ условились, такъ и сдѣлали.

Завѣщаніе было подписано по формѣ, припечатано, передано свидѣтелямъ, засвидѣльствовано ими и унесено м-ромъ Бинтреемъ для безопаснаго храненія среди бумагъ его кліентовъ; эти бумаги были распределены въ его кабинетъ по соотвѣтственнымъ желѣзнымъ ящикамъ на желѣзныхъ полкахъ съ соотвѣтственными именами владѣльцевъ на наружной сторонѣ, такъ что это юридическое святилище походило на тѣсный семейный склепъ кліентовъ.

Теперь съ большимъ, чѣмъ раньше, рвеніемъ Уайльдингъ принялся за то, что такъ интересовало его прежде и сталъ выполнять свои замыслы относительно патріархальнаго устройства своего заведенія; въ этомъ ему усиленно помогали не только миссисъ Гольдстроо, но также и Вендэль, который, вѣроятно, заботился о томъ, чтобы дать, какъ можно скорѣе, обѣдъ Обенрейцеру. Какъ бы то ни было, заведеніе было скоро открыто въ надлежащемъ дѣловомъ порядкѣ, Обенрейцеры, оекунъ и состоящая подъ опекой, были приглашены къ обѣду; мадамъ Доръ была также включена въ приглашеніе. Если Вендэль еще прежде былъ влюбенъ по уши и съ головой — фраза, не заключающая въ себѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея правдивости — то послѣ этого обѣда онъ влюбился совершенно и ушелъ въ свое чувство на глубину шестидесяти тысячъ футовъ. Но тѣмъ не менѣе онъ не могъ добиться даже цѣною своей жизни ни одного слова наединѣ съ очаровательной Мар-

гаритой. Когда, казалось, приближалась блаженная минута, то тутъ ужъ, конечно, выросталь у локтя Вендэля Обенрейцеръ съ глазами, затянутыми пеленой, или же передъ его носомъ появлялась широкая спина мадамъ Доръ. Эту безсловесную матрону ни разу нельзя было увидѣть спереди съ момента ея приближѣнія и до ея отъѣзда,—за исключеніемъ обѣда. И съ того момента, какъ она удалилась въ гостиную, оказавъ надлежащую честь этому обѣду, она снова повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

И все же въ продолженіе четырехъ или пяти восхитительныхъ, хотя и нарушаемыхъ, часовъ, можно было видѣть Маргариту, можно было слышать Маргариту, можно было случайно коснуться Маргариты. Когда они обходили старые темные погреба, Вендэль вель ее подъ руку; когда потомъ вечеромъ она ишла ему въ освѣщенной комнатѣ, Вендэль стоялъ около нея, держа сброшенные ею перчатки и промѣнялъ бы на нихъ весь сорокапятилѣтній портвейнъ до капли, хотя бы онъ былъ сорокъ пять разъ сорокапятилѣтнимъ, и его чистая цѣна была сорокъ пять разъ сорокъ пять фунтовъ за дюжину. И когда она ушла, а тушилщикъ огней прошелъ по Углу Увѣчныхъ со своей тушилкой, Вендэль все еще томился и задавалъ себѣ вопросы, думала ли она о томъ, что онъ восхищается ею! Думала ли она о томъ, что онъ ее обожаетъ! Подозрѣваетъ ли, что она завладѣла имъ, его сердцемъ и душой! Приходило ли ей въ голову думать обо всемъ этомъ! И такъ далѣе все въ томъ же родѣ: какъ она относится къ этому и какъ къ тому, на тонъ выше и на тонъ ниже, въ мажорномъ тонѣ и въ минорномъ! Дорогая, дорогая! Вѣдное неугомонное сердце людское! Только подумать, что то же самое чувствовали люди, которые были муміями еще тысячи лѣтъ тому назадъ, и все же нашли секретъ оставаться послѣ этого спокойными!

— Что вы думаете, Джорджъ,—спросилъ его на слѣдующій день Уайльдингъ,—о м-рѣ Обенрейцерѣ (я не буду васъ спрашивать, что вы думаете о миссъ Обенрейцеръ).

— Не знаю, — сказалъ Вендэль, — и никогда не зналъ, что думать о немъ.

— Онъ съ большими познаніями и умемъ,—сказалъ Уайльдингъ.

— Несомнѣнно, умемъ.

— Хорошій музыкантъ. (Онъ наканунѣ очень хорошо игралъ п пѣль).

— Безспорно хорошій музыкантъ.

— И хорошо говоритъ.

— Да,—сказалъ Джорджъ Вендэль задумчиво,—и хорошо говоритъ. Знаете, Уайльдингъ, мнѣ приходитъ въ голову чудная мысль, когда я о немъ думаю, что онъ не хорошо молчитъ.

— Что вы подъ этимъ разумѣете? Онъ не навязчивый болтунъ.

— Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать. Когда онъ молчитъ, то вы съ трудомъ можете удержаться отъ какого-то смутнаго, хотя, быть можетъ, и въ высшей степени несправедливаго, недовѣрія къ нему. Возьмите какого-нибудь человѣка, котораго вы знаете и который вамъ нравится.

— Готово, мой милый другъ, — сказала Уайльдингъ. — Я беру васъ.

— Я не для того заговорилъ объ этомъ и не предвидѣлъ этого, — возразилъ, смѣясь, Вендэль. — Ну, ладно, возьмемъ меня. Вспомните на минуту слѣдующее. Не основывается ли главнымъ образомъ ваше одобрительное отношеніе къ моему интересному лицу на томъ его выраженіи, какое оно принимаетъ, когда я молчу (какъ бы ни были разнообразны тѣ мгновенныя выраженія, которыя оно можетъ принимать)?

— Я думаю, что это такъ, — сказала Уайльдингъ.

— Я тоже думаю. Теперь обратите вниманіе, когда Обенрейцеръ говоритъ, другими словами, когда онъ имѣетъ возможность излагать свои взгляды — то это у него выходитъ довольно хорошо; но когда ему не представляется возможности изложить свои взгляды, то это у него выходитъ довольно плохо. Вотъ почему я говорю, что онъ молчитъ не хорошо. И припоминая наскоро такихъ людей, которыхъ я знаю и которыхъ не довѣряю, я склоненъ думать и даже увѣренъ въ томъ, что все они молчать не хорошо.

Такъ какъ это положеніе физиогномики было совершенно невымысленнымъ для Уайльдинга, то онъ сперва былъ въ нерѣшительности, принимать ли его ему или нѣтъ, но задавъ себѣ вопросъ, хорошо ли молчитъ м-съ Гольдстроо и вспомнивъ, что ея лицо во время молчанія положительно вызываетъ довѣріе, онъ такъ обрадовался, какъ радуются люди, которые большей частью вѣрятъ въ то, во что они хотятъ вѣрить.

Его здоровье и душевное настроеніе восстанавливались очень медленно, поэтому его компаньонъ напомнилъ ему въ качествѣ другихъ средствъ поправленія здоровья — а, быть можетъ, также онъ имѣлъ нѣкоторые виды на Обенрейцера — о тѣхъ его музыкальныхъ планахъ, которые находились въ связи съ новымъ планомъ его домоустройства, о намѣреніи составить классъ пѣнія въ домѣ и хоръ въ сосѣдней церкви. Классъ былъ быстро организованъ, а такъ какъ двое или трое изъ служащихъ уже имѣли нѣкоторые музыкальныя познанія и пѣли довольно сносно, то вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и хоръ. Послѣдній былъ руководимъ и обучаемъ преимущественно самимъ Уайльдингомъ, который возымѣлъ надежду обратить своихъ подчиненныхъ въ настоящихъ воспитанниковъ пріюта, принимая во вниманіе ихъ способности къ пѣнію духовныхъ хоровъ.

Такъ какъ Обенрейцеры были искусными музыкантами, то

легко осуществилось, что они были приглашены присоединиться къ этимъ музыкальнымъ собраніямъ. Опекунъ и находящаяся подъ опекой согласились, или, вѣрнѣе, опекунъ далъ свое согласіе за обоихъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чего было превращеніе жизни Вендэля въ жизнь, полную рабства и очарованія. Не ея ли голосъ раздавался по воскресеньямъ въ старой и закоптѣлой церкви Св. Христофора, когда собирались возлюбленные братья во Христѣ (ихъ сходило самое большее двадцать пять человѣкъ), и словно освѣщала самые темные уголки, приводя въ трепеть стѣны и колонны, какъ будто бы онѣ составляли одно цѣлое съ его сердцемъ! И въ это время мадамъ Доръ, сидѣвшая въ углу высокой скамьи, повернувшись спиной ко всему и ко всѣмъ, не могла не показаться въ нѣкоторые моменты службы знатокомъ церковныхъ обрядовъ, подобно тому человѣку, которому докторъ порекомендовалъ выпивать разъ въ мѣсяцъ и который напивался ежедневно, чтобы не пропустить этого раза.

Но даже и эти райскія воскресенья ступевывались по средамъ передъ тѣми концертами, которые устраивались для патриархальнаго семейства. На этихъ концертахъ она садилась за піанино и пѣла имъ на своемъ родномъ языкѣ пѣсни своей родной страны, пѣсни, призывавшія Вендэля съ горныхъ вершинъ: „Поднимись надъ суетными земными равнинами; удались подальше отъ толпы; слѣдуй за мной, поднимающейся все выше, выше, выше и тающей въ лазурной дали; поднимись къ моей самой высочайшей вершинѣ и полюби меня тамъ!“ И пока не оканчивалась мелодія, хорошенькій корсажъ и вышитые чулки и башмачки съ серебряной пряжкой, такъ же, какъ и высокій лобъ, и сѣрые глаза, напоминали настоящую серну.

Но даже на самого Вендэля ея пѣсни не производили болѣе спльнаго и чарующаго впечатлѣнія, чѣмъ на Джозъ Лэдля, хотя это выходило довольно своеобразно. Рѣшительно отказываясь смущать гармонию, принявъ какое бы то ни было участіе въ служеніи ей и выказывая величайшее презрѣніе къ гаммамъ и вообще къ другимъ подобнымъ же основнымъ музыкальнымъ упражненіямъ—которыя, дѣйствительно, рѣдко прельщаютъ простыхъ слушателей—Джозъ сперва принималъ все предпріятіе за неудачную шутку и всѣхъ исполнителей считалъ компаніей воюющихъ дровишей. Но, усмотрѣвъ однажды слѣды ненарушаемой гармонии въ одной части хора, онъ подалъ своимъ двумъ помощникамъ по надзору за погребями слабую надежду, что съ теченіемъ времени придетъ кое къ чему. Одинъ антифонъ Генделя привелъ къ дальнѣйшему поощренію съ его стороны, хотя онъ и замѣтилъ, что такой великій музыкантъ долженъ былъ пробыть подольше въ какомъ-нибудь изъ ихъ иностранныхъ погребовъ, чтобы выходить и повторять по столько разъ одну и ту же вещь, на которую, какъ въ тамъ

ни смотрите, а онъ будетъ все же смотрѣть по своему. Въ третій разъ публичное появленіе м-ра Джэрвиса съ флейтой и какого-то чудного субъекта со скрипкой и исполненіе ими обоими дуэта такъ перазили его, что онъ, повпнуясь исключительно своему собственному побужденію и волѣ, вдохновился словами „Аннѣ Коръ!“, которыя онъ повторялъ, произнося ихъ такъ, какъ будто фамильярно взывалъ къ какой-то дамѣ, отличившейся въ оркестрѣ. Но это было его послѣднимъ одобреніемъ заслугъ сотоварищей, такъ какъ за этимъ инструментальнымъ дуэтомъ, исполненнымъ въ первую же среду, немедленно послѣдовало пѣніе Маргариты Обенрейцеръ, во время котораго онъ сидѣлъ разинувъ ротъ и виѣ себя отъ восторга, пока она не кончила. Тутъ онъ поднялся со своего мѣста съ большою торжественностью и, предпославъ своей рѣчи предисловіе въ видѣ поклона, обращеннаго, главнымъ образомъ, къ м-ру Уайльдингу, выразилъ свое чувство полнѣйшаго удовлетворенія такими словами: „Послѣ этого вы все можете идти спать!“ И впослѣдствіи онъ всегда отказывался воздать должное музыкальнымъ дарованіямъ общества въ какихъ-нибудь другихъ выраженіяхъ.

Такъ началось особенное личное знакомство между Маргаритой Обенрейцеръ и Джоэ Лэдлемъ. Она такъ отъ души засмѣялась на его комплиментъ и все же такъ была смущена имъ, что Джоэ возымѣлъ смѣлость заговорить съ ней по окончаніи концерта и выразилъ надежду, что у него ужъ не настолько спуталось все въ головѣ, что онъ позволилъ себѣ какую-нибудь вольность? Она мило отвѣтила ему, и Джоэ отвѣсилъ ей на это поклонъ.

— Вы измѣните счастье, миссъ,—сказала Джоэ, снова отвѣсивъ поклонъ,—такія, какъ вы, могутъ принести съ собой повсюду счастье.

— Я могу? Принести повсюду счастье?—спросила она на своемъ миломъ англійскомъ языкѣ съ милымъ удивленіемъ.—Я боюсь, что не понимаю. Я такъ непопятлива.

— Молодой мастеръ Уайльдингъ, миссъ,—объяснилъ по секрету Джоэ, хотя и не очень помогъ ей уразумѣть его слова,—измѣнилъ счастье, прежде чѣмъ прінять въ компанію молодого мастера Джорджа. Такъ я говорю, такъ это и будетъ, они увидятъ. Господи! Только приходите сюда и спойте нѣсколько разъ на счастье, миссъ, и оно не будетъ въ состояніи сопротивляться!

Съ этими словами Джоэ вышелъ задомъ, отвѣсивъ цѣлую кучу поклоновъ. Но такъ какъ Джоэ былъ привилегированнымъ лицомъ, а кромѣ того юности и красотѣ пріятна даже невольная побѣда, то Маргарита въ слѣдующій разъ уже весело искала его.

— Гдѣ же мой м-ръ Джоэ, пожалуйста?—спросила она у Вендэля.

Такимъ образомъ Джозъ былъ представленъ и обмѣнялся съ ней рукопожатіемъ, и это вошло въ обычай.

Другой обычай возникъ такимъ образомъ. Джозъ былъ немного глуховатъ. Онъ самъ говорилъ, что это отъ „непареній“ и, можетъ быть, это такъ и было; но какова бы ни была причина, слѣдствіе все же существовало. Въ первый же концертъ все замѣтили, что онъ пробирался бочкомъ вдоль стѣны, приложивъ лѣвую руку къ уху, куда не сѣлъ на стулъ какъ разъ около пѣвицы, повернувшись къ ней бокомъ; въ такомъ положеніи и на этомъ мѣстѣ онъ пребывалъ до тѣхъ самыхъ поръ, когда обратился къ своимъ друзьямъ-любителямъ съ приведеннымъ выше комплиментомъ. Въ слѣдующую среду было обращено вниманіе, что поведеніе Джозъ во время обѣда, какъ клеветальной машины, было не совѣмъ обыкновеннымъ, и за столомъ распространился слухъ, что это объясняется тѣмъ въ высшей степени напряженнымъ состояніемъ Джозъ, въ которомъ онъ находится, ожидая пѣнія миссъ Обенрейцеръ и боясь не получить мѣста, гдѣ онъ могъ бы слышать каждую ноту и каждый слогъ. Эту слухъ дошелъ до ушей Уайльдинга и тотъ по своей добротѣ позвалъ вечеромъ Джозъ въ первый рядъ передъ тѣмъ, какъ начала пѣть Маргарита. Такимъ образомъ вошелъ въ употребленіе обычай, что во все послѣдующіе вечера Маргарита прежде, чѣмъ начать пѣть, всегда говорила Вендэлю, положивъ руки на клавиши:—„Гдѣ-же мой м-ръ Джозъ, пожалуйста?“—и Вендэль всегда выводилъ его и ставилъ около нея. Что онъ тогда подъ обращенными на него взглядами всехъ присутствующихъ выражалъ на своей физиономіи величайшее презрѣніе къ усиліямъ своихъ друзей и довѣрялъ только одной Маргаритѣ, которую онъ все время стоялъ и созерцалъ подобно пріученному носорогу, изъ дѣтской азбуки, стоящему на заднихъ ногахъ,—это тоже вошло въ обычай. Точно также вошло въ обычай и то, что какой-нибудь острякъ говорилъ изъ заднихъ рядовъ, когда онъ былъ послѣ пѣнія въ полнѣйшемъ изступленіи:—„Что ты объ этомъ думаешь, Джозъ?“—на что онъ пререкалъ съ такимъ видомъ, точно ему только что сейчасъ пришелъ въ голову отвѣтъ: — „Послѣ этого вы все можете идти спать!“ Все это тоже вошло въ обычай.

Но простымъ развлеченіямъ и скромнымъ шуткамъ Угла Увѣчныхъ не суждено было долго существовать. За ними съ самаго же начала стояла серьезная вещь, о которой знали все члены патріархальнаго семейства, но про которую все избѣгали говорить по общему молчаливому соглашенію. Здоровье м-ра Уайльдинга было въ плохомъ состояніи.

Онъ могъ бы перенести ударъ, обрушившійся на него въ его единственной и сильнѣйшей привязанности въ жизни, онъ могъ бы перенести сознаніе, что онъ владѣетъ собственностью дру-

того, но все это вмѣстѣ было слишкомъ тяжело для него. Онъ чувствовалъ себя глубоко подавленнымъ, какъ человѣкъ, преслѣдуемый привидѣніями. Неразлучныя видѣнія сидѣли вмѣстѣ съ нимъ за столомъ, ѣли изъ его тарелки, пили изъ его стакана и стояли ночью у его изголовья. Когда онъ вспоминалъ о любви той, кого онъ принималъ за свою мать, онъ чувствовалъ, какъ будто обокралъ ее. Когда онъ немного пріободрялся подъ влияніемъ уваженія и привязанности со стороны своихъ подчиненныхъ, онъ чувствовалъ, какъ будто онъ даже мошенничалъ, дѣлая ихъ счастливыми, такъ какъ это было обязанностью и наслажденіемъ того неизвѣстнаго человѣка.

Постепенно подъ гнетомъ упорно сосредоточенныхъ на одномъ и томъ же мыслей его тѣло согнулось, походка утратила свою эластичность, глаза рѣдко стали подниматься отъ земли. Онъ зналъ, что не могъ предотвратить прискорбной ошибки, которая произошла, но онъ также зналъ, что не въ силахъ исправить ее: проходили дни и недѣли, и никто не претендовалъ на его имя, ни на его имущество. А затѣмъ на него начало находить помраченіе сознания и часто повторялось разстройство умственныхъ способностей. Онъ иногда проводилъ въ какомъ-то странномъ забытѣ цѣлые часы, иногда цѣлые дни и ночи. Однажды ему измѣнила память, когда онъ сидѣлъ во главѣ обѣденнаго стола, и не возвращалась къ нему до разсвѣта. Другой разъ она измѣнила ему, когда онъ отбивалъ тактъ во время пѣнія, и вернулась къ нему снова, когда онъ прогуливался поздно ночью по двору при лунномъ свѣтѣ вмѣстѣ со своимъ компаньономъ. Онъ спросилъ Вэнделя (всегда полнаго предупредительности, заботы и помощи), какъ это произошло? Вэндель отвѣтилъ только: — „Вы были не вполне здоровы, вотъ и все“. Онъ искалъ объясненія въ лицахъ своихъ подчиненныхъ. Но они отдѣльвались словами: — „Радъ видѣть, что вы выглядите гораздо лучше, сэръ“, или: — „Надѣюсь, вы чувствуете себя теперь хорошо, сэръ“, въ которыхъ совершенно не было никакого указанія.

Наконецъ, когда компаньонство насчитывало за собой только пять мѣсяцевъ существованія, Вальтеръ Уайльдингъ слегъ въ постель, и его экономка стала его сидѣлкой.

— Пока я лежу здѣсь, вы, быть можете, ничего не будете имѣть противъ того, если я буду называть васъ Салли, м-съ Гольдстроо?—спросилъ бѣдный виноторговецъ.

— Это имя звучитъ для меня болѣе естественно, сэръ, чѣмъ всякое другое, и оно мнѣ больше нравится.

— Благодарю васъ, Салли. Мнѣ думается, Салли, что за послѣднее время у меня должны были случаться припадки. Не такъ ли, Салли? Не бойтесь теперь сказать мнѣ это.

— Это случилось, сэръ.

— А! Вотъ въ чемъ дѣло!—спокойно замѣтилъ онъ.—М-ръ Обенрейцеръ, Салли, говоритъ, что такъ какъ мѣръ малъ, то нѣтъ ничего страннаго, что одни и тѣ же люди очень часто сходятся и сходятся въ разныхъ мѣстахъ и въ разные періоды жизни. Не кажется страннымъ, Салли, что я вернулся въ Воспитательный Домъ, чтобы умереть, неправда ли?

Онъ протянулъ свою руку и она ласково взяла ее.

— Вы, вѣдь, не умираете, дорогой м-ръ Уайльдингъ.

— Такъ говорилъ м-ръ Бинтрей, но я думаю, что онъ ошибся. Прежнія дѣтскія чувства возвращаются ко мнѣ, Салли. Прежніе тишина и покой, съ которыми я обыкновенно засыпалъ.

Послѣ нѣкотораго промежутка онъ сказалъ тихимъ голосомъ: „Поцѣлуй, пожалуйста, меня, няня“, и было очевидно, что ему показалось, будто онъ лежитъ въ прежнемъ дортуарѣ.

Привыкнувъ склоняться надъ дѣтьми безъ отцовъ и матерей, Сами склонилась надъ этимъ человѣкомъ безъ отца и матери и прикоснулась къ его лбу, прошептавъ:

— Господь съ вами!

— Господь съ вами!—отвѣтилъ онъ тѣмъ же тономъ.

Черезъ другой промежутокъ времени онъ открылъ глаза, уже придя въ себя, и сказалъ:

— Не прерывайте меня, Салли, когда я что-то сейчасъ скажу; я лежу очень удобно. Мнѣ кажется, что настало мое время. Я не знаю, какъ это вамъ, Салли, можетъ показаться, но...

На нѣсколько минутъ онъ лишился чувствъ, но потомъ онъ снова пришелъ въ себя.

— Я не знаю, какъ это можетъ показаться вамъ, Салли, но такъ это кажется мнѣ.

Когда онъ добросовѣстно закончилъ свое любимое выраженіе, пробилъ его часъ, и онъ умеръ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Вендэль ухаживаетъ.

Лѣто и осень прошли. Приближалось Рождество и Новый Годъ.

Въ качествѣ душеприказчиковъ, честно расположенныхъ исполнить свой долгъ по отношенію къ умершему, Вендэль и Бинтрей имѣли не одно озобоченное совѣщаніе по поводу послѣдней воли Уайльдинга. Юристъ съ самаго же начала объявилъ, что въ этомъ дѣлѣ прямо невозможно предпринять что-нибудь цѣлесообразное. Тѣ единственные открытые розыски, которые можно было бы предпринять съ цѣлью найти потеряннаго человѣка, уже были произведены Самимъ Уайльдингомъ съ тѣмъ результатомъ, что время и смерть не оставили никакого слѣда для поисковъ. Чтобы печатать объявленія и вызывать посредствомъ ихъ претендентовъ на

имущество, необходимо было сообщить обо всемъ подробно—а дѣйствовать такъ, значило бы поднять на ноги половину мошенниковъ Англіи, которые заявили бы съ претензіями, что они, именно, и являются настоящими Вальтерами Уайльдингами. — „Если намъ удастся найти слѣдъ потеряннаго человѣка, то мы воспользуемся представившимся случаемъ. Если намъ не удастся это сдѣлать, то соберемъ на другое совѣщаніе въ первую годовщину смерти Уайльдинга“. Такъ совѣтовалъ Бинтрей. Такъ и принужденъ былъ поступить Вендэль въ данный моментъ, несмотря на самое ревностное желаніе выполнить волю своего друга.

Обращаясь отъ того, что интересовало его въ прошедшемъ, къ своимъ интересамъ въ будущемъ, Вендэль все еще чувствовалъ, что передъ нимъ открываются туманныя перспективы. Проходилъ мѣсяць за мѣсяцемъ со времени его перваго визита въ Сого-сквэръ—и за все это время онъ говорилъ Маргаритѣ, что любить ее, только на одномъ языкѣ—на языкѣ взглядовъ, который иногда сопровождался при удобномъ случаѣ языкомъ рукопожатій.

Но что же ему мѣшало? То единственное неустранимое препятствіе, которое было съ самаго же начала на его пути. Какъ бы благоприятно ни складывались обстоятельства, все усилія Вендэля поговорить съ Маргаритой наединѣ неизмѣнно заканчивались однимъ и тѣмъ же. Подъ самыми случайными предлогами, по возможности самымъ невиннымъ образомъ Обенрейцеръ всегда вставалъ у него на пути.

Въ послѣдніе дни стараго года Вендэлю представился неожиданный случай провести съ Маргаритой вечеръ, случай, которымъ Вендэль рѣшилъ воспользоваться, чтобы найти возможность переговорить съ ней съ глазу на глазъ. Обенрейцеръ приглашалъ его сердечной запиской въ Сого-сквэръ отобѣдать съ ними въ небольшой компаніи въ день Новаго Года. „Мы будемъ только вчетверомъ“, гласила записка. „Мы будемъ только вдвоемъ еще до конца вечера!“ рѣшилъ Вендэль.

Среди англичанъ день Новаго Года знаменуется только приглашеніями на обѣдъ и больше ничѣмъ. У иностранцевъ-же день этотъ представляетъ наиболѣе удобный случай въ году, чтобы поднести и принять подарокъ. Иногда можно перенять чужой обычай. Въ этомъ случаѣ Вендэль, ни мало не колеблясь, попытался это сдѣлать. Онъ затруднялся только рѣшить, какой надо сдѣлать новогодній подарокъ Маргаритѣ. Ревнивая гордость дочери крестьянина—болѣзненно чувствительной къ неравенству ихъ соціального положенія—втайнѣ возстала бы противъ него, если бы онъ рѣшился сдѣлать богатый подарокъ. Единственнымъ подаркомъ, которому можно было довѣрить надежду свискать путь къ ея сердцу, былъ подарокъ, который могъ сдѣлать и бѣдный человѣкъ. Стойко поборовъ искушеніе въ видѣ брилліантовъ и рубиновъ,

Вендэль купилъ филигранную брошь генуэзской работы—самое простое и скромное украшеніе, какое онъ только могъ найти въ ювелирномъ магазинѣ.

Онъ незамѣтно вложилъ свой подарокъ въ руку Маргариты, которую она протянула ему въ знакъ привѣтствія, когда онъ пришелъ къ нимъ въ день обѣда.

— Вы впервые встрѣчаете день Новаго Года въ Англии,—сказалъ онъ.—Позвольте мнѣ помочь вамъ сдѣлать его похожимъ на день Новаго Года у васъ на родинѣ.

Она поблагодарила его немного принужденно, взглянувъ на футляръ и не зная, что можетъ въ немъ заключаться. Открывъ его и увидѣвъ тотъ простой видъ, подъ которымъ Вендэль сознательно сдѣлалъ ей свой маленькій подарокъ въ знакъ памяти, она сразу же поняла тѣ причины, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ. Она повернула къ нему свое лицо съ ласковымъ взглядомъ, который говорилъ: „Должна сознаться, что вы угодили и польстили мнѣ“. Никогда она не была такъ очаровательна въ глазахъ Вендэля, какъ въ этотъ моментъ.

Ея зимнее платье—темная шелковая юбка съ чернымъ бархатнымъ корсажемъ, доходящимъ до шеи и мягко окружающимъ ее опушкой изъ лебяжьего пуха—увеличивало, благодаря контрасту, ослѣпительную бѣлизну ея лица и красоту ея волосъ. И только, когда она отвернулась отъ него къ зеркалу и, снявъ брошь, которая была на ней, приколотая его новогодній подарокъ, Вендэль отвелъ отъ нея свой взоръ и сдѣлалъ открытіе, что въ комнатѣ есть еще другія лица, кромѣ Маргариты. Онъ только теперь сообразилъ, что руки Обенрейцера нѣжно завладѣли его локтями. Онъ только теперь услышалъ слова Обенрейцера, благодарившаго его за вниманіе къ Маргаритѣ съ чуть замѣтной насмѣлкой въ голосѣ. („Такой простой подарокъ, дорогой сэръ, и сколько имъ выказано тонкаго такта!“). Онъ только теперь замѣтилъ впервые, что въ комнатѣ былъ еще одинъ гость, кромѣ него, и единственный при этомъ, котораго Обенрейцеръ представилъ ему, какъ соотечественника и друга. У друга было лоснящееся лицо, другъ былъ достаточно плотной комплекціи. Повидимому онъ былъ въ осеннемъ періодѣ чело-вѣческой жизни. Въ теченіе вечера онъ обнаружилъ двѣ необыкновенныя способности: способность молчать и способность опорожнять бутылки.

Мадамъ Доръ не было въ комнатѣ. Когда они сѣли за столъ, то не было замѣтно, чтобы для нея предназначалось гдѣ нибудь мѣсто. Обенрейцеръ объяснилъ, что „у доброй Доръ есть простая привычка обѣдать всегда въ полдень. Позднѣе вечеромъ она принесетъ свои извиненія“. Вендэль удивился, неужели по этому случаю добрая Доръ перемѣнила свои домашнія обязанности и перешла отъ чистки перчатокъ Обенрейцера къ приготовленію ему обѣда? По-

слѣднее было во всякомъ случаѣ вѣрно: все до одного поданныя блюда были прямо произведеніями кулинарнаго искусства, которое оставило далеко за собой грубую и элементарную англійскую кухню. Обѣдъ былъ положительно превосходенъ. Что же касается винъ, то безсловесный другъ только поводитъ глазами въ торжественномъ восторгѣ. Иногда онъ говоритъ: „славно“, когда приносилась полная бутылка; иногда вздыхаетъ: „охъ“, когда убирали пустую бутылку; вотъ все, что онъ вносилъ въ веселье вечера.

Молчаніе иногда бываетъ заразительно. Запятыя своими личными заботами Маргарита и Вендэль, казалось, чувствовали на себѣ вліяніе безсловеснаго друга. Вся отвѣтственность за поддержаніе разговора легла на плечи Обенрейцера, и онъ мужественно выдерживалъ ее. Въ качествѣ просвѣщеннаго иностранца онъ раскрылъ свое сердце и сталъ воспѣвать хвалебныя гимны Англій. Когда исчерпывались другія темы для разговора, то онъ возвращался къ этому неистощимому источнику и снова изливалъ столь же обильный потокъ словъ, какъ и раньше. Обенрейцеръ отдалъ бы руку, глазъ или ногу за то, чтобы родиться англичаниномъ. Вишь Англій нѣтъ ничего того, что соотвѣтствовало бы англійскому „home“, нѣтъ ничего подобнаго уголку у каминна, нѣтъ такого существа, какъ красивая женщина. Его дорогая миссъ Маргарита не отнесется къ нему строго, если онъ объяснитъ ея привлекательность тѣмъ предположеніемъ, что вѣроятно нѣкогда къ ихъ темному и неизвѣстному роду была примѣтана англійская кровь. Взгляните на этихъ англичанъ и посмотрите, что это за рослый, ловкій, плотный и сильный народъ! Взгляните на ихъ города! Какое великолѣпіе въ ихъ общественныхъ зданіяхъ! Какой удивительный порядокъ и чистота на ихъ улицахъ! Подивитесь на ихъ законы, соединившіе принципъ вѣчной справедливости съ другимъ вѣчнымъ принципомъ фунтовъ, шиллинговъ и пенсовъ! А примѣненіе этого принципа ко всемъ гражданскимъ правонарушеніямъ, начиная отъ нанесенія оскорбленія чести человѣка и кончая нанесеніемъ поврежденія его носу! Вы обезчестили мою дочь—фунты, шиллинги, пенсы! Вы сбили меня съ ногъ, давъ мнѣ по фізіономіи—фунты, шиллинги, пенсы! Гдѣ же остановится матеріальное благополучіе такой страны? Обенрейцеръ, мысленно предугадывая будущее, былъ не въ силахъ увидать конецъ этому благополучію. Обенрейцеръ просилъ разрѣшенія выразить свой энтузіазмъ, но англійскому обычаю, тостомъ. Вотъ оконченъ нашъ скромный маленькій обѣдъ, вотъ на столѣ нашъ скудный десертъ и вотъ поклонникъ Англій говоритъ рѣчь, подчиняясь національнымъ обычаямъ! Пью за бѣлые утесы Альбіона, м-ръ Вендэль, за ваши національныя добродѣтели, за вашъ восхитительный климатъ и за вашихъ оборотительныхъ женщинъ! За ваши очаги, за вашъ домашній уютъ, за

вашъ habeas corpus и за всё ваши другія установленія! Однимъ словомъ—за Англiю. Гипъ-гипъ-гипъ! Ура!

Едва замолкла послѣдняя нота здравицы, произнесенной Обенрейцеромъ въ честь Англiи, едва безсловесный другъ успѣлъ осушить до дна свой стаканъ, какъ веселое пиришество было нарушено скромнымъ стукомъ въ дверь. Вошла служанка и направилась къ хозяину, неся въ рукахъ маленькую записку. Нахмуривъ брови, Обенрейцеръ вскрылъ записку. Прочтя ее съ выраженiемъ неподдѣльной досады, онъ передалъ письмо своему соотечественнику и другу. Вендэль воспрянулъ духомъ, слѣдя за всѣмъ этимъ. Не нашелъ ли онъ союзника въ этой маленькой досадной запискѣ? Не наступалъ ли, наконецъ, долгожданный имъ случай?

— Боюсь, что отъ этого не отдѣлаешься, — сказалъ Обенрейцеръ, обращаясь къ своему прiятелю-земляку. — Я боюсь, что намъ придется пойти.

Безсловесный другъ отдалъ назадъ письмо, пожалъ своими тучными плечами и вылилъ въ себя послѣднiй стаканъ вина. Его толстые пальцы нѣжно покоились на горлышкѣ бутылки. При разставанiи онъ сказалъ ее легкимъ объятiемъ любителя. Его выпученные глаза смотрѣли на Вендэля и Маргариту тускло, какъ будто черезъ дымку тумана. Онъ съ трудомъ справился со словами и вдругъ сразу разродился такой фразой:

— Мнѣ кажется, — произнесъ онъ, — я не отказался бы выпить еще вина.

У него захватило дыханiе послѣ такого успiя; онъ раскрылъ ротъ, чтобы перевести духъ и пошелъ къ двери.

Обенрейцеръ обратился къ Вендэлю съ выраженiемъ глубочайшей скорби.

— Я такъ потрясенъ, такъ смущенъ, такъ огорченъ, — началъ онъ. — Съ однимъ изъ моихъ соотечественниковъ случилось несчастье. Онъ одинокъ, онъ не знаетъ вашего языка, и у насъ, у меня и у моего добраго друга, здѣсь присутствующаго, нѣтъ никакого иного выхода, какъ только идти и помочь ему. Что я могу сказать въ свое извиненiе? Какъ я могу описать свое огорченiе, что мнѣ такимъ образомъ приходится лишиться чести быть въ вашемъ обществѣ?

Онъ сдѣлалъ паузу, очевидно, ожидая, что Вендэль возьметъ шляпу и откланяется. Увидѣвъ, что ему, наконецъ, представляется удобный случай, Вендэль рѣшилъ не предпринимать ничего подобнаго. Онъ ловко встрѣтилъ Обенрейцера его же собственнымъ оружиемъ.

— Пожалуйста, не тревожьтесь, — сказалъ онъ. — Я съ величайшимъ удовольствiемъ подожду здѣсь, пока вы не вернетесь.

Маргарита сильно покраснѣла и отвернулась къ своимъ пальцамъ, стоящимъ въ углу у окна. Глаза Обенрейцера заволоклись

пеленой и на губахъ его появилась довольно кислая улыбка. Сказать Вендэлю, что нѣтъ никакой разумной причины ожидать, что онъ вернется вскорѣ, значило бы рисковать обидѣть человѣка, благосклонное мнѣніе котораго было для него очень важно въ коммерческомъ мірѣ. Принимъ свое пораженіе съ невозможной любезностью, онъ объявилъ, что равнымъ образомъ почтенъ и восхищенъ предложеніемъ Вендэля. „Такъ откровенно, такъ дружески, такъ по-англійски!“ Онъ засуетился, очевидно, отыскивая что-то нужное, на минуту скрылся за створчатыми дверями, ведущими въ сосѣднюю комнату, снова вернулся, неся шляпу и пальто, обнявъ Вендэля за локти, торжественно объявивъ, что вернется возможно раньше и исчезъ со сцены въ сопровожденіи своего безслеснаго друга.

Вендэль повернулся къ углу у окна, гдѣ сѣла съ работой Маргарита. Но тамъ, какъ будто свалившись съ потолка или поднявшись изъ-подъ пола, сидѣло въ прежней позѣ, лицомъ къ печкѣ пренятствіе въ лицѣ мадамъ Дорь. Она слегка приподнялась, слегка взглянула черезъ свое широкое плечо на Вендэля и снова грузно шлепнулась въ кресло. Была у ней работа? Да. Чистка перчатокъ Обенрейцера, какъ и раньше? Итъ, штопанье его носковъ.

Это открытіе могло прямо привести въ отчаяніе. У Вендэля мелькнули двѣ серьезныя мысли. Нельзя ли засунуть мадамъ Дорь въ печь? Печь не вмѣстила бы ее. Нельзя ли считать мадамъ Дорь не за живую женщину, но за мебель? Нельзя ли бы было такъ настроить себя, чтобы принимать эту почтенную матрону просто за комодъ, на которомъ случайно оставлена черная газовая наполька? Да, такъ себя можно было настроить. Сравнительно легкимъ усиліемъ Вендэль такъ и настроилъ себя. Когда онъ занялъ мѣсто на старомодномъ стулѣ у окна очень близко отъ Маргариты и ея плечецъ, комодъ сдѣлалъ легкое движеніе, но изъ него никакого замѣчанія не послѣдовало. Нужно запомнить, что тяжелую мебель трудно сдвинуть и слѣдовательно у ней есть то преимущество, что можно не бояться опрокинуть ее.

Необыкновенно молчаливая и растерянная, съ яркимъ румянцемъ, который то исчезалъ, то появлялся на ея щекахъ, съ дихорадочной энергіей, овладѣвшей ея пальцами, хорошенькая Маргарита наклонилась надъ своимъ вышиваньемъ и работала, какъ будто бы отъ этого зависѣла ея жизнь. Вендэль, едва ли менѣе ея взволнованный, чувствовалъ, какъ важно ее повести съ величайшей осторожностью къ тому признанію, которое онъ жаждалъ сдѣлать, — и еще къ другому сладчайшему признанію, которое онъ страстно желалъ услышать. Любовь женщины никогда нельзя взять приступомъ; она уступаетъ незамѣтно лишь при системѣ постепенныхъ подходовъ. Она отваживается идти только окольными путями и прислушивается только къ шопоту. Вендэль сталъ напоминать ей

сбъ ихъ прошлыхъ встрѣчахъ, когда они вмѣстѣ путешествовали по Швейцаріи. Они переживали былыя впечатлѣнія, припоминали тѣ или иныя происшествія счастливаго минувшаго времени. Постепенно смущеніе Маргариты улеглось. Она улыбалась, она заинтересовалась, она поднимала взоръ на Вендэля, ея игла двигалась лѣнивѣе, она стала дѣлать невѣрные стежки въ своей работѣ. Ихъ голоса все понижались и понижались; ихъ лица склонялись все ближе и ближе другъ къ другу во время ихъ разговора. А что же мадамъ Доръ? Мадамъ Доръ держала себя, какъ ангелъ. Она ни разу не оглядывалась, она ни разу не произнесла ни одного слова; она продолжала штонать носки Обенрейцера. Туго натягивая каждый носокъ на свою лѣвую руку, она время отъ времени подымала ее на воздухъ, чтобы освѣтить свою работу, и были несравненные неописуемые моменты, когда казалось, что мадамъ Доръ сидитъ вверхъ ногами, созерцая одну изъ своихъ собственныхъ почтенныхъ ногъ, поднятыхъ вверхъ. Съ теченіемъ времени эти вздыманія стали слѣдовать другъ за другомъ все черезъ большіе и большіе промежутки. Иногда черная газовая накладка начинала склоняться, быстро опускалась и снова приходила въ прежнее положеніе. Небольшая оханка носковъ медленно сползла съ колѣнъ мадамъ Доръ и осталась лежать незамѣченной на полу. За носками послѣдовалъ грандіозный клубокъ шерсти и лѣниво покатился подъ столъ. Черная газовая накладка склонилась, опять опустилась впередъ, снова поднялась, еще разъ склонилась, снова опустилась и ужъ больше не поднималась. Сложный звукъ, отчасти похожій на мурлыканье громадной кошки, отчасти на строганіе мягкой доски, заглушилъ притихшіе голоса влюбленныхъ и загудѣлъ по всей комнатѣ черезъ правильные промежутки времени. Природа и мадамъ Доръ соединились вмѣстѣ въ интересахъ Вендэля. Лучшая изъ женщинъ уснула.

Маргарита встала, чтобы остановить—не храпѣніе—но, позволимъ себѣ сказать, черезчуръ шумное отдохновеніе мадамъ Доръ. Вендэль положилъ свою руку на ея ручку и ласково заставилъ ее сѣсть снова въ кресло.

— Не тревожьте ея,—прошепталъ онъ.—Я все ожидалъ, когда можно сказать вамъ одинъ секретъ. Позвольте мнѣ сказать его сейчасъ.

Маргарита снова заняла свое мѣсто. Она попыталась снова заняться своей иглкой. Это ни къ чему не привело: ея глаза измѣнялись ей; ея рука измѣняла ей; она не могла ничего найти.

— Мы бесѣдовали, — сказалъ Вендэль, — о томъ счастливейшемъ времени, когда мы встрѣтились впервые и впервые путешествовали вмѣстѣ. Я хочу вамъ признаться, что я скрылъ отъ васъ кое что. Когда мы говорили о моемъ первомъ посѣщеніи Швейцаріи, то я разсказалъ вамъ обо всѣхъ тѣхъ впечатлѣніяхъ, кото-

рыя и увезъ съ собой въ Англію, кромѣ только одного. Не сможете ли вы отгадать, какого именно?

Ея глаза уиорно разсматривали вышиваніе, и она слегка от-вернулась отъ Вендэли. Ея красивый бархатный корсажъ сталъ вздымается подъ бронхой, и поэтому можно было догадаться, что Маргарита взволнована. Она не отвѣчала. Вендэль безпомощно настаивалъ на своемъ вопросѣ.

— Можете вы угадать, о какомъ швейцарскомъ впечатлѣніи я еще вамъ не рассказывалъ?

Она повернулась къ нему лицомъ, и слабая улыбка задрожала на ея губахъ.

— Быть можетъ, какое нибудь впечатлѣніе, произведенное на васъ горами?—сказала она лукаво.

— Нѣтъ, гораздо болѣе драгоцѣнное впечатлѣніе, чѣмъ это.

— Озерами?

— Нѣтъ. Озера не становятся для меня все болѣе дорогими и дорогими воспоминаніями съ каждымъ днемъ. Озера не связаны съ моимъ счастьемъ въ настоящемъ и съ моими надеждами на будущее. Маргарита! Все, что дѣлаетъ жизнь цѣннымъ, зависитъ для меня отъ одного слова изъ вашихъ устъ. Маргарита! Я люблю васъ!

Она поникла головой, когда онъ взялъ ее за руку. Онъ притянулъ ее къ себѣ и взглянулъ на нее. Слезы показались на ея потупленныхъ глазахъ и медленно покатались по щекамъ.

— О, м-ръ Вендэль! — сказала она съ горечью, — было бы гораздо любезнѣе съ вашей стороны хранить вашъ секретъ про себя. Неужели вы забыли то разстояніе, которое существуетъ между нами. Этого никогда, никогда не можетъ быть!

— Между нами, Маргарита, можетъ быть только одно разстояніе—то, которое вы установите сами. Моя любовь, моя дорогая, нѣтъ ничего выше вашей доброты, нѣтъ ничего выше вашей красоты! Ну-же, шепните мнѣ одно словечко, которое скажетъ, что вы станете моей женой.

Она горько вздохнула.

— Подумайте о своей семьѣ, — прошптала она, — и о мосй.

Вендэль еще ближе притянулъ ее къ себѣ.

— Если вы будете настаивать на такомъ препятствіи, — сказалъ онъ, — то я подумаю только одно: я подумаю, что оскорбилъ васъ.

Она вздрогнула и подняла на него свой взоръ.—О, нѣтъ!—простоудшно воскликнула она.—Въ то мгновеніе, когда съ ея губъ сорвались эти слова, она спохватилась и сообразила, какой смьслъ можно придать имъ. Признаніе вырвалось у ней вопреки ея волѣ. Восхитительный румянецъ залилъ ея лицо. Она сдѣлала мгновен-

ное усилие, чтобы освободиться изъ объятій своего возлюбленнаго. Она съ мольбой смотрѣла на него. Она пыталась заговорить. Слова замерли на ея губахъ подъ поцѣлуемъ, который Вендэль запечатлѣлъ на нихъ.

— Пустите меня, м-ръ Вендэль,—сказала она слабо.

— Зовите меня Джорджъ.

Она опустила голову ему на грудь. Все ея сердце стремилось къ нему.— Джорджъ!—прошептала она.

— Скажите, что вы меня любите.

Ея руки сами нѣжно обвилися вокругъ его шеи. Ея губы робко коснулись его щеки и прошептали прелестныя слова—„я васъ люблю“.

Но въ тотъ моментъ молчанія, который наступилъ вслѣдъ за этими словами, до ихъ слуха ясно долетѣлъ, благодаря зимней тишинѣ на улицахъ, звукъ открываемой входной двери.

Маргарита вскочила на ноги.

— Пустите меня,—сказала она.—Онъ вернулся домой.

Она поспѣшно выбѣжала изъ комнаты и, по пути, коснулась плеча мадамъ Доръ. Мадамъ Доръ проснулась съ громкимъ зѣвкомъ, посмотрѣла сперва черезъ одно плечо, потомъ черезъ другое, взглянула внизъ собѣ на колѣни и не нашла ни носковъ, ни шерсти, ни штопальной иглы. Въ этотъ самый моментъ стали слышны шаги, поднимавшіеся по лѣстницѣ.

— Mon Dieu!—произнесла мадамъ Доръ, обращаясь къ печкѣ и очень сильно дрожа. Вендэль подобралъ съ полу носки и клубокъ и бросилъ ей черезъ плечо на колѣни всю эту охапку.

— Mon Dieu!—произнесла мадамъ Доръ вторично, когда лавина шерсти обрушилась въ ея вмѣстительное лоно.

Дверь открылась, и вошелъ Обенрейцеръ. Взглянувъ сейчасъ же вокругъ себя, онъ сразу замѣтилъ, что Маргариты не было въ комнатѣ.

— Какъ!—воскликнулъ онъ,—мой племянницы нѣтъ? Моей племянницы не было здѣсь, чтобы занимать васъ въ моемъ отсудетвѣи? Это непростительно. Я сейчасъ же приведу ее назадъ.

Вендэль остановилъ его.

— Я прошу, чтобы вы не беспокоили миссъ Обенрейцеръ,—сказалъ онъ.—Вы вернулись, какъ я вижу, безъ вашего друга?

— Мой другъ остался утѣшать нашего соотечественника. Душу раздирающая сцена, м-ръ Вендэль! Вся домашняя утварь у закладчика, семья въ слезахъ. Мы всѣ обнялись молча. Мой замѣчательный другъ одинъ былъ хладнокровенъ. Немедленно онъ послалъ за бутылкой вина.

— Могу ли я переговорить съ вами наединѣ, м-ръ Обенрейцеръ?

— Конечно.—Онъ повернулся къ мадамъ Доръ.—Мое дорогое

созданье, вамъ необходимо отдохнуть, вы едва не падаете отъ усталости. М-ръ Вендэль извинить васъ.

Мадамъ Доръ поднялась и отправилась бокомъ въ свое путешествіе отъ печки до кровати. Она обронила носокъ. Вендэль подобралъ его за псе и открылъ одну половину дверей. Она сбѣжала шагъ впередъ и уронила еще три носка. Вендэль наклонился, чтобы снова поднять ихъ, но Обенрейцеръ помѣшалъ ему, разсыпавшись въ извиненіяхъ и бросивъ грозный взглядъ на мадамъ Доръ. Мадамъ Доръ реагировала на взглядъ тѣмъ, что уронила всю кучу носковъ и затѣмъ окончательно растерялась въ паническомъ страхѣ передъ такимъ несчастьемъ. Обенрейцеръ свирѣпо схватилъ всю эту кучу обѣими руками.—Идите!—закричалъ онъ, замахнувшись своей грандіозной ношей. Мадамъ Доръ произнесла: „Mon Dieu!“ и исчезла въ сосѣдней комнатѣ, сопровождаемая градомъ носковъ.

— Что должны вы подумать, м-ръ Вендэль,—сказала Обенрейцеръ, закрывая дверь,—о подобномъ прискорбномъ посвященіи васъ въ домашнія неурядицы! Что касается меня, то я стараю отъ стыда. Мы начали Новый Годъ до невозможности скверно, сегодня все неудачи. Пожалуйста, садитесь и скажите, что я могу вамъ предложить. Не воздадимъ ли мы должную честь другому вашему благородному англійскому институту? Я долженъ постараться быть тѣмъ, что вы называете, весельчакомъ. Я предлагаю грогъ.

Вендэль отклонилъ грогъ со всѣмъ необходимымъ уваженіемъ къ этому благородному институту.

— Я хотѣлъ бы переговорить съ вами по поводу одного вопроса, въ которомъ я чрезвычайно заинтересованъ, — сказалъ онъ.—Вы должны были, м-ръ Обенрейцеръ, замѣтить, что я съ самаго начала сталъ не совсѣмъ обычно восхищаться вашей прелестной племянницей.

— Вы очень добры. Я благодарю васъ отъ имени своей племянницы.

— Быть можетъ, вы могли съ теченіемъ времени замѣтить, что мое восхищеніе миссъ Обенрейцеръ выросло въ другое болѣе нѣжное и глубокое чувство?..

— Мы скажемъ въ дружбу, м-ръ Вендэль?

— Скажите въ любовь—и мы будемъ близки къ истинѣ.

Обенрейцеръ вскочилъ со своего кресла. Едва различимое движеніе внезапно обозначилось у него на щекахъ.

— Вы опекунъ миссъ Обенрейцеръ,—продолжалъ Вендэль.—Я прошу васъ оказать мнѣ величайшую честь—и прошу васъ выдать ее за меня замужъ.

Обенрейцеръ опять бросился въ кресло.

— М-ръ Вендэль,—пропнесъ онъ,—вы совершенно меня поразили.

— Я подожду,—замѣтилъ Вендэль,—пока вы придете въ себя.

— Одно слово прежде, чѣмъ я приду въ себя. Вы ничего объ этомъ не говорили моей племянницѣ?

— Я вполне открылся вашей племянницѣ. И я имѣю основанія надѣяться...

— Что!—перебилъ его Обенрейцеръ.—Вы сдѣлали предложеніе моей племянницѣ, не спросивъ сперва моего разрѣшенія ухаживать за ней?—Онъ ударилъ рукой по столу и впервые съ тѣхъ поръ, какъ Вендэль познакомился съ нимъ, потерялъ свое самообладаніе.—Сэръ!—воскликнулъ онъ съ негодованіемъ,—какъ назвать такой образъ дѣйствій? Какъ честный человѣкъ, говорящій съ честнымъ же человѣкомъ, скажите, чѣмъ вы можете оправдать свое поведеніе?

— Я могу оправдать его только тѣмъ, что это одинъ изъ обычаевъ, принятыхъ у англичанъ,—сказалъ спокойно Вендэль.— Вы же сами восхищаетесь нашими англійскими обычаями. Я не могу по чести сказать вамъ, м-ръ Обенрейцеръ, что я сожалею о своемъ поступкѣ. Я могу только завѣрить васъ, что я дѣйствовалъ такъ безъ всякаго желанія оказать вамъ умышленно неуваженіе. Передавъ вамъ все это, могу ли я теперь просить васъ сообщить мнѣ чистосердечно, какое вы встрѣчаете препятствіе, чтобы принять мое предложеніе?

— Я встрѣчаю громадное препятствіе въ томъ,—отвѣчала Обенрейцеръ,—что моя племянница и вы не одинаковаго соціальнаго положенія. Моя племянница—дочь бѣднаго крестьянина, вы же сынъ джентльмена. Вы оказываете намъ честь, — добавилъ онъ, снова спускаясь постепенно до своего обычнаго вѣжливаго уровня въ обращеніи,—которая заслуживаетъ нашей величайшей признательности и мы вамъ чрезвычайно благодарны. Но неравенство слишкомъ очевидно; жертва слишкомъ велика. Вы, англичане — гордый народъ, м-ръ Вендэль. Я довольно внимательно изучалъ вашу страну и знаю, что такой бракъ, какъ вы предлагаете, произведетъ здѣсь скандалъ. Никто не протянетъ руки вашей крестьянкѣ-женѣ, и всѣ ваши лучшіе друзья васъ покинутъ.

— Одну минуту!—сказалъ Вендэль, въ свою очередь перебивая его.—Я могу считать, безъ большого высокомерія, что знаю лучше васъ свой родной народъ вообще и своихъ друзей въ частности. Во мнѣніи каждаго, чье мнѣніе можетъ быть цѣнно, моя жена будетъ сама вполне достаточнымъ оправданіемъ этого брака. Если-бы я не чувствовалъ увѣренности—замѣтьте, я говорю—увѣренности—въ томъ, что я предлагаю ей положеніе, которое она можетъ приять безъ малѣйшей тѣни униженія, то я никогда бы (какъ бы мнѣ это ни было тяжело) не просилъ ее

быть моею женой. Быть можетъ, вы предвидите еще другое возраженіе? Быть можетъ, вы имѣете что-нибудь противъ меня?

Обенрейцеръ протянулъ впередъ обѣ руки въ видѣ вѣжливаго протеста.

— Противъ васъ лично?—воскликнулъ онъ.—Дорогой сэръ, уже одинъ этотъ вопросъ горестенъ для меня.

— Мы оба дѣловые люди,—продолжалъ Вендэль,—и вы, конечно, ждете отъ меня, чтобы я сообщилъ о тѣхъ средствахъ, которыми я располагаю, чтобы содержать жену. Я могу выяснитъ свое финансовое положеніе въ двухъ словахъ. Я унаследовалъ отъ своихъ родителей состояніе въ двадцать тысячъ фунтовъ. Съ половины этой суммы я получаю только пожизненные проценты, которые перейдутъ къ моему вдовѣ, если я умру женатымъ. Если я умру, оставивъ послѣ себя дѣтей, то эти деньги будутъ раздѣлены между ними, когда они станутъ совершеннолѣтними. Другая половина моего состоянія находится въ полномъ моемъ распоряженіи и помѣщена въ торговлю виномъ. Я вижу возможность очень значительно улучшить это дѣло. При настоящемъ положеніи вещей, я не могу получать дохода со своего капитала, помѣщенного въ дѣла, больше тысячи двухсотъ фунтовъ въ годъ. Прибавьте еще сюда ежемѣсячную сумму процентовъ, получаемыхъ мною пожизненно, и итогъ достигнетъ наличнаго дохода въ тысячу пятьсотъ фунтовъ въ годъ. У меня имѣются вполне вѣрные виды увеличить его еще болѣе въ самомъ непродолжительномъ времени. Итакъ, имѣете ли вы какое-нибудь возраженіе по поводу моего финансоваго положенія?

Вытѣсненный изъ своего послѣдняго ретраншемента, Обенрейцеръ поднялся и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ данный моментъ онъ положительно терялся, что ему сказать и сдѣлать.

— Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ послѣдній вопросъ,—сказалъ онъ послѣ небольшого размышленія,—я прошу позволенія удалиться на моментъ къ миссъ Маргаритѣ. Вы только что упомянули, кажется, о томъ, что, повидимому, она раздѣляетъ то чувство, которое вы соблагородили выразить ей?

— Я имѣлъ неоцѣненное счастье узнать,—сказалъ Вендэль,—что она любитъ меня.

Обенрейцеръ молча остановился на минуту; его глаза заволокла пелена, и снова слабо различимое измѣненіе сдѣлалось замѣтно на его щекахъ.

— Если вы извините меня, что я оставлю васъ на нѣсколько минутъ,—сказалъ онъ съ церемонной вѣжливостью,—то я желалъ бы имѣть возможность переговорить съ своей племянницей.— Съ этими словами онъ сдѣлалъ поклонъ и вышелъ изъ комнаты.

Мысли Вендэля, предоставленнаго самому себѣ, инстинктивно обратились къ размышленію о настроеніи мыслей Обенрейцера (что было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ столь далеко зашедшаго разговора). Онъ ставилъ препятствія его ухаживанію; онъ ставилъ теперь препятствія его браку—браку, сулящему ему выгоды, которыя Вендэль не могъ не видѣть, даже несмотря на свое простодушіе. При такомъ положеніи вещей, поведеніе Обенрейцера было несобъяснимо. Что же это могло значить?

Стараясь проникнуть въ корень отвѣта на подобный вопросъ и вспомнивъ, что Обенрейцеръ былъ приблизительно одного съ нимъ возраста, а также, что Маргарита была, собственно говоря, только дочерью его единоутробнаго брата, Вендэль задалъ себѣ вопросъ, съ послѣдней ревностью влюбленнаго, не слѣдуетъ ли ему столько же опасаться соперника, сколько и уговаривать опекуна? Но эта мысль лишь промелькнула въ его умѣ и только. Опушеніе поцѣлуя Маргариты, все еще горѣвшаго на его щекѣ, нѣжно напомнило ему, что даже минутная ревность была бы теперь измѣной по отношенію къ ней.

По размышленіи ему показалось наиболѣе вѣроятнымъ, что какая-нибудь личная причина иного сорта могла служить истиннымъ объясненіемъ поведенія Обенрейцера. Грація и красота Маргариты были драгоценными украшеніями этого скромнаго дома. Онѣ придавали ему особенную привлекательность въ обществѣ и были особенно важны для общества. Благодаря имъ Обенрейцеръ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе, какъ бы про запасъ, на которое онъ всегда могъ рассчитывать, чтобы сдѣлать свой домъ привлекательнымъ и которое онъ былъ въ состояніи всегда выдвинуть впередъ въ большей или меньшей степени, чтобы добиться успѣха въ своихъ личныхъ цѣляхъ. Былъ ли онъ такимъ человѣкомъ, чтобы отказаться отъ тѣхъ выгодъ, которыя ему представлялись, не потребовавъ по возможности наиболѣе полной компенсации за свою потерю? Связь съ Вендэлемъ, благодаря этому браку, представляла ему несомнѣнно очень солидныя преемущества. Но въ Лондонѣ были сотни людей съ несравненно большимъ вліяніемъ, чѣмъ Вендэль. Развѣ не можетъ быть, что честолюбіе этого человѣка втайнѣ простирается гораздо выше той блестящей перспективы, на которую онъ могъ бы надѣяться благодаря предполагаемому браку Вендэля съ его племянницей? Когда Вендэль раздумывалъ надъ этимъ вопросомъ, появился самъ Обенрейцеръ, чтобы отвѣтить или не отвѣтить на него, какъ это покажетъ будущее.

Можно было увидѣть замѣтную перемѣну въ лицѣ Обенрейцера, когда онъ снова занялъ свое мѣсто. Его манеры были менѣе увѣренными, и около его рта были ясныя слѣды недавняго волненія, которое еще не вполне улеглось. Не сказалъ ли онъ

чего-нибудь относительно Вендэля или себя самого, что задѣло Маргариту за живое и не столкнулся ли онъ впервые лицомъ къ лицу съ рѣшительно выраженной волей своей племянницы? Это могло быть и не быть. Одно только было очевидно: онъ походилъ на человѣка, который встрѣтилъ отпоръ.

— Я говорилъ со своей племянницей,—началъ онъ.—Я нахожу, м-ръ Вендэль, что, даже несмотря на ваше вліяніе, она не настолько слѣпна, чтобы не видѣть тѣхъ препятствій къ принятію вашего предложенія, которыя ей ставятъ общественное положеніе.

— Могу я спросить,—отвѣтилъ Вендэль,—единственный ли это результатъ вашей бесѣды съ миссъ Обенрейцеръ?

Мгновенная вспышка молніи сверкнула сквозь пелену, заволакивавшую глаза Обенрейцера.

— Вы господинъ положенія,—замѣтилъ онъ тономъ язвительной покорности.—Если вы настаиваете, чтобы я согласился съ этимъ, то я сдѣлаю это въ такихъ выраженіяхъ. Воля моей племянницы обыкновенно согласовалась съ моей волей. Вы встали между нами, и ея воля сдѣлалась теперь вашей. На моей родинѣ мы признаемъ надъ собою побѣду и подчиняемся ей со всей покорностью. Я подчиняюсь со всей покорностью на извѣстныхъ условіяхъ. Вернемтесь къ разсмотрѣнію вашего финансоваго положенія. Я имѣю сдѣлать вамъ, мой дорогой сэръ, одно возраженіе — самое изумительное, самое смѣлое возраженіе, которое можете сдѣлать человѣкъ въ моемъ положеніи человѣку въ вашемъ.

— Какое это возраженіе?

— Вы почтили меня, прося руки моей племянницы. Въ настоящее время я прошу позволенія (съ величайшей благодарностью и уваженіемъ) отклонить это предложеніе.

— Почему?

— Потому что вы не достаточно богаты.

Это возраженіе, какъ и предвидѣлъ Обенрейцеръ, совершенно поразило Вендэля. На мгновенье онъ лишился дара рѣчи.

— Вашъ доходъ равенъ тысячѣмъ пятистамъ фунтамъ въ годъ,— продолжалъ Обенрейцеръ.—Въ моей несчастной странѣ я упалъ бы передъ вашимъ доходомъ на колѣни и воскликнулъ бы: „какое княжеское состояніе!“ Въ богатой Англійи я сижу себѣ въ креслѣ и говорю: „скромное независимое положеніе, дорогой сэръ, и ничего больше“. Быть можетъ, этого вполне достаточно для жены изъ вашего круга, которой не надо воевать изъ за общественныхъ предразсудковъ. Но недостаточно больше, чѣмъ вдвое, для жены—иностранки низкаго происхожденія, противъ которой возстали всѣ ваши общественные предразсудки. Сэръ, если когда-нибудь моя племянница выйдетъ за васъ, то ей сразу же придется взвалить на

себя тяжелый трудъ, какъ вы его называете, чтобы занять свое мѣсто въ обществѣ. Да, да, вы не такъ на это смотрите, но это останется, неизмѣнно останется моею точкой зрѣнія. Ради своей племянницы, я требую, чтобы этотъ тяжелый трудъ былъ бы облегченъ ей, насколько возможно. Если ей могутъ помочь тѣ или иные матеріальныя преимущества, то они должны быть предоставлены ей по чистой справедливости. Теперь скажите мнѣ, м-ръ Вендэль, можетъ ли ваша жена имѣть на ваши полторы тысячи фунтовъ въ годъ домъ въ фешенебельномъ кварталѣ, ливрейнаго лакея, который бы открывалъ ей дверь, дворецкаго, который прислуживалъ бы за ея столомъ, карету и лошадей для выѣздовъ? Я читаю отвѣтъ на вашемъ лицѣ, на которомъ написано: нѣтъ. Прекрасно. Скажите мнѣ еще одну вещь, и нашъ разговоръ будетъ оконченъ. Если взять большую часть вашихъ образованныхъ благосовитанныхъ и прелестныхъ соотечественницъ, то вѣрнѣе или нѣтъ тотъ фактъ, что леди, у которой есть домъ въ фешенебельномъ кварталѣ, ливрейный лакей, который открываетъ ей двери, дворецкій и лошади для выѣздовъ, что эта леди съ самаго уже начала выигрываетъ въ уваженіи женщинъ четыре шага впередъ? Да или нѣтъ?

— Переходите прямо къ дѣлу,—сказалъ Вендэль.—Вы разсматриваете этотъ вопросъ только съ точки зрѣнія выработки условій? Каковы же ваши условія?

— Наименьшія условія, дорогой сэръ,—возможность обезпечить ваше женѣ эти четыре шага съ самаго уже начала. Удвойте вашъ теперешній доходъ—въ Англійи на меньшія средства невозможно сдѣлать этого даже при самой строгой экономіи. Вы только что сказали, что очень надѣетесь увеличить прибыльность своего дѣла. Работайте и увеличьте ее! Въ концѣ концовъ я добрый малый! Въ тотъ день, когда вы удовлетворите моимъ условіямъ, представивъ неоспоримыя доказательства, что вашъ доходъ поднялся до трехъ тысячъ фунтовъ въ годъ, просите у меня руки моеи племянницы, и она ваша.

— Могу я спросить, упомянули ли вы объ этомъ соглашеніи миссъ Обенрейцеръ?

— Конечно. Она сохранила ко мнѣ послѣднюю небольшую долю вниманія, которое пока еще не всецѣло поглощено вами, м-ръ Вендэль; и она согласилась на мои условія. Другими словами, она подчиняется тому, чтобы ею руководило желаніе опекуномъ ей блага и лучшее, чѣмъ ея, знаніе опекуномъ свѣта.

Онъ откинулся на спинку кресла, твердо увѣренный въ своей позіціи и вполне владѣя своимъ замѣчательнымъ характеромъ.

Какая бы то ни было открытая защита своихъ интересовъ въ томъ положеніи, въ которомъ оказался теперь Вендэль, была повидному безнадежною (по крайней мѣрѣ въ данный моментъ).

Онъ буквально чувствовалъ, что у него нѣтъ точки опоры подъ ногами. Были ли возраженія Обенрейцера чистосердечными результатами того, съ какой точки зрѣнія разсматривалъ онъ это дѣло или же онъ просто откладывалъ бракъ, надѣясь въ концѣ концовъ совершенно его разстроить, но въ томъ и другомъ случаѣ всякое сопротивленіе со стороны Вендэля было въ данный моментъ одинаково бесполезно. Ничѣмъ нельзя было помочь и оставалось только согласиться, выдвинувъ по возможности со своей стороны наиболѣе выгодныя для себя условія.

— Я протестую противъ тѣхъ условій, которыя вы налагаете на меня,—началъ онъ.

— Это воистинѣ естественно,—сказалъ Обенрейцеръ.—Смѣю заявить, что я самъ бы протестовалъ противъ нихъ, будь я на вашемъ мѣстѣ.

— Скажемъ, однако, — продолжалъ Вендэль, — что я принимаю ваши условія. Въ этомъ случаѣ, вы должны разрѣшить мнѣ выставить въ свою очередь два условія. Прежде всего я ожидаю, что мнѣ будетъ разрѣшено видѣться съ вашей племянницей.

— Ага! Видѣться съ моей племянницей и такъ ее настроить, чтобы она также торопилась вступить въ бракъ, какъ и вы сами? Предположимъ, я отвѣчу „нѣтъ“! Вы быть можетъ станете видѣться съ ней безъ моего разрѣшенія?

— Безусловно!

— Какъ восхитительно откровенно! Какъ удивительно поанглийски! Вы будете видѣться съ нею, м-ръ Вендэль, въ опредѣленные дни, которые мы съ вами установимъ. Что же дальше?

— Ваше возраженіе относительно моего дохода,—продолжалъ Вендэль,—совершенно ошеломило меня. Я хочу обезпечить себя отъ всякаго повторенія такого сюрприза. Вы требуете отъ меня при вашей теперешней точкѣ зрѣнія на мою способность вступить въ бракъ ежегоднаго дохода въ три тысячи фунтовъ. Могу ли я быть увѣренъ, что въ будущемъ, когда вы ближе познакомитесь съ Англіей, ваша оцѣнка не повысится еще болѣе?

— Иными словами,—сказалъ Обенрейцеръ,—вы сомнѣваетесь въ моихъ словахъ.

— Развѣ вы рассчитываете повѣрить *мнѣ* на слово, когда я увѣдомлю васъ, что удвоилъ свой доходъ?—спросилъ Вендэль.—Если меня не обманываетъ память, то минуту назадъ вы требовали отъ меня безспорныхъ доказательствъ?

— Прекрасный ударъ, м-ръ Вендэль! Вы соединяете въ себѣ остроту ума иностранца съ положительностью англичанина. Примите мои наилучшія поздравленія. Примите также мое письменное ручательство.

Онъ поднялся, сѣлъ за письменный столъ, стоявшій у стѣны, написалъ нѣсколько строкъ и передалъ ихъ Вендэлю съ низкимъ

поклономъ. Обязательство было совершенно ясно и подписано и датировано съ величайшей тщательностью.

— Удовлетворены вы такой гарантіей?

— Удовлетворенъ.

— Радъ слышать это, очень радъ. У насъ была маленькая схватка—и мы вѣдь вели себя оба удивительно ловко. Въ данный моментъ наши дѣла приведены въ порядокъ. Я не желаю зла. Вы не желаете зла. Давайте, м-ръ Вендэль, обмѣняемся хорошимъ англійскимъ рукопожатіемъ.

Вендэль подалъ ему руку, немного сбитый съ толку внезапными переходами Обенрейцера изъ одного настроенія въ другое.

— Когда я могу надѣяться снова увидѣть миссъ Обенрейцерь?—спросилъ онъ, поднявшись, чтобы идти.

— Почтите меня вашимъ посѣщеніемъ завтра, — сказалъ Обенрейцерь,—и мы тогда устроимъ это. Соорудимъ грогъ передъ вашимъ уходомъ? Нѣтъ? Хорошо, хорошо! Мы оставимъ грогъ до того момента, когда у васъ будетъ три тысячи въ годъ и вы будете готовы къ свадьбѣ. Ага! Когда это будетъ?

— Я подсчитывалъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, доходность своего дѣла,—сказалъ Вендэль.—Если это вычисленіе правильно, то я удвою свой настоящей доходъ...

— И женитесь!—добавилъ Обенрейцерь.

— И женюсь,—повторилъ Вендэль,—черезъ годъ, считая отъ сегодняшняго дня. Покойной ночи.

ВЕНДЭЛЬ ПОЛУЧАЕТЪ ДУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Когда Вендэль вышелъ на слѣдующее утро въ свою контору, то скучная коммерческая рутина Угла Увѣчныхъ показала ему измѣнившей свою фізіономію. Теперь и Маргарита была заинтересована въ дѣлѣ! Вся эта дѣловая машина, которую привела въ ходъ смерть Уайльдинга, такъ какъ надо было опредѣлить обороты фирмы: подвести балансъ по книгамъ, подсчитать долги, составить инвентарь и тому подобное — превратилась теперь въ машину, которая указывала шансы за и противъ скорого брака. Пробѣжавъ итоги, представленные ему счетоводомъ, и провѣривъ сжогенія и вычитанія, сдѣланныя клерками, Вендэль обратилъ дальѣе вниманіе на инвентарную вѣдомость и послалъ въ погреба за отчетомъ, желая просмотрѣть его.

Наружность погребщика, когда онъ просунулъ голову въ дверь кабинета своего хозяина, заставляла подозрѣвать, что въ это утро должно быть произошло что-то очень необыкновенное. Въ движеніяхъ Джозъ Лэдля было что-то напоминавшее живость! Въ лицѣ Джозъ Лэдля было что-то положительно похожее на хорошее расположеніе духа!

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Вендэль.— Не случилось ли чего?

— Я хотѣлъ бы упомянуть объ одномъ,—отвѣчалъ Джоэ.— Молодой мастеръ Вендэль, я никогда не выдавалъ себя за пророка.

— Кто же такъ говорилъ?

— Ни одинъ пророкъ, насколько я слыхалъ объ этой профессіи,—продѣлжалъ Джоэ,—никогда не проводилъ большей части своей жизни подъ землей. Ни одинъ пророкъ, чего бы они тамъ ни принимали въ себя черезъ поры тѣла, никогда не пропитывался ниномъ съ утра до ночи въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Когда я говорилъ молодому мастеру Уайльдингу относительно переменъ имъ названія фирмы, что въ одинъ прекрасный день онъ увидитъ, что счастье фирмы измѣнилось — выставлялъ ли я себя пророкомъ? Нѣтъ, не выставлялъ. Но произошло-ли то, что я ему предсказывалъ? Да, произошло. Во времена Пebbельсона Племянника, молодой м-ръ Вендэль, никогда и не слыхали о такой вещи, какъ ошибка въ товарѣ, доставленномъ въ нашу фирму. А теперь такая ошибка случилась. Пожалуйста, замѣьте, что она произошла раньше, чѣмъ миссъ Маргарита пришла къ намъ. Вотъ почему это не противорѣчить тому, что я говорилъ относительно вліянія миссъ Маргариты на счастье. И прочтите-ка это, сэръ,—заклучилъ свою рѣчь Джоэ и обратилъ его вниманіе на одно мѣсто въ отчетѣ, ткнувъ въ него своимъ указательнымъ перстомъ, который, казалось, не принималъ въ себя сквозь поры ничего замѣчательнѣе грязи.

— Не таковъ мой характеръ, чтобы каркать надъ тѣмъ домомъ, гдѣ я служу, но я чувствую нѣкоторую печальную обязанность просить васъ прочесть это.

Вендэль прочелъ нижеслѣдующее:

— „Замѣчаніе касательно швейцарскаго шампанскаго. Въ послѣдней партіи, полученной отъ фирмы Дефренъ и К°, была обнаружена неправильность“. Вендэль остановился и справился въ записной книжкѣ, лежавшей около него.—Это было еще при м-рѣ Уайльдингѣ,—сказалъ онъ.—Сборъ винограда былъ чрезвычайно хорошъ, и онъ приобрѣлъ цѣликомъ всю партію вина. Швейцарское шампанское расходуется очень хорошо, не такъ ли?

— Я не говорю, что оно расходуется плохо,—отвѣчалъ погребщикъ.— Оно можетъ портиться у нашихъ покупателей, оно можетъ рвать бутылки въ ихъ рукахъ. Но я не могу сказать, что оно плохо расходуется у насъ.

Вендэль сталъ предожать чтеніе записки: „Мы нашли число ящиковъ совершенно соответствующимъ тому, которое было записано въ книжки. Но шесть ящиковъ, очень незамѣтно отличавшихся отъ остальныхъ по клейму, были вскрыты и оказалось, что въ нихъ прислано красное вино вмѣсто шампанскаго. Мы предполагаемъ, что при отпавкѣ вина изъ Невшателя ошибка

произошла вслѣдствіе сходства въ клеймахъ. Было найдено, что ошибка не распространилась на другіе ящики, кромѣ этихъ шести“.

— Это все! — воскликнулъ Вендэль, отбросивъ отъ себя записку.

Взоръ Джозъ Лэдди угрюмо слѣдилъ за летящимъ клочкомъ бумаги.

— Я радъ, сэръ, видѣть, что вы относитесь къ этому легко, — сказалъ онъ. — Что бы ни случилось, для васъ будетъ всегда утѣшеніемъ вспоминать, что вы сначала отпеслись къ этому легко. Иногда одна случайность ведетъ за собой другую. Одинъ случайно роняетъ на мостовую апельсинную корку, другой случайно наступитъ на нее, и вотъ работа для госпиталя, и человѣкъ, изувѣченный на всю жизнь. Я радъ, что вы относитесь къ этому легко. Во времена Пebbльсона Племянника мы не отпеслись бы легко къ этому, пока не увидали бы конца. Не желая каркать надъ домомъ, я все же хотѣлъ бы, чтобы все это окончилось для васъ удачно. Не въ обиду будь это сказано, сэръ, — сказалъ погребщикъ, открывая дверь, чтобы уйти, но снова обернулся и, прежде чѣмъ закрыть ее за собой, бросилъ на Вендэля взглядъ, полный предостереженія, — я пьяница и меланхоликъ, и я желаю, чтобы для васъ окончилось удачно это недоразумѣніе съ шестью ящиками красного вина.

Оставшись одивъ, Вендэль размѣялся и взялся за перо. — Чтобы не забыть объ этомъ, я хорошо сдѣлаю, если напишу нѣсколько строкъ Дефренъ и К°, — подумалъ онъ. Онъ тутъ же и написалъ это письмо въ такихъ выраженіяхъ:

„Милостивые Государи.

Мы составляли инвентарь и замѣтили маловажную ошибку въ послѣдней партіи шампанскаго, отправленнаго намъ вашимъ домомъ. Въ шести ящикахъ прислано красное вино, которое мы возвращаемъ вамъ при семъ. Дѣло можно легко исправить, если вы пошлете намъ шесть ящиковъ шампанскаго, буде его можно достать, или въ противномъ случаѣ, если вы кредитуете насъ стоимостью шести ящиковъ по послѣднему счету (пятьсотъ фунтовъ), уплаченному нами вашему дому. Ваши покорные слуги

Уайльдингъ и К°“.

Это письмо было отослано на почту, и мысль о немъ тотчасъ же улетучилась изъ головы Вендэля. У него были другія и гораздо болѣе интересныя мысли. Въ этотъ же день немного позднее онъ сдѣлалъ визитъ Обенрейцеру, какъ это было между ними условлено. Тогда же ими было выбрано нѣсколько вечеровъ въ недѣлю, которые онъ могъ проводить съ Маргаритой, впрочемъ, всегда въ присутствіи третьяго лица. Обенрейцеръ вѣжливо, но рѣшительно

настаивалъ на этомъ условіи. Онъ сдѣлалъ единственную уступку, предоставивъ Вендэлю самому выбрать, кто будетъ этимъ третьимъ лицомъ. Положившись на прошлый опытъ, Вендэль безъ малѣйшаго колебанія выбралъ ту превосходную женщину, которая шлопала Обспрейцеру носки. Когда мадамъ Доръ услышала о возлагаемой на нее отвѣтственности, то ея умственныя способности проявились везанно въ новой фазѣ своего развитія. Она подождала, пока Обспрейцеръ не отвелъ отъ нея своего взора, а затѣмъ взглянула на Вендэля и неловко подмигнула ему.

Протекало время — счастливые вечера съ Маргаритой наступали и проходили. На десятое утро съ того момента, какъ Вендэль написалъ письмо швейцарской фирмѣ, на его конторкѣ появился отъ нея отвѣтъ вмѣстѣ съ другими только что полученными письмами:

„Милостивые Государи.

„Мы просимъ принять наши извиненія за происшедшее небольшое недоразумѣніе. Въ то же время, мы должны прибавить, съ сожалѣніемъ, что разсмотрѣніе нашей ошибки, о которой вы благосклонно увѣдомили насъ, повело къ совершенно неожиданному открытію. Дѣло чрезвычайно важно какъ для васъ, такъ и для насъ. Подробности его таковы.

„Не имѣя болѣе того шампанскаго послѣдняго сбора, которое было послано вамъ, мы сдѣлали распоряженіе о кредитованіи вашей фирмы стимостью шести ящичковъ, какъ это было указано вами. Для этого нужно было соблюсти нѣкоторыя формальности, принятыя у насъ при веденіи дѣлъ, которыя потребовали справки въ книгѣ нашихъ банкировъ, а также и въ нашей счетной книгѣ. Въ результатѣ справокъ явилась моральная увѣренность въ томъ, что нашъ домъ не могъ получить такого перевода, о какомъ вы упоминаете, и фактическая увѣренность, что подобный переводъ не былъ уплаченъ нашему счету въ банкѣ.

„Едва ли нужно при такомъ положеніи дѣлъ беспокоить васъ сообщеніемъ подробностей. Деньги были безспорно украдены во время ихъ пересылки отъ васъ къ намъ. Нѣкоторыя особенности, замѣченныя нами, касающіяся того способа, которымъ было совершено мошенничество, заставили насъ сдѣлать тотъ выводъ, что воръ вѣроятно разсчиталъ, что ему удастся выплатить нашимъ банкрутамъ недостающую сумму раньше, чѣмъ будетъ сдѣлано неизбѣжное открытіе при подведеніи нами баланса въ концѣ года. Это произошло бы, при обычномъ ходѣ вещей, приблизительно черезъ три мѣсяца. Въ теченіе этого періода мы могли бы положительно ничего не знать о совершенной кражѣ, если бы не ваше письмо.

„Мы упоминаемъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве для того, чтобы оно могло яснѣе показать вамъ, что здѣсь мы имѣемъ

дѣло не съ обыкновеннымъ воромъ. Мало того, мы даже не можемъ подозрѣвать, кто этотъ воръ. Но мы надѣмся, что вы поможете намъ предпринять разслѣдованіе, разсмотрѣвъ росписку (конечно, поддѣльную), которая безъ сомнѣнія должна была придти къ вамъ отъ нашего дома. Будьте любезны взглянуть на нее и посмотрите, написана ли она цѣликомъ отъ руки или же она печатнаго и закумерованнаго образца, такъ что для записанія требуется только проставить сумму. Выясненіе этого повидимому весьма обыкновеннаго вопроса есть дѣло чрезвычайной важности, увѣряемъ васъ. Съ большимъ безпокойствомъ ожидая вашего отвѣта, остаемся съ величайшимъ почтеніемъ и предупредительностью
Дефренъ и К^о.

Вендэль положилъ письмо на конторку и съ минутой не могъ придти въ себя отъ того удара, который на него обрушился. Какъ разъ въ то время, когда для него чрезвычайно важно увеличить обороты своего дѣла, ему грозитъ потеря въ пятьсотъ фунтовъ. Доставъ изъ кармана ключъ и открывая желѣзный шкафъ въ стѣнѣ, въ которомъ хранились книги и бумаги торговаго дома, Вендэль подумалъ о Маргаритѣ.

Онъ еще былъ въ кладовой, разыскивая поддѣльную росписку, какъ вдругъ голосъ, раздавшійся совсѣмъ сзади него, заставилъ его вздрогнуть.

— Тысячу извиненій, — сказалъ голосъ, — боюсь, что я вамъ помѣшалъ.

Онъ обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ опекуномъ Маргариты.

— Я зашелъ, — продолжалъ Обсрейцеръ, — чтобы узнать, не могу ли я быть вамъ полезнымъ. Мнѣ приходится съѣздить на нѣсколько дней по своимъ дѣламъ въ Манчестеръ и Ливерпуль. Можетъ быть вы дадите мнѣ какія-нибудь порученія въ связи съ моею поѣздкой? Я вполне къ вашимъ услугамъ въ качествѣ комми-вояжера торговаго дома Уайльдингъ и К^о.

— Извините меня на минуту, — сказалъ Вендэль. — Я сейчасъ буду бесѣдовать съ вами. — Онъ снова повернулся и продолжалъ рыться въ бумагахъ. — Вы приходите какъ разъ въ тотъ моментъ, когда дружескіе совѣты болѣе чѣмъ когда либо драгоценны для меня, — снова заговорилъ онъ. — Сегодня утромъ я получилъ очень дурныя извѣстія изъ Невшателя.

— Дурныя извѣстія! — воскликнулъ Обсрейцеръ. — Отъ Дефренъ и К^о?

— Да. Переводъ, посланный нами имъ, украденъ. Мнѣ угрожаетъ потеря пятисотъ фунтовъ. Что это?

Рѣзко повернувшись и взглянувъ въ комнату вторично, Вендэль увидѣлъ свой ящичекъ съ конвертами опрокинутымъ на полъ и Обсрейцера, стоявшаго на козлѣнкахъ и собиравшаго содержимое.

— Всему виной моя неловкость,—сказалъ Обенрейцеръ. — Непрiятное извѣстiе, полученное вами, ошеломило меня; я сдѣлалъ шагъ назадъ...—Онъ слинкомъ сильно заинтересовался собиранiемъ разсыпавшихся конвертовъ, чтобы докончить свою фразу.

— Не безпокойтесь,—сказалъ Вендэль.—Клеркъ подниметь все это съ полу.

— Это непрiятное извѣстiе! — повторялъ Обенрейцеръ, настойчиво продолжая собирать конверты.—Это непрiятное извѣстiе!

— Если вы прочтете письмо,—сказалъ Вендэль,—то вы найдете, что я ничего не преувеличилъ. Оно лежитъ вскрытое тамъ на моей конторкѣ.

Онъ снова принялся за поиски и черезъ минуту нашелъ поддѣльную росписку. Она была занумерованнаго и печатнаго образца, какъ это было описано швейцарской фирмой. Вендэль записалъ номеръ и число. Положивъ росписку на мѣсто и замкнувъ медѣзную кладовую, онъ имѣлъ время замѣтить, что Обенрейцеръ читаетъ письмо въ амбразурѣ окна въ самомъ дальнемъ концѣ комнаты.

— Подойдите къ камину,—сказалъ Вендэль.—Вы, повидимому, совсѣмъ заоченили тамъ отъ холода. Я позвоню, чтобы принесли еще угля.

Обенрейцеръ поднялся и медленно подошелъ къ конторкѣ.

— Маргарита будетъ огорчена этимъ извѣстiемъ не меньше меня,—сказалъ онъ любезно.—Что же вы думаете предпринять?

— Я въ рукахъ Дефренъ и К°,—отвѣчалъ Вендэль.—Такъ какъ я совершенно незнакомъ съ обстоятельствами дѣла, то могу дѣлать только то, что они мнѣ посовѣтуютъ. Росписка, которую я только что нашелъ, оказывается, занумерованнаго и печатнаго образца. Кажется, они считаютъ чрезвычайно важнымъ, чтобы она была найдена. Вы познакомились съ ихъ способами веденiя дѣла, когда служили у нихъ въ Швейцарiи. Можете ли догадаться, что они имѣютъ въ виду?

Обенрейцеръ рискнулъ попробовать.

— Давайте я посмотрю росписку,—сказалъ онъ.

— Вы больны?—спросилъ Вендэль, испуганный переменой въ его лицѣ, которое только сейчасъ впервые можно было ясно разглядѣть.—Пожалуйста, подойдите къ камину. Мнѣ кажется, вы дрожите—надѣюсь, вы не больны?

— Нѣтъ!—сказалъ Обенрейцеръ.—Вѣроятно, я простудился. Вашъ англiйскiй климатъ могъ бы пощадить человѣка, восхищающагося вашими англiйскими обычаями. Позвольте мнѣ взглянуть на росписку.

Вендэль отворилъ желѣзную кладовую. Обенрейцеръ взялъ кресло и пододвинулъ его прямо къ камину. Онъ протянулъ обѣ

руки надъ огнемъ.—Позвольте мнѣ взглянуть на росписку,—повторилъ онъ нетерпѣливо, когда Вендэль снова появился съ бумагой въ рукѣ. Въ это время въ комнату вошелъ слуга со свѣжимъ запасомъ угля. Вендэль приказалъ ему развести побольше огня. Тотъ поспѣшилъ исполнить приказаніе съ гибельной расторопностью. Когда онъ шагнулъ впередъ и поднялъ ящикъ съ углемъ, то зацѣпилъ ногой за складку ковра и высыпалъ весь свой грузъ на рѣшетку камина. Отъ этого пламя мгновенно потухло и показалась струя желтаго дыма, въ которомъ нельзя было замѣтить ни малѣйшаго признака огня.

— Дубина!—прошепталъ Обенрейцеръ, бросивъ на слугу такой взглядъ, который тотъ помнилъ долго еще спустя.

— Можетъ, вы перейдете въ комнату клерковъ?—спросилъ Вендэль.—У нихъ тамъ есть печка.

— Нѣтъ, нѣтъ. Пустяки!

Вендэль протянулъ ему росписку. Базалось, что желаніе Обенрейцера изслѣдовать ее потухло такъ же внезапно и такъ же окончательно, какъ и огонь въ каминѣ. Онъ только взглянулъ на документъ и сказалъ:

— Нѣтъ, я не понимаю ея! Я сожалѣю, что не могу вамъ помочь.

— Я напишу въ Невпателъ съ вечерней почтой,—сказалъ Вендэль, спрятавъ росписку вторично.—Намъ слѣдуетъ подождать и посмотреть, что изъ этого выйдетъ.

— Съ вечерней почтой, — повторилъ Обенрейцеръ. — Пойдите-ка. Вы получите отвѣтъ черезъ восемь или девять дней. Я вернусь назадъ раньше. Если я могу быть вамъ полезнымъ, въ качествѣ комми-вожера, то, можетъ быть, вы пожелаете уведомить меня до этого времени. Вы поплете мнѣ письменныя инструкціи. Я буду съ большимъ интересомъ ожидать, когда вы получите отвѣтъ изъ Невпателя. Кто знаетъ? Въ концѣ концовъ, мой дорогой другъ, это можетъ оказаться ошибкой. Мужайтесь! мужайтесь! мужайтесь!—Онъ вошелъ въ комнату, какъ человѣкъ, который не дорожитъ временемъ. Теперь же онъ схватилъ свою шляпу и попрощался съ видомъ человѣка, который не можетъ терять ни одной минуты.

Оставшись одинъ, Вендэль прошелся задумчиво по комнатѣ.

Прежнее впечатлѣніе, которое производилъ на него Обенрейцеръ, совершенно не согласовалось съ тѣмъ, что онъ слышалъ и видѣлъ во время только что происходившаго разговора. Онъ готовъ былъ впервые предаться сомнѣнію, не слишкомъ ли поспѣшно и строго составилъ онъ въ этомъ случаѣ свое мнѣніе о другомъ человѣкѣ. Удивленіе и сожалѣніе Обенрейцера, когда онъ услышалъ объ извѣстїи, полученномъ изъ Невпателя, носили на себѣ очевиднѣйшіе признаки искренняго чувства, а не вѣжли-

ваго участія, выраженнаго по этому поводу. Озабоченный своими собственными тревогами, которыя ему приходилось переживать, страдая, по всей очевидности, отъ первыхъ коварныхъ приступовъ серьезной болѣзни, онъ былъ похожъ на человѣка, да и говорилъ, какъ человѣкъ, который дѣйствительно огорченъ тѣмъ несчастьемъ, которое произошло съ его другомъ. До сихъ поръ Вендэль тщетно пытался измѣнить свое первоначальное мнѣніе объ опекунѣ Маргариты ради нея самой. Всѣ благородные инстинкты его природы соединились теперь воедино и возставали противъ очевидности, казавшейся неопровержимой до сего времени. „Кто знаетъ?—думалъ онъ.—Вѣдь я могъ въ концѣ концовъ невѣрно прочесть физиономію этого человѣка“.

Протекало время—счастливые вечера съ Маргаритой наступали и проходили. Опять наступило десятое утро съ того момента, какъ Вендэль написалъ письмо швейцарской фирмѣ, и опять на его конторкѣ появился отъ нея отвѣтъ вмѣстѣ съ другими только что полученными письмами.

„Дорогой сэръ.

Мой старшій компаньонъ, monsieur Дефренъ, вызванъ по неотложнымъ дѣламъ въ Миланъ. За его отсутствіемъ (и съ его полнаго согласія и разрѣшенія) я снова пишу вамъ теперь по поводу пропавшихъ пятисотъ фунтовъ.

Ваше открытіе, что поддѣльная росписка сдѣлана по образцу нашихъ занумерованныхъ и печатныхъ бланковъ, причинило неизяснимое огорченіе и удивило моего компаньона и меня самого. Въ то время, когда былъ украденъ вашъ переводъ, существовало всего три ключа, которыми открывался денежный сундукъ, гдѣ неизмѣнно хранились бланки нашихъ росписокъ. Одинъ ключъ былъ у моего компаньона, другой у меня. Третій былъ въ распоряженіи джентльмена, который въ это время занималъ довѣренное мѣсто въ нашемъ торговомъ домѣ. Мы могли бы съ одинаковымъ основаніемъ заподозрить одного изъ насъ, какъ и это лицо. Тѣмъ не менѣе, теперь подозрѣніе падаетъ на него. Я не могу рѣшиться сообщить вамъ, кто это лицо, пока есть хоть небольшая надежда, что оно можетъ оказаться невиннымъ послѣ того разслѣдованія, которое мы должны теперь произвести. Простите мое молчаніе, причина его уважительна.

Форма, которую должны теперь принять наши розыски, довольно проста. Почеркъ вашей росписки долженъ быть сравненъ компетентными лицами, находящимися въ нашемъ распоряженіи, съ нѣкоторыми образчиками почерка, имѣющимся у насъ. Я не могу послать вамъ этихъ образчиковъ по дѣловымъ причинамъ, которыя вы, навѣрное, одобрите, когда о нихъ узнаете. Я долженъ просить васъ послать мнѣ росписку въ Невпатель, но, обращаясь

Нѣтъ прохода.

съ этой просьбой, я долженъ сопровождать ее слѣдующимъ необходимымъ предостереженіемъ.

Если то лицо, на которое падаетъ сейчасъ подозрѣніе, дѣйствительно окажется лицомъ, совершившимъ это мошенничество и воровство, то я имѣю основаніе опасаться, что нѣкоторые обстоятельства могли уже заставить его держаться на чеку. Противъ него существуетъ только одна единственная улика, и эта улика въ вашихъ рукахъ, поэтому онъ перероетъ небо и землю, чтобы найти и уничтожить ее. Я самымъ усиленнымъ образомъ совѣтую вамъ не довѣрять почтѣ пересылку росписки. Пошлите мнѣ ее съ кѣмъ-нибудь, не теряя ни минуты, но для своего порученія выбирайте только такого человѣка, который долго прослужилъ въ вашемъ учрежденіи, привыкъ путешествовать, умѣетъ говорить по-французски; храбраго и честнаго человѣка и сверхъ того, такого человѣка, которому можно довѣрять, что онъ не позволитъ никому искушать съ нимъ въ пути знакомства. Не говорите никому, абсолютно никому, кромѣ вашего посланнаго, о томъ оборотѣ, который приняло теперь это дѣло. Благополучная пересылка росписки можетъ зависѣть отъ вашего *буквальнаго* исполненія совѣта, который я даю вамъ въ концѣ этого письма.

Мнѣ остается только прибавить, что всякій возможный выигрышъ во времени является въ данный моментъ чрезвычайно важнымъ. У насъ пропалъ не одинъ бланкъ росписокъ, и невозможно сказать, какія еще могутъ быть совершены новыя мошенничества, если мы упустимъ время и не наложимъ своихъ рукъ на вора.

Вашъ покорный слуга Ролландъ.

(подписывающійся за Дефренъ и К^о)“.

Кто былъ этотъ заподозрѣнный человѣкъ? Въ положеніи Вендэля казалось бесполезнымъ задавать себѣ подобный вопросъ.

Кого надо послать въ Невшатель съ роспиской? Храбрые и честные люди были въ Углу Увѣчныхъ, стоило только позвать. Но гдѣ человѣкъ, привыкшій путешествовать за границей, умѣющій говорить по-французски и на котораго можно было бы условно положиться, что онъ не позволитъ никому завязать съ собою по дорогѣ знакомство. Подъ рукой былъ всего одинъ человѣкъ, который отвѣчалъ всѣмъ этимъ требованіямъ, и этотъ человѣкъ былъ самъ Вендэль.

Было жертвой оставить свои дѣла, еще большей жертвой было оставить Маргариту. Но вопросъ о пятистахъ фунтахъ зависѣлъ отъ этого еще не законченнаго разслѣдованія, а *monsieur* Ролландъ настаивалъ на буквальный исполненіи своего совѣта въ такихъ выраженіяхъ, съ которыми нечего было шутить. Чѣмъ больше Вендэль думалъ объ этомъ, тѣмъ яснѣе вырисовывалась передъ нимъ необходимость, и онъ рѣшилъ: „ѣду!“

Когда онъ записалъ письмо вмѣстѣ съ роспиской, то вспомнилъ

по ассоціаціи идей объ Обенрейцерѣ. Ему теперь показалось болѣе возможнымъ разрѣшить вопросъ о личности подозрѣваемаго. Обенрейцеръ могъ знать.

Едва эта мысль промелькнула въ его головѣ, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Обенрейцеръ.

— Миѣ говорили въ Сого-сквэрѣ, что васъ ждали домой вчера вечеромъ,—сказалъ Вендэль, идя къ нему на встрѣчу.—Хорошо покѣнчили въ провинціи съ дѣлами? Чувствуете себя лучше?

Тысячу благодарностей. Обенрейцеръ покѣнчилъ съ дѣлами чудесно. Обенрейцеру безконечно лучше. Ну, а теперь, какія новости? Есть письмо изъ Невшателя?

— Очень странное письмо,—отвѣчалъ Вендэль.—Дѣло приняло новый оборотъ, и письмо настаиваетъ—безъ всякихъ исключеній для кого-либо—чтобы нашъ ближайшій образъ дѣйствій былъ сохраненъ мною въ глубочайшемъ секретѣ.

— Безъ всякихъ исключеній для кого-либо?—повторилъ Обенрейцеръ. Произнося эти слова, онъ отошелъ снова задумчиво въ противоположный уголъ комнаты къ окну, на минуту заглянулъ въ него и порывисто вернулся къ Вендэлю.—Безусловно они должно быть позабыли обо мнѣ,—снова началъ онъ,—въ противномъ случаѣ они не сдѣлали бы такого исключенія.

— Миѣ пишетъ monsieur Ролланъ,—сказалъ Вендэль.—И, какъ вы говорите, онъ, должно быть, дѣйствительно, позабылъ про васъ. Это обстоятельство совершенно ускользнуло отъ моего вниманія. Я только что хотѣлъ посоветоваться съ вами, когда вы вошли въ комнату. И вотъ я связанъ формальнымъ запрещеніемъ, которое не можетъ, вѣроятно, распространяться на васъ. Какъ это досадно!

Затянутые пеленой глаза Обенрейцера внимательно устремились на Вендэля.

— Быть можетъ, это болѣе, чѣмъ досадно!—сказалъ онъ.—Я зашелъ къ вамъ сегодня не только, чтобы узнать, нѣтъ ли новостей, но и чтобы предложить вамъ свои услуги въ качествѣ посланца, посредника—кого вамъ угодно. Довѣритесь ли вы миѣ? Я получилъ письма, которыя заставляютъ меня немедленно ѣхать въ Швейцарію. Посылки, документы, все, что угодно—я могъ бы все это отвезти отъ васъ Дефренъ и Роллану.

— Вы какъ разъ такой челоуѣкъ, какой миѣ нуженъ,—отвѣтилъ Вендэль.—Не болѣе пяти минутъ тому назадъ я рѣшилъ, съ большой неохотой, что придется ѣхать въ Невшатель самому, такъ какъ я не могъ найти здѣсь никого, кто былъ бы въ состояніи замѣнить меня. Позвольте, я еще разъ просмотрю письмо.

Онъ отворилъ кладовую, чтобы достать письмо. Обенрейцеръ, бросивъ прежде всего взглядъ вокругъ себя, чтобы убѣдиться, что они одни, сдѣлалъ одинъ, два шага и остановился въ ожиданіи, из-

мѣряя Вендэля взглядомъ. Вендэль былъ выше ростомъ и, несомнѣнно, также болѣе сильный изъ нихъ двоихъ. Обенрейцеръ отошелъ отъ него въ сторону и сталъ грѣться у камина.

Тѣмъ временемъ Вендэль въ третій разъ перечелъ послѣднюю часть письма. Въ ней заключалось ясное предостереженіе—въ немъ была вполнѣ опредѣленная фраза, которая настаивала на букввальномъ исполненіи совѣта. Рука, ведшая Вендэля въ потемкахъ, руководила имъ только при этомъ условіи. На карту была поставлена большая сумма; нужно было подтвердить страшное подозрѣніе. Если онъ будетъ дѣйствовать на свой страхъ и если случится что-нибудь, что можетъ разстроить всѣ планы, то кто тогда будетъ виноватъ? Какъ дѣловому человѣку, Вендэлю оставался только одинъ выходъ. Онъ снова заперъ письмо.

— Чрезвычайно досадно,—сказалъ онъ Обенрейцеру,—что забывчивость со стороны monsieur Роллана влечетъ за собой серьезные неудобства для меня и ставитъ меня въ нелѣпное и ложное положеніе по отношенію къ вамъ. Но что же я могу сдѣлать? Я принимаю участіе въ очень серьезномъ дѣлѣ и дѣйствую совершенно впотѣмахъ. У меня нѣтъ иного выбора и мнѣ остается только руководиться не своимъ собственнымъ пониманіемъ, но письмомъ, въ которомъ даются мнѣ инструкціи. Вы меня понимаете, не правда ли? Вы, вѣдь, знаете, что не будь я связанъ этимъ письмомъ по рукамъ и по ногамъ, я бы съ величайшей радостью принялъ ваши условія?

— Ни слова больше! — отвѣтилъ Обенрейцеръ. — На вашемъ мѣстѣ я сдѣлалъ бы то же самое. Мой добрый другъ, я ничуть не обижаюсь. Благодарю васъ за вашу любезность. Но какъ бы то ни было, мы отправимся въ путь вмѣстѣ,—прибавилъ Обенрейцеръ.—Вы такъ же, какъ и я, уѣзжаете немедленно?

— Немедленно. Но сперва я долженъ, конечно, повидаться съ Маргаритой!

— Ну, несомнѣнно, несомнѣнно! Повидайтесь съ ней сегодня вечеромъ. Заходите и захватите меня съ собой по дорогѣ на вокзалъ. Вѣдь, мы вмѣстѣ ѣдемъ сегодня вечеромъ съ почтовымъ?

— Сегодня вечеромъ съ почтовымъ.

Вендэль подѣхалъ къ дому въ Соко-сквэрѣ гораздо позднѣе, чѣмъ мечталъ. Дѣловыя затрудненія, вызванныя его неожиданнымъ отъѣздомъ, встрѣчались цѣлыми десятками. Большая часть времени, которое онъ надѣялся посвятить Маргаритѣ, была безжалостно поглощена его дѣлами въ конторѣ, которыми было неммыслимо пренебречь.

Къ его удивленію и восхищенію Маргарита была одна въ гостиной, когда онъ вошелъ туда.

— Въ нашемъ распоряженіи всего только нѣсколько минутъ,

Джорджъ,—сказала она.—По мадамъ Доръ была такъ добра ко мнѣ, что мы можемъ пробыть эти нѣсколько минутъ вдвоемъ.— Она обвила его шею руками и шепнула ему быстро:—Не оскорбили ли вы чѣмъ-нибудь мистера Обенрейцера?

— Я?—воскликнуть изумленный Вендэль.

— Тшш!—произнесла она,—я хочу говорить шопотомъ. Вы знаете ту маленькую фотографію, которую я получила отъ васъ. Сегодня днемъ она случайно оказалась на каминной доскѣ. Онъ взялъ карточку въ руки и сталъ ее разсматривать—и я увидѣла въ зеркало его лицо. Я знаю, что вы оскорбили его. Онъ безпощаденъ, онъ мстителенъ, онъ скрытенъ, какъ могила. Не ѣздите съ нимъ, Джорджъ, не ѣздите съ нимъ!

— Моя любовь, — возразилъ Вендэль, — вы позволяете своему воображенію рисовать вамъ всякіе страхи! Обенрейцеръ и я, мы никогда не были лучшими друзьями, чѣмъ въ данный моментъ.

Прежде, чѣмъ можно было успѣть произнести хоть еще одно слово, внезапное движеніе какого-то тяжеловѣснаго тѣла привело въ сотрясеніе полъ сосѣдней комнаты. За сотрясеніемъ послѣдовало появленіе мадамъ Доръ.

— Обенрейцеръ!—воскликнула эта превосходная особа шопотомъ и немедленно грузно шлепнулась на свое мѣсто у печки.

Обенрейцеръ вошелъ съ сумкой курьера, перекинутой черезъ плечо.

— Вы готовы? — спросилъ онъ, обращаясь къ Вендэлю.—Не могу ли взять что-нибудь отъ васъ? У васъ нѣтъ дорожной сумки? А я запасся ею. Вотъ здѣсь отдѣленіе для бумагъ, готовое къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ Вендэль. — У меня съ собой только одна важная бумага, и объ этой бумагѣ я обязанъ позаботиться самъ. Вотъ она здѣсь,—прибавилъ онъ, дотронувшись до своего бокового кармана,—и здѣсь она должна лежать, пока мы не приѣдемъ въ Невшатель.

Когда онъ произносилъ эти слова, рука Маргариты схватила его руку и многозначительно пожала ее. Она смотрѣла на Обенрейцера. Прежде чѣмъ Вендэль могъ взглянуть на него въ свою очередь, Обенрейцеръ круго повернулся и сталъ прощаться съ мадамъ Доръ.

— Adieu, моя очаровательная племянница! — сказалъ онъ, обращаясь затѣмъ къ Маргаритѣ.

— En route, мой другъ, въ Невшатель!—Онъ слегка хлопнулъ Вендэля по боковому карману и пошелъ къ дверямъ.

Послѣдній взглядъ Вендэля былъ обращенъ на Маргариту. Послѣднія слова Маргариты, сказанныя ему, были: „Не ѣздите!“

ДѢЙСТВІЕ III.

Въ долинтѣ.

Была приблизительно половина февраля, когда Вендэль и Обенрейцеръ отправились въ свое путешествіе. Такъ какъ зима стояла суровая, то это время года было неблагоприятно для путешественниковъ; настолько неблагоприятно, что наши два путника, прибывъ въ Страсбургъ, нашли его большія гостиницы почти пустыми. И даже тѣ немногія лица, съ которыми они повстрѣчались въ этомъ городѣ, возвращались назадъ, не доѣхавъ до центра Швейцаріи, куда они направлялись по дѣламъ изъ Англии или Парижа.

Въ то время было почти или совершенно невозможно воспользоваться большинствомъ швейцарскихъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ теперь турпсты проѣзжаютъ съ достаточнымъ удобствомъ. Нѣкоторыя дороги еще не прокладывались; другія по большей части еще не были закончены. На тѣхъ дорогахъ, которыя были открыты, еще оставались большіе участки старой посейной дороги, гдѣ сообщеніе въ зимнее время года часто прерывалось; на другихъ были слабые пункты, гдѣ новымъ работамъ грозила еще опасность въ случаѣ или жестокаго мороза, или быстрой оттепели. Въ худшее время года нельзя было рассчитывать на пробѣгъ поѣздовъ по дорогамъ этого послѣдняго разряда, такъ какъ желѣзнодорожное движеніе было случайнымъ, въ зависимости отъ погоды, или же совершенно прекращалось въ теченіе тѣхъ мѣсяцевъ, которые считались наиболѣе опасными.

Въ Страсбургѣ ходило больше разныхъ розказней о трудностяхъ дальнѣйшаго пути, чѣмъ было самихъ путешественниковъ, чтобы ихъ розказывать. Многія изъ этихъ розказней были по обыкновенію крайне дики; но все же большинству наиболѣ скромныхъ по части чудесъ розказовъ придавалось нѣкоторое значеніе, благодаря тому неоспоримому обстоятельству, что путешественники возвращались назадъ. Тѣмъ не менѣ рѣшеніе Вендэля продолжать свое путешествіе было совершенно непоколебимо, такъ какъ дорога на Базель была открыта. Таково же было по необходимости рѣшеніе Обенрейцера, ибо онъ видѣлъ, что положеніе его безнадежно до крайности: онъ долженъ погибнуть или уничтожить ту улику, которую Вендэль везъ съ собой, хотя бы даже ему пришлось вмѣстѣ съ нею уничтожить самого Вендэля.

Каждый изъ двухъ товарищей по путешествію чувствовалъ къ другому далеко неодинаковыя чувства. Обенрейцеръ, на котораго кольцомъ надвигалась гибель, благодаря быстротѣ дѣйствій Вендэля, видѣлъ, что съ каждымъ часомъ кругъ суживается вслѣдствіе энергіи Вендэля, и ненавидѣлъ его со злобою хищнаго коварнаго

вѣрнѣе низшей породы. Онъ всегда инстинктивно чувствовалъ что-то въ душѣ противъ него; быть можетъ, изъ-за той старой розни, которая существуетъ между джентльмэномъ и крестьяниномъ; быть можетъ, изъ-за его открытаго характера; быть можетъ, изъ-за его болѣе честныхъ взглядовъ; быть можетъ, изъ-за того успѣха, который онъ имѣлъ у Маргариты; быть можетъ, изъ-за всѣхъ этихъ гримасъ, гдѣ двѣ послѣднихъ не были самыми маловажными. Но вромѣ того теперь онъ видѣлъ въ немъ охотника, который выслѣживалъ его. Съ другой стороны Вендэль, все время благородно борювшійся со своимъ первымъ смутнымъ недоувѣремъ къ Обенрейцеру, видѣлъ теперь себя обязаннымъ бороться съ этими чувствомъ съ большей, чѣмъ когда-либо, силой, напоминая себѣ: „Вѣдь онъ опекунъ Маргариты. Мы съ нимъ въ наилучшихъ дружескихъ отношеніяхъ: онъ ѣдетъ вмѣстѣ со мной по своему собственному побужденію и не можетъ преслѣдовать никакихъ корыстныхъ цѣлей въ этомъ мало привлекательномъ путешествіи, чтобы раздѣлять его со мной“. Къ этимъ доводамъ въ пользу Обенрейцера случай прибавилъ еще одно соображеніе, когда они прибыли въ Базель, послѣ путешествія, которое заняло вдвое больше времени, чѣмъ обычно на него требовалось.

Они поздно пообедали и сидѣли одни въ комнатѣ какой-то гостиницы, висящей надъ Рейномъ, въ этомъ мѣстѣ быстрымъ и глубокимъ, вздутымъ и шумнымъ. Вендэль растянулся на диванѣ, а Обенрейцеръ разгуливалъ взадъ и впередъ, то останавливаясь у окна и смотря на колеблющееся отраженіе городскихъ огней въ темной водѣ рѣки (и, быть можетъ, думая: „Еслибъ только я могъ швырнуть его туда!“), то, возобновляя свое расхаживаніе, устремивъ глаза въ полъ. „Гдѣ украду у него, если мнѣ удастся это сдѣлать? Гдѣ убью его, если мнѣ придется такъ поступить?“ Такъ шумѣла ему рѣка, когда онъ мѣрно расхаживалъ по комнатамъ, такъ шумѣла рѣка, такъ шумѣла рѣка...

Наконецъ, дума, тяготившая его, показалась ему столь несносной, что онъ остановился, рѣшивъ, что было бы хорошо, если бы его спутникъ заразился отъ него своей тяжелой думой.

— Сегодня Рейнъ шумитъ,—сказалъ онъ съ улыбкой,—какъ старый водопадъ у насъ дома. Тотъ водопадъ, который моя мать показывала путешественникамъ (я уже рассказывалъ вамъ объ этомъ). Шумъ его мѣнялся съ погодой, какъ это всегда бываетъ съ шумомъ всѣхъ падающихъ и текущихъ водъ. Когда я былъ ученикомъ у часового мастера, то вспоминалъ его, и иногда этотъ шумъ говорилъ мнѣ цѣлые дни: „Гдѣ ты, мой бѣдняжка? Гдѣ ты, мой бѣдняжка?“ Иногда же я вспоминалъ его шумъ, когда онъ бывалъ глухимъ, и буря налетала на переваль: „Бумъ, бумъ, бумъ. Бей его, бей его, бей его!“ Слово моя мать, когда она бывала въ бѣшенствѣ... если только она была моей матерью.

— Если она была?—сказалъ Вендэль, постепенно перемѣняя свое положеніе на сидячее.—Если она была? Почему вы говорите: „если“?

— Что я могу знать? — отвѣтилъ тотъ небрежно, вскинувъ руками и затѣмъ бессильно опустивъ ихъ.—Но чего же вы хотите? Я такого темнаго происхожденія, что какимъ же образомъ могу сказать что-нибудь опредѣленное? Я былъ очень молодъ, а всѣ прочіе члены нашей семьи были уже взрослыми мужчинами и женщинами, мои же, такъ называемые, родители были стары. Въ подобномъ случаѣ нѣкоторые предположенія вполне возможны.

— Вы сомнѣвались когда-либо?..

— Я уже однажды говорилъ вамъ, что сомнѣваюсь въ бракѣ этихъ двухъ лицъ,—отвѣтилъ онъ, снова вскинувъ руками, словно отшвыривалъ отъ себя какой-то бесполезный предметъ.—Но я сотворенъ. Я происхожу не изъ знатной фамиліи. Такъ какое же мнѣ дѣло до этого?

— Вы по крайней мѣрѣ швейцарецъ, — сказалъ Вендэль, слѣдя за нимъ взоромъ.

— Почему я знаю?—возразилъ тотъ отрывисто, останавливаясь и глядя на него черезъ плечо.—Я говорю вамъ, вы по крайней мѣрѣ англичанинъ. Какъ вы это знаете?

— Изъ того, что мнѣ говорили съ дѣтства.

— А! Я знаю о себѣ такимъ же путемъ.

— И по своимъ самымъ раннимъ воспоминаніямъ,—добавилъ Вендэль, слѣдя за мыслью, которую онъ не могъ отогнать отъ себя.

— Я также. Я знаю о себѣ такимъ же путемъ, если этотъ путь достаточенъ.

— Развѣ онъ васъ не удовлетворяетъ?

— Приходится имъ удовлетворяться. Въ этомъ маленькомъ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго слову: „приходится“. Приходится одно коротенькое слово, но оно сильнѣе всякихъ длинныхъ доказательствъ или разсужденій.

— И вы, и бѣдный Уайльдингъ родились въ одномъ и томъ же году. Вы были приблизительно ровесниками, — пропзнесъ Вендэль, снова задумчиво смотря на него въ то время, какъ тотъ опять принялся вышагивать взадъ и впередъ.

— Да почти совершенно.

Не могъ ли Обенрейцеръ быть потеряннымъ человѣкомъ? Благодаря невѣдомой связи между вещами, не было ли болѣе глубокаго смысла, чѣмъ онъ самъ думалъ, въ той теоріи относительно незначительности міра, которая такъ часто была у него на устахъ? Не потому ли рекомендательное письмо изъ Швейцаріи послѣдовало такъ быстро за тѣми свѣдѣніями, которыя были сообщены миссисъ Гольдстроу относительно ребенка, увезеннаго въ Швей-

царю, что онъ былъ этимъ ребенкомъ, ставшимъ взрослымъ? Въ мірѣ, гдѣ такъ много неизслѣдованныхъ причинъ, это могло быть. Случайность или непреложность—называйте это, какъ хотите,—которая привела къ возобновленію Вендэлемъ своего знакомства съ Обенрейцеромъ, знакомства, перешедшаго въ близость, и свела ихъ тутъ въ эту зимнюю ночь, была тоже не менѣе любопытный. Если все это разсматривать въ такомъ свѣтѣ, то казалось, словно они были связаны стремленіемъ къ какимъ-то непрерывнымъ и яснымъ цѣлямъ.

Зароившіяся мысли Вендэля поспѣли въ высь, а взоръ его задумчиво слѣдилъ за Обенрейцеромъ, рассказывавшимъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Рѣка же все время напѣвала одну и ту же пѣсенку: „Гдѣ украду у него, если удастся? Гдѣ убью его, если придется?“ Тайнѣ умершаго друга не угрожало опасности, что Вендэль проговорится; но все же онъ почувствовалъ въ болѣе слабой степени то же самое бремя истины, подъ тяжестью котораго погибъ его другъ, и обязанность слѣдовать за каждой путеводной нитью, хотя бы и непонятной. Онъ тотчасъ же спросилъ себя, хотѣлось-бы ему, чтобы этотъ человѣкъ оказался настоящимъ Уайльдингомъ? Нѣтъ. Хотя онъ и поборолъ, насколько могъ, свое недоверіе къ Обенрейцеру, но все же ему не хотѣлось найти такого замѣстителя своему покойному простодушному, болтливому и дѣтски-наивному компаньону. Онъ быстро спросилъ самого себя, хотѣлось ли бы ему, чтобы этотъ человѣкъ сталъ богатымъ? Нѣтъ. Онъ и такъ уже имѣлъ болѣе, чѣмъ достаточную власть надъ Маргаритой, а богатство могло бы еще болѣе увеличить его вліяніе. Будетъ ли ему пріятно, чтобы этотъ человѣкъ былъ опекуномъ Маргариты, когда окажется, что между нимъ и ею нѣтъ никакого родства, хотя бы даже очень смутнаго и отдаленнаго? Нѣтъ. Но всѣ эти соображенія не могли встать между нимъ и вѣрностью къ памяти усопшаго. Надо позаботиться, чтобы они промелькнули у него почти безслѣдно, лишь оставивъ въ немъ сознаніе, что они *только* промелькнули, а онъ преклонился передъ своей священной обязанностью исполнить свой долгъ. И онъ такъ твердо рѣшилъ это, что снова сталъ слѣдить яснымъ взоромъ за своимъ спутникомъ, который все еще рассказывалъ по комнатамъ. Могъ ли Вендэль предполагать, что тотъ не раздумываетъ съ грустью о своемъ происхожденіи на свѣтѣ, а замышляетъ насильственную смерть другому человѣку—и менѣе всего Вендэлю могло придти въ голову, о смерти каждаго человѣка тотъ думалъ.

Дорога, ведшая отъ Базеля къ Невшателю, оказалась лучшей, чѣмъ о ней говорили. Погода, стоявшая послѣдніе дни, улучшила ее. Въ этотъ вечеръ, когда стемнѣло, прибыли погонщики лошадей и муловъ и передавали, что на пути не приходится преодолевать никакихъ трудностей, кромѣ только испытанія терпѣнія, упряжи,

колеса, осей и кнутовъ. Сейчасъ же была подряжена карета и лошади, съ тѣмъ, чтобы она была подана завтра утромъ и можно было тронуться въ путь еще до разсвѣта.

— Вы на ночь запираете дверь на ключъ, когда путешествуете?—спросилъ Обенрейцеръ, стоя у камна въ комнатѣ Вендэля и грѣя свои руки передъ тѣмъ, какъ уйти къ себѣ.

— Нѣтъ, не запираю. Я сплю крѣпко.

— Вы такъ крѣпко спите?—спросилъ тотъ съ удивленнымъ взглядомъ.—Какое счастье!

— Для остальныхъ домочадцевъ все, что угодно, только не счастье,—отвѣтилъ Вендэль,—когда приходится стучать утромъ въ запертую дверь моей спальни.

— Я тоже,—сказалъ Обенрейцеръ,—оставляю дверь въ свою комнату открытой. Но позвольте мнѣ, какъ человѣку, который осведомленъ объ всемъ въ качествѣ уроженца Швейцаріи, посовѣтовать вамъ слѣдующее:—всегда, когда вы путешествуете по моей странѣ, кладите всѣ свои документы—а, конечно, и деньги—подъ подушку. Всегда въ это самое мѣсто.

— Вы не льстите своимъ соотечественникамъ, — засмѣялся Вендэль.

— Мнѣ кажется, что мои соотечественники,—сказалъ Обенрейцеръ, слегка прикоснувшись къ локтямъ своего друга въ видѣ пожеланія ему доброй ночи и благословенія на сонъ грядущій,—похожи на большинство людей. А большинство людей всегда возьметъ все, что можетъ. Adieu! Въ четыре утра.

— Adieu. Въ четыре.

Предоставленный самому себѣ, Вендэль сгрѣбъ полѣнья, засыпавъ ихъ бѣлой золой, лежавшей на подѣ очага, и усѣлся, чтобы собрать свои мысли. Но онъ все еще витали около послѣдней темы, а шумъ рѣки скорѣе способствовалъ ихъ возбужденію, чѣмъ успокоенію. Пока онъ сидѣлъ, погруженный въ раздумье, исчезло и то небольшое желаніе уснуть, какое у него было. Онъ чувствовалъ, что будетъ совершенно безцѣльно все-таки пытаться лечь и сидѣлъ одѣтый около камна. Маргарита, Уайльдингъ, Обенрейцеръ, дѣло, которымъ онъ былъ занятъ, тысяча надеждъ и сомнѣній, которыя совершенно не касались этого дѣла, все это сразу заняло его мысли. Казалось, имъ овладѣло все, кромѣ сна. Расположеніе къ нему совершенно исчезло.

Онъ просидѣлъ уже долго у камна, погруженный въ раздумье, когда догорѣла и потухла свѣча. Но это было не важно; было достаточно свѣтло и отъ пламени огня въ каминѣ. Онъ перемѣнилъ позу и, положивъ на спинку кресла руку и опершись на нее подбородкомъ, снова продолжалъ сидѣть и думать.

Но онъ сидѣлъ между каминомъ и кроватью, и когда пламя мерцало отъ движенія воздуха, то его собственная увеличенная тѣнь

дрожала на бѣлой стѣнѣ у изголовья постели. Его поза придавала тѣни такой видъ, словно надъ дожемъ склонилась какая-то плачущая и умоляющая фигура. Его глаза слѣдили за ней, пока ему не сдѣлалось жутко отъ непріятной мысли, что тѣнь походила на тѣнь Уайльдинга, но не на его собственную.

Стоить только немного перемѣнить свое мѣсто, и тѣнь исчезнетъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, и порожденіе его разстроеннаго воображенія исчезло. Онъ сѣлъ теперь въ тѣни небольшого выступа камина, и дверь въ комнату оказалась передъ нимъ.

На двери была длинная громоздкая желѣзная щеколда. Онъ увидѣлъ, что она стала медленно и безшумно подниматься. Дверь чуть-чуть пріоткрылась и снова закрылась, словно ее привелъ въ движеніе только токъ воздуха. Но Вендэль видѣлъ, что щеколда была приподнята изъ скобы.

Дверь снова стала очень медленно пріотворяться, пока не открылась настолько, чтобы пропустить кого-то. Послѣ этого она еще оставалась на мгновенье открытой, словно ее осторожно держали въ такомъ положеніи съ другой стороны. Затѣмъ показалась фигура человѣка, обернувшись лицомъ къ кровати, и остановилась неподвижно въ дверяхъ, пока не произнесла тихимъ полупотомомъ, сдѣлавъ въ то же время шагъ впередъ: „Вендэль!“

— Что такое?—отвѣтилъ тотъ, вскочивъ со своего мѣста, — кто тамъ?

Это былъ Обенрейцеръ. Онъ вскрикнулъ отъ удивленія, когда Вендэль выросъ передъ нимъ не съ той стороны, гдѣ можно было его ожидать.

— Не въ постели?—сказалъ онъ, схвативъ его за оба плеча съ инстинктивнымъ стремленіемъ вступить съ нимъ въ борьбу.— Тогда, значитъ, произошло что-нибудь дурное?

— Что вы хотите сказать?—спросилъ Вендэль, освобождаясь отъ его рукъ.

— Сперва скажите мнѣ: вы чувствуете себя плохо?

— Плохо? Нѣтъ.

— Мнѣ приснился дурной сонъ про васъ. Какимъ это образомъ я вижу васъ вставшимъ и одѣтымъ?

— Мой дружище, я могу точно такъ же спросить васъ, какимъ это образомъ я вижу *васъ* вставшимъ и раздѣтымъ.

— Я сказалъ вамъ почему. Я видѣлъ про васъ дурной сонъ. Я пытался успокоиться послѣ него, но былъ не въ силахъ. Я не могъ рѣшиться оставаться тамъ, гдѣ былъ, не узнавъ, что вы находитесь въ безопасности; и все-же не могъ рѣшиться войти къ вамъ. Я нѣсколько минутъ стоялъ въ нерѣшительности у двери. Такъ легко смѣяться надъ снами, который не вамъ снился. Гдѣ ваша свѣча?

— Догорѣла

— У меня есть цѣлая въ моей комнатѣ. Не принести ли ее?

— Принесите.

Его комната была расположена вблизи, и онъ пробылъ въ отсутствіи не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Вернувшись со свѣчей въ рукѣ, онъ всталъ на колѣни передъ каминомъ и зажегъ ее. Когда онъ раздувалъ для этого угли, то Вендэль, взглянувъ на него, увидѣлъ, что губы его были блѣдны и онъ съ трудомъ удерживалъ ихъ дрожаніе.

— Да, — сказалъ Обсирейцеръ, ставя зажженную свѣчу на столъ,—это былъ дурной сонъ. Только взгляните на меня!

Онъ былъ босой; его красная фланелевая рубашка была раскрыта на груди, а рукава ея были засучены выше локтей; остальную часть его одежды составляли только кальсоны, доходившіе ему до лодыжекъ и сидѣвшіе на немъ въ обтяжку. Во всей его фигурѣ проглядывала какая то гибкость и дикость, а глаза его были очень блестящи.

— Если бы пришлось бороться съ грабителемъ, какъ мнѣ снилось,—сказалъ Обенрейцеръ,—то вы видите, что я снялъ съ себя все лишнее для этого.

— А также и вооружились,—замѣтилъ Вендэль, взглянувъ на его поясъ.

— Дорожный кинжалъ, который я всегда ношу съ собой во время путешествій,—отвѣчалъ тотъ беззаботно, наполювину вытацивъ его изъ ноженъ лѣвой рукой и снова вложивъ его обратно. — Развѣ вы не возите при себѣ такихъ вещей?

— Ничего подобнаго.

— А пистолеты?—спросилъ Обенрейцеръ, бросивъ взглядъ на столъ, а затѣмъ отъ него на непомятую подушку.

— Ничего подобнаго.

— Вы, англичане, такъ довѣрчивы! Вамъ хочется спать?

— Мнѣ хотѣлось спать все это долго тянувшееся время, но я не могъ уснуть.

— Я тоже послѣ своего дурного сна. Мой каминъ потухъ, какъ и ваша свѣча. Нельзя ли мнѣ придти и посидѣть у вашего? Два часа? Такъ скоро будетъ четыре, что не стоитъ труда снова ложиться спать.

— Я теперь уже совершенно не буду пытаться спать,—сказалъ Вендэль,—садитесь здѣсь и составьте мнѣ компанію, милости прошу.

Уйдя къ себѣ, чтобы привести въ порядокъ свой костюмъ, Обенрейцеръ вскорѣ вернулся въ халатъ и туфляхъ. Затѣмъ они оба сѣли по сторонамъ каминна. Передъ этимъ Вендэль подбросилъ въ каминъ дровъ изъ корзины, стоящей въ комнатѣ, а Обенрейцеръ поставилъ на столъ фляжку и стаканчикъ къ ней.

— Боюсь, что это обыкновенная трактирная водка,—сказалъ

онъ, наливая,—купленная по дорогѣ и не похожая на вашу пзъ Угла Увѣчныхъ. По вашу мы осушили; тѣмъ хуже. Холодная ночь, холодное время ночи, холодная страна и холодный домъ. Она, можетъ быть, все-же лучше, чѣмъ ничего; попробуйте ее.

Вендель взялъ стаканчикъ и выпилъ.

— Ну, какъ вы ее находите?

— У нея непріятный привкусъ,—сказалъ Вендель, возвращая стаканъ и слегка передернувшись,—и она мнѣ не нравится.

— Вы правы,—сказалъ Обенрейцеръ, слегка отвѣдавъ и по-смаковавъ водку, у нея непріятный привкусъ и мнѣ она не нравится. Фу! Она жжетъ.

Онъ выплеснулъ то, что осталось въ стаканчикѣ, въ каминъ.

Оба они оперлись локтями о столъ, положили голову на руки и сидѣли, устремивъ взоръ на нылающія полѣнья. Обенрейцеръ оставался бдительнымъ и спокойнымъ, но Вендель, послѣ какихъ-то нервныхъ подергиваній и вздрагиваній, во время одного изъ которыхъ онъ вскочилъ на ноги и сталъ дико озираться по сторонамъ, впалъ въ какое-то чрезвычайно странное сонное состояніе. Онъ везъ съ собой бумаги въ кожаномъ бумажникѣ, или портфельчикѣ, лежавшемъ во внутреннемъ боковомъ карманѣ застегнутой на всѣ пуговицы дорожной куртки. И что бы ему ни снилось во время той летаргіи, которая овладѣла имъ, но что-то неотступно связанное съ этими бумагами выводило его изъ соннаго состоянія, хотя онъ и не могъ проснуться. Онъ заноздалъ ночью въ русскихъ стѣнахъ (какое-то смутно ему представлявшееся лицо назвало такъ это мѣсто) вмѣстѣ съ Маргаритой, и въ то же время чувствовалъ прикосновеніе къ своей груди чьей-то руки, осторожно прощупывавшей его портфельчикъ, когда онъ лежалъ у костра. Онъ потерялъ кораблекрушеніе и носился по морю въ простой лодкѣ; онъ потерялъ всю свою одежду и у него не было ничего другого, кромѣ стараго паруса, чтобы прикрыть свою наготу; и въ то-же время какая то неслышная рука, отыскивающая бумаги по всѣмъ другимъ наружнымъ карманамъ платья, которое на самомъ дѣлѣ было на немъ, и не находившая ихъ, побуждала его проснуться. Онъ находился въ старомъ подвалѣ въ Углу Увѣчныхъ, куда была перенесена та самая кровать, которая была и находилась въ этой именно комнатѣ, въ Базелѣ, и Уайльдингъ (не мертвый, какъ ему казалось, чему онъ даже не очень удивился) трясъ его и шепталъ: „Взгляни на этого человѣка! Развѣ ты не видишь, что онъ всталъ и роется подъ подушкой? Зачѣмъ ему рыться подъ подушкой, какъ не для того, чтобы найти тѣ бумаги, которыя ты спряталъ на своей груди? Проснись!“ Но все же онъ спалъ и надъ нимъ виталъ рой новыхъ сновидѣній.

Спокойно сидѣлъ его спутникъ съ локтями на столѣ, положивъ голову на руки и, наконецъ, сказалъ:

— Вендэль! Насъ зовутъ. Пятый часъ!

Тогда, открывъ глаза, онъ увидаль обращенное въ его сторону лицо Обенрейцера, съ затаянными пеленой глазами.

— Вы спали тяжелымъ сномъ, — сказалъ тотъ. — Усталость отъ продолжительнаго путешествія и холодъ!

— Я теперь совершенно проснулся, — воскликнулъ Вендэль, вскочивъ съ своего мѣста, но стоя еще не твердо на ногахъ. — А вы совершенно не спали?

— Быть можетъ я дремалъ, но мнѣ кажется, что я все время смотрѣлъ на огонь. Но такъ или иначе, мы должны умыться, закутить и трогаться въ путь. Пятый часъ, Вендэль, пятый часъ!

Это было сказано такимъ тономъ, чтобы разбудить его, потому что Вендэль уже снова почти заснулъ. Во время приготовленій къ путешествію, а также и во время завтрака, онъ и на самомъ дѣлѣ часто засыпалъ, двигаясь совершенно машинально. Пока не окончился этотъ холодный, пасмурный день, у Вендэля не оставалось никакого отчетливаго воспоминанія о дорогѣ, кромѣ только звенящихъ колокольчиковъ, отвратительной погоды, скользящихъ лошадей, хмурыхъ склоновъ холмовъ, мрачныхъ лѣсовъ и остановки у какого-то придорожнаго постоялаго двора, гдѣ имъ пришлось пройти черезъ коровникъ, чтобы попасть въ комнату для путешественниковъ. Онъ мало въ чемъ отдавалъ себѣ отчетъ, кромѣ только того, что Обенрейцеръ весь день сидѣлъ задумчиво на своемъ мѣстѣ и слѣдилъ за нимъ пытливымъ взоромъ.

Но когда онъ страхнулъ съ себя свое оцѣпенѣніе, рядомъ съ нимъ уже не было Обенрейцера. Карета стояла и лошадей кормили уже у другого придорожнаго постоялаго двора, около котораго также остановилась для отдыха цѣлая вереница длинныхъ узкихъ фургоновъ, нагруженныхъ бочками съ виномъ и запряженныхъ лошадьми въ синихъ хомутахъ, съ украшенными головами. Транспортъ прибылъ оттуда, куда направлялись наши путешественники, и Обенрейцеръ (теперь уже не задумчивый, а веселый и живой) бесѣдовалъ съ переднимъ возницей. Когда Вендэль, быстро пробѣжавшись взадъ и впередъ по живительному воздуху, расправилъ свои члены, заставилъ скорѣе обращаться свою кровь и страхнулъ съ себя остатки летаргіи, вереница фургоновъ тронулась: всѣ возницы кланялись Обенрейцеру, проходя мимо него.

— Кто это?—спросилъ Вендэль.

— Это наши возчики—Дефренъ и Компаніи,—отвѣчалъ Обенрейцеръ.—Это наши бочки съ виномъ.

Онъ сталъ напѣвать что-то и закурилъ сигару.

— Я былъ чрезвычайно скучнымъ спутникомъ сегодня,—сказалъ Вендэль.—Я не знаю, что это было со мной.

— Вы не спали ночью, а въ такой холодъ у тѣхъ, кто не привыкъ, часто случается нѣчто въ родѣ прилива крови въ мозгъ,—

сказалъ Обсрейцеръ. — Я часто наблюдалъ это. Но въ концѣ концовъ мы, повидимому, совершили наше путешествіе совершенно напрасно.

— Почему напрасно?

— Глава фирмы въ Миланѣ. Вы знаете, у насъ виноторговля въ Невшателѣ и торговля шелкомъ въ Миланѣ. Ну, и вотъ, случилось такъ, что шелкъ внезапно породилъ рядъ болѣе неотложныхъ дѣлъ, чѣмъ вино, и Дефренъ былъ вызванъ въ Миланъ. Ролланъ, второй компаньонъ, заболѣлъ со времени его отъѣзда, и доктора не позволили ему ни съ кѣмъ видаться. Вамъ оставлено въ Невшателѣ письмо, которое увѣдомитъ васъ объ этомъ. Я имѣю эти свѣдѣнія отъ нашего главнаго возчика, съ которымъ, какъ вы видѣли, я разговаривалъ. Онъ былъ удивленъ, увидѣвъ меня, и сказалъ, что долженъ вамъ это передать, если васъ встрѣтитъ. Что же вы предпримете? Поѣдете назадъ?

— Поѣду впередъ,—сказалъ Вендэль.

— Впередъ?

— Впередъ! Да. Черезъ Альпы въ Миланъ!

Обсрейцеръ прекратилъ свое куреніе, чтобы взглянуть на Вендэля, и затѣмъ снова сталъ медленно курить, посмотрѣлъ вверхъ по дорогѣ, посмотрѣлъ внизъ по дорогѣ, посмотрѣлъ внизъ на дорожные камни подъ своими ногами.

— Мнѣ поручено очень серьезное дѣло,—сказалъ Вендэль. — Еще нѣсколько такихъ пропавшихъ бланковъ могутъ быть использованы для подобной же скверной цѣли или даже худшей; меня просили, не теряя времени, помочь фирмѣ поймать вора; и ничто не заставитъ меня вернуться обратно.

— Ну?—воскликнулъ Обсрейцеръ, вынувъ изо рта свою сигару, чтобы улыбнуться и протянулъ руку своему спутнику по путешествію.—Тогда ничто не заставитъ и меня вернуться обратно. Эй, кучеръ! Кончайте! Поторашивайтесь! Мы ѣдемъ дальше!

Они провели въ пути всю ночь. Шелъ снѣгъ, а мѣстами была оттепель, и они въ большинствѣ случаевъ ѣхали шагомъ, почти все время останавливаясь, чтобы дать перевести духъ забрызганнымъ грязью и выбившимся изъ силъ лошадямъ. Спусти часъ послѣ восхода солнца, они остановили лошадей у дверей гостиницы въ Невшателѣ, потративъ около двадцати восьми часовъ, чтобы преодолѣть какихъ-нибудь восемьдесятъ англійскихъ миль.

Поспѣшно передѣввшись и подкрѣпившись, они отправились вмѣстѣ въ Торговый Домъ Дефренъ и К°. Тамъ они нашли письмо, о которомъ говорилъ имъ возчикъ вина, со вложеніемъ образчиковъ и сличеній почерка, необходимыхъ для изобличенія поддѣльвателя. Такъ какъ Вендэлемъ уже было принято рѣшеніе безостановочно снѣшить дальше, то ихъ задерживалъ только вопросъ о томъ, черезъ какой перевалъ они могли бы пе-

рейти Альпы? Относительно состоянія двухъ переваловъ—С. Готардскаго и Симилонскаго проводники и погонщики муловъ очень расходились въ мнѣніяхъ. Къ тому же оба перевала были еще довольно далеко, чтобы можно было предупредить путешественниковъ на основаніи какихъ бы то ни было послѣднихъ извѣстій. Но кромѣ того, они хорошо знали, что снѣжный обвалъ могъ въ одинъ часъ совершенно измѣнить весь путь. Все же, въ общемъ, Симилонъ, казалось, былъ болѣе надежнымъ путемъ; Вендэль рѣшилъ выбрать это направленіе. Обенрейцеръ мало или совершенно не принималъ участія въ разговорѣ и едва произнесъ нѣсколько словъ.

Они направлялись въ Женеву, въ Лозанну, вдоль низменнаго берега озера въ Вевэ, оттуда въ извивающуюся спирально долину, окруженную горными вершинами и, наконецъ, достигли долины Роны. Шумъ колесъ кареты, стучавшихъ и день, и ночь, сдѣлался для нихъ какъ бы шумомъ колесъ большихъ часовъ, отбивавшихъ время. Путешествіе не разнообразилось переменъ погоды послѣ того, какъ установился продолжительный морозъ. На фонѣ пасмурнаго желтаго неба передъ ними вырисовывались Альпійскія горныя цѣпи; путники видѣли на болѣе близкихъ и низкихъ вершинахъ холмовъ и на ихъ склонахъ довольно много снѣга, который отбѣлялъ, въ силу контраста, мрачную прозрачность озера, потокъ и водонадъ. Отъ снѣжной бѣлизны деревни казались безцвѣтными и грязными. Но снѣга больше не падало и на дорогѣ не было большихъ снѣжныхъ сугробовъ. Довольно плотная бѣлая туманная мгла, висѣвшая надъ долиной и осѣдавшая на волосахъ и платьѣ путниковъ въ видѣ ледяныхъ иглъ, вносила единственное разнообразіе въ окружающую картину. И дни, и ночи напролетъ раздавался стукъ колесъ. И все время они стучали, и одному изъ путешественниковъ слышался иной напѣвъ, отлпчавшійся отъ напѣва Рейна: „Случай украсть у него живого унущенъ, и я долженъ убить его“.

Они прибыли, наконецъ, въ маленькій бѣдный городокъ Бригъ и подножья Симилона. Они прибыли туда когда стемнѣло, но все же могли замѣтить, какъ ничтожны кажутся творенья людей и сами люди передъ горными громадами, нависшими надъ ними. Здѣсь они должны были остаться на ночлегъ и здѣсь было тепло отъ огня и лампы, отъ обѣда и вина и отъ громкой послѣ этого бесѣды съ проводниками и погонщиками. За послѣдніе четыре дня еще ни одно человѣческое существо не проходило черезъ переваль. Снѣгъ, лежащій выше снѣговой линіи, былъ слишкомъ мягокъ для колеснаго экипажа и не довольно еще твердъ для саней. Небо было затянуто тучами, предвѣщавшими снѣгъ. Онъ собирался идти всѣ эти дни, и то, что его еще до сихъ поръ не было, считалось просто чудомъ, и всѣ были увѣрены, что онъ не-

премѣнно долженъ будетъ пойти. Никакой экипажъ не могъ проѣхать. Можно было попытаться переѣхать на мулахъ или попробовать перейти горы пѣшкомъ; но въ обоихъ случаяхъ лучшимъ проводникамъ приходилось давать особую возвышенную плату за чрезвычайный рискъ, при чемъ плата бралась все равно, удастся ли имъ перевести черезъ переваль обоихъ путешественниковъ или придется повернуть назадъ и доставить ихъ обратно во избѣжаніе опасности.

Въ этомъ обсужденіи положенія вещей Обенрейцеръ не принималъ никакого участія. Онъ молчаливо сидѣлъ у огня и курилъ, пока комната не опустѣла, и Вендэль не обратился къ нему.

— Ба! Мнѣ наскучили эти бѣдные парни и ихъ торгъ,—сказалъ онъ въ отвѣтъ.—Все одна и та же исторія. Это исторія о томъ, какъ они торгуются сегодня и какъ они торговались, когда я былъ оборваннымъ мальчишкой. Что надо вамъ и мнѣ? Намъ надо по дорожному ранцу и по альпенштоку. Намъ не нуженъ проводникъ, мы могли быть его проводниками, а не онъ нашимъ. Мы оставимъ здѣсь наши саки и перейдемъ вдвоемъ съ вами горы. Вѣдь, мы уже и раньше бывали вмѣстѣ съ вами въ горахъ, а я природный горецъ и знаю этотъ переваль.—Переваль!—скорѣе большая дорога!—знаю, говорю, его наизусть. Мы оставимъ этихъ жалкихъ бѣдныхъ парней торговаться съ другими; но они не должны насъ задерживать подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ надо заработать себѣ денегъ. Вѣдь, этого-то они только и добиваются.

Вендэль, довольный, что ему не придется вступать въ споръ и что узелъ такъ легко разрубается, и въ то же время дѣятельный, любящій приключенія, склонный идти впередъ и, именно, въ слѣдствіе всего этого вполне согласный на сдѣланное ему предложеніе, охотно принялъ его. Въ два часа они закупили все, что имъ было нужно для экспедиціи, унаковали свои дорожные ранцы и улеглись спать.

На разсвѣтѣ они нашли почти половину жителей городка, собравшихся на узкой улицѣ, чтобы посмотрѣть, какъ они отправляются въ путь. Люди толковали другъ съ другомъ, собравшись группами; проводники и погонщики шептались въ сторонѣ и поглядывали вверхъ на небо; никто не пожелалъ имъ добраго пути.

Когда они начали подниматься, лучъ солнца засіялъ изъ-за тучъ, хотя, впрочемъ, небо было по-прежнему затянуто ими, и на мгновеніе оловянные шпицы городскихъ домовъ заблестѣли, какъ серебранные.

— Хорошее предзнаменованіе!—сказалъ Вендэль (хотя оно исчезло во время его словъ).—Быть можетъ, нашъ примѣръ откроетъ переваль съ этой стороны.

— Итъ, за нами не пойдутъ,—возразилъ Обенрейцеръ, взглянувъ вверхъ на небо и оглянувшись затѣмъ на долину.—Мы будемъ тамъ одни.

ВЪ ГОРАХЪ.

Дорога была довольно хороша для сильныхъ пѣшеходовъ, и воздухъ дѣлался все чище и все легче имъ дышалось по мѣрѣ того, какъ они оба поднимались. Но все небо было затянато попрежнему, какъ оно было затянато всѣ эти дни. Слухъ былъ смущенъ не мѣнѣе зрѣнія такимъ продолжительнымъ ожиданіемъ какой-то перемены, которая, казалось, нависла въ воздухѣ. Тишина была такъ же тягостна, какъ и нависшія тучи, или, вѣрнѣе, туча, такъ какъ казалось, что во всемъ небѣ всего только одна туча, затянувшая собою весь небесный сводъ.

Хотя свѣтъ не пробивался черезъ эту мрачную пелену, однако, воздухъ былъ очень прозраченъ и чистъ. Позади нихъ внизу въ долину Роны можно было прослѣдить теченіе рѣки во всѣхъ ея безчисленныхъ извилахъ, страшно мрачной и торжественно печальной въ своемъ однотонномъ свинцовомъ оттѣнкѣ и лишенной всѣхъ другихъ цвѣтовъ. Далеко впереди и высоко надъ путешественниками нависли ледники и обвалы, готовые низвергнуться на тѣ мѣста, гдѣ имъ нужно будетъ сейчасъ проходить; глубоко внизу подъ ними съ правой стороны чернѣла пропасть и ревѣлъ потокъ; страшныя горы вырастали во всѣхъ направленіяхъ. Величественный ландшафтъ, не оживляемый ни пятнами перебѣгающаго свѣта, ни одинокимъ солнечнымъ лучомъ, былъ, однако, чрезвычайно рѣзокъ въ своей дикости. Сердца двухъ одинокихъ людей могли бы немного сжаться отъ жуткаго чувства, если бы они прокладывали себѣ дорогу на протяженіи десятковъ миль и часовъ среди цѣлаго легіона молчаливыхъ и неподвижныхъ людей—такихъ же людей, какъ они сами—пристально смотрящихъ на нихъ съ нахмуреннымъ челомъ. Но насколько же больше должны они сжаться передъ легіономъ могущественнѣйшихъ твореній Природы и передъ мрачностью, которая можетъ черезъ одно мгновеніе превратиться въ ярость!

По мѣрѣ того, какъ они поднимались, дорога становилась постепенно все болѣе неудобной и трудной. Но бодрость духа Вендэля увеличивалась вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они восходили все выше и выше, оставляя за собой все больше пройденнаго пространства. Обенрейцеръ говорилъ мало и шелъ впередъ къ какой-то определенной имъ цѣли. Оба они вполне подходили къ этой экспедиціи въ отношеніи ловкости и неутомимости. Все то, что природный горецъ читалъ въ различныхъ примѣтахъ погоды и что было скрыто для другого, онъ держалъ про себя.

— Перейдемъ ли мы черезъ переваль сегодня? — спросилъ Вендэль.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ его спутникъ. — Вы видите, что здѣсь снѣгъ лежитъ гораздо болѣе толстымъ слоемъ, чѣмъ онъ лежитъ на поль-лиги *) ниже. Чѣмъ выше мы будемъ подниматься, тѣмъ глубже будетъ снѣгъ. Даже сейчасъ мы скорѣе бредемъ, чѣмъ идемъ. А дни такъ коротки! Будетъ хорошо, если мы поднимемся до высоты пятаго Убѣжища и переночуемъ сегодня въ Странно-принимномъ домѣ.

— А нѣтъ опасности, что погода разыграется ночью, — спросилъ тревожно Вендэль, — и насъ замететъ снѣгомъ?

— Вокругъ насъ достаточно опасностей, — сказалъ Обенрейцеръ, бросивъ тревожный взглядъ впередъ и посмотрѣвъ вверху, — для того, чтобы молчаніе стало лучшей нашей политикой. Вы слышали о Гантеровскомъ мостѣ?

— Я переѣзжалъ черезъ него однажды.

— Лѣтомъ?

— Да, въ сезонъ путешествій.

— Да, но это совершенно другое дѣло въ такой сезонъ, — произнесъ Обенрейцеръ съ презрительной улыбкой, какъ будто онъ былъ не въ духѣ. — Вы, господа праздные путешественники, не очень много знаете относительно того времени года и того положенія вещей, которое существуетъ сейчасъ на Альпійскомъ перевалѣ.

— Вы мой проводникъ, — сказалъ Вендэль въ очень хорошемъ расположеніи духа. — Я вамъ довѣряю.

— Я вашъ проводникъ, — сказалъ Обенрейцеръ, — и я буду сопровождать васъ до конца вашего путешествія. Вотъ мостъ передъ нами.

Они повернули въ пустынную и угрюмую лоцину, гдѣ лежалъ глубокой снѣгъ подъ ними, надъ ними, со всѣхъ сторонъ. Произнося эти слова, Обенрейцеръ остановился, указывая на мостъ, и взглянулъ на Вендэля съ какимъ-то очень страннымъ выраженіемъ на своемъ лицѣ.

— Если бы я, какъ проводникъ, послалъ васъ туда впередъ и подстрекнулъ крикнуть раза два, то вы могли бы обрушить на себя тонны, тонны и тонны снѣга, который не только бы убилъ васъ на мѣстѣ, но одновременно и похоронилъ бы на страшной глубинѣ.

— Безъ сомнѣнія, — сказалъ Вендэль.

— Безъ сомнѣнія. Но я, какъ проводникъ, вовсе не это долженъ дѣлать. Итакъ, проходите молча. Иначе, если мы пойдемъ такъ, какъ мы сейчасъ идемъ, то по нашей неосторожности снѣгъ можетъ рухнуть и завалитъ собой еще и *меня*. Идемте впередъ!

На мосту было громадное скопленіе снѣга, и такія огромныя

---

*) Лига = 3 географическихъ мили.

массы его нависли надъ нашими путниками съ выдавшихся впередъ скалы, что они словно прокладывали себѣ путь черезъ грозное небо, покрытое бѣлыми облаками. Обенрейцеръ осторожно шелъ впереди, искусно пользуясь своимъ альпенштокомъ, чтобы прощупывать дорогу, и посматривалъ наверхъ, поднявъ плечи, какъ будто бы противясь даже простой мысли о паденіи снѣга съ высоты. Вендэль непосредственно слѣдовалъ за нимъ. Они были уже на серединѣ своего опаснаго пути, какъ вдругъ произошелъ мощный обвалъ, за которымъ послѣдовалъ какъ бы ударъ грома, Обенрейцеръ зажалъ рукой Вендэлю ротъ и указалъ на пройденное ими пространство. Видъ его совершенно измѣнился въ одинъ мигъ. Черезъ него прокатилась лавина и низринулась въ потокъ, бѣжавшій внизу на двѣ пучины.

Появленіе ихъ въ уединенной гостиницѣ, расположенной неподалеку за этимъ страшнымъ мостомъ, чрезвычайно изумило людей, заключенныхъ безвыходно въ домѣ.

— Мы остановимся только передохнуть, — сказалъ Обенрейцеръ, стравивая у очага снѣгъ со своей одежды. — У этого джентльмена очень спѣшное дѣло, которое заставляетъ его идти черезъ перевалъ; скажите имъ объ этомъ, Вендэль.

— Безусловно вѣрно, у меня очень спѣшное дѣло. Я долженъ перейти черезъ горы.

— Слышите, всѣ вы. У моего друга очень спѣшное дѣло, которое заставляетъ его идти, и мы не нуждаемся ни въ совѣтѣ, ни въ помощи. Я такой же хорошій проводникъ, мои земляки, какъ и любой изъ васъ. Теперь дайте намъ чего-нибудь пить и ѣсть.

Совершенно то же самое и почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ сообщилъ Обенрейцеръ изумленной толпѣ въ Страннопримномъ домѣ, глазѣвшей на нихъ, когда они, съ наступленіемъ темноты, побороли чрезвычайно увеличившіяся трудности пути и достигли, наконецъ, мѣста, предназначеннаго ими для ночлега и снимали теперь у очага свои мокрые башмаки и отряхали снѣгъ съ одежды.

— Хорошо столкнуться сразу другъ съ другомъ, мои друзья. У этого джентльмена.

— ... очень спѣшное дѣло, — сказалъ Вендэль, быстро договаривая за него съ улыбкой, — которое побуждаетъ меня неотложно перейти черезъ горы. Непремѣнно нужно перейти.

— Вы слышите?.. У него очень спѣшное дѣло, которое заставляетъ его перейти черезъ горы. Непремѣнно нужно перейти. Намъ не надо ни совѣта, ни помощи. Я природный горецъ и иду въ качествѣ проводника. Не надоѣдайте намъ разспросами объ этомъ, но дайте намъ поужинать, выпить вина и лечь въ кровать.

Въ теченіе всей очень холодной ночи та же зловѣщая тишина. Опять на разсвѣтѣ солнце не окрашиваетъ снѣга въ золото и багря-

нецъ; тотъ же неподвижный воздухъ; то же монотонное пасмурное небо.

— Путники,—окликнулъ ихъ дружелюбный голосъ изъ дверей, когда они уже готовились къ походу, съ ранцами на спинѣ и альпенштоками въ рукахъ, какъ накануне, — помните, что на опасномъ пути, предстоящемъ вамъ, есть нить убѣжищъ, расположенныхъ близко другъ отъ друга; на дорогѣ стоитъ деревянный крестъ, а за нимъ слѣдующій Страннопримный домъ. Не сбейтесь съ пути. Если начнется „Tourmente“ (вьюга), то немедленно спускайтесь въ убѣжище!

— Таково ужъ ремесло этихъ бѣдныхъ парней! — сказалъ Оберейцъ своему другу и презрительно махнулъ рукой назадъ по направленію голоса.—Какъ они лѣзутъ къ своимъ заработкамъ! Вы, англичане, говорите, что мы, швейцарцы, жадны къ наживѣ. Право, это похоже на правду!

Они разложили по своимъ двумъ ранцамъ тѣ припасы, которыми могли запастись въ это утро; эта предосторожность казалась имъ не лишней. Оберейцъ понесъ вино, какъ свою долю ноши; Вендэль—хлѣбъ, мясо, сыръ и фляжку съ водкой.

Они уже нѣсколько времени съ трудомъ подвигались впередъ все выше и выше по снѣгу, который доходилъ имъ теперь до колѣнъ на дорогѣ и былъ неизвѣстно какой глубины по сторонамъ ея—и еще прокладывали себѣ путь, съ большимъ трудомъ поднимаясь все впередъ и выше, черезъ наиболѣе страшную часть этой ужасной пустыни, когда началъ идти снѣгъ. Сначала закружились медленно и спокойно всего только нѣсколько хлопьевъ снѣга. Но спустя немного времени, снѣгъ сталъ идти гораздо сильнѣе и внезапно началъ крутиться спиралями безъ всякой видимой причины. Сейчасъ же вслѣдъ за этой перемѣной на нашихъ путешественниковъ налетѣлъ съ ревомъ порывъ ледяного вѣтра. Теперь всѣ звуки и силы, связанные до этихъ поръ, сразу получили свободу.

Одна изъ тѣхъ мрачныхъ галлерей, черезъ которыя проведена дорога въ этомъ опасномъ мѣстѣ—пещера, расширенная сводами страшной мощности,—была неподалеку. Едва они съ трудомъ пробивались къ ней, какъ буря забушевала со всюю яростью. Завываніе вѣтра, шумъ бѣгущей воды, грохотанье падающихъ внизъ массъ снѣга и осколковъ скалъ, страшные голоса, которые, казалось, внезапно стали раздаваться не только изъ глотки этого ущелья, но изъ всѣхъ ущелій цѣлаго чудовищнаго горнаго хребта, тьма, словно ночью, яростное круженіе снѣжныхъ хлопьевъ, которые дробились и превращались въ пѣну, ослѣпляющую ихъ, безуміе всѣхъ стихій, ненасытно жаждущихъ разрушенія, мгновенный переходъ отъ бѣшеннаго ярости къ неестественному спокойствію и отъ вихря потрясающихъ душу звуковъ къ полной тишинѣ,—все это могло заставить оледенѣть кровь людей, находя-

щихся на краю глубокой пропасти, хотя свирѣпый вѣтеръ и безъ того леденилъ кровь, ставъ буквально плотнымъ отъ льдинокъ и снѣга.

Обенрейцеръ, безостановочно расхаживавшій взадъ и впередъ по галлерей, сдѣлалъ знакъ Вендэлю помочь ему отстегнуть пряжки своего ранца. Они могли видѣть другъ друга, но одинъ не могъ слышать словъ другого. Вендэль повиновался, и Обенрейцеръ досталъ бутылку вина и, наливъ немного, предложилъ Вендэлю выпить его, а не водки, чтобы согрѣться. Вендэль снова повиновался, Обенрейцеръ, повидимому, выпилъ тоже послѣ него, а затѣмъ оба они стали расхаживать взадъ и впередъ бокомъ о бокомъ; оба хорошо знали, что отдыхъ или сонъ равносильны смерти.

Снѣгъ сталъ медленно засыпать галлерей у верхняго ея конца, черезъ который они должны были выходить изъ нея, если имъ вообще суждено было выйти, такъ какъ еще большія опасности предстояли имъ на пути, чѣмъ раньше. Скоро снѣгъ началъ заваливать своды пещеры. Часъ спустя, снѣгъ лежалъ уже на такой высотѣ, что въ галлерей стало вдвое меньше снова появившагося дневного свѣта. Но теперь снѣгъ крѣпко замерзалъ по мѣрѣ своего паденія и поэтому можно было пролѣзть черезъ него или по нему.

Ярость горной бури постепенно уступила свое мѣсто снѣгу, который неизмѣнно падалъ и падалъ. Временами вѣтеръ еще бушевалъ, но лишь порывами, и когда онъ затихалъ, снѣгъ падалъ тяжелыми хлопьями.

Они пробыли, вѣроятно, часа два въ своей ужасной темницѣ, когда Обенрейцеръ, то прокапываясь сквозь снѣжную стѣну, то ползя по ней, опустивъ внизъ голову и касаясь спиной свода, проложилъ себѣ дорогу изъ галлерей. Вендэль непосредственно слѣдовалъ за нимъ, но слѣдовалъ безъ всякаго яснаго пониманія или соображенія. Базельская летаргя снова охватила его и овладѣла его чувствами.

Какъ далеко слѣдовалъ онъ за Обенрейцеромъ, выйдя изъ галлерей или съ какими препятствіями пришлось ему еще бороться, онъ не зналъ. Онъ очнулся отъ сознанія того, что Обенрейцеръ бросился на него и что они стали отчаянно бороться въ снѣгу. Онъ очнулся, вспомнивъ, что было на поясѣ у его противника. Онъ ощупалъ это, вытаскилъ, ударилъ имъ, снова сталъ бороться, еще разъ ударилъ, сбросилъ противника съ себя и очутился лицомъ къ лицу съ нимъ.

— Я обѣщаль быть вашимъ проводникомъ до конца вашего пути, — сказалъ Обенрейцеръ, и я сдержалъ свое обѣщаніе. Путь вашей жизни оканчивается здѣсь. Ничто не можетъ предать его. Вы спите стоя!

— Ты негоды! Что ты сдѣлалъ со мной?

— Ты дуракъ. Я подмѣшалъ тебѣ снотворнаго. Ты дважды дуракъ, потому что я уже разъ подсыпалъ тебѣ его передъ нашимъ путешествіемъ, чтобы испытать тебя. Ты трижды дуракъ, такъ какъ я воръ и поддѣлыватель и черезъ нѣсколько мгновеній возьму съ твоего безчувственнаго тѣла доказательство того, что я воръ и мошенникъ.

Попавшійся въ ловушку человекъ пытался стряхнуть съ себя оцѣпенѣніе, но его роковая власть надъ нимъ была такъ сильна, что онъ, даже и услышавъ эти слова, все же бессмысленно удивлялся, кто изъ нихъ раненъ и чью это онъ видѣлъ кровь, которой былъ забрызганъ снѣгъ.

— Что я сдѣлалъ тебѣ,—спросилъ онъ съ трудомъ и неясно,— что ты сталъ... такимъ подлымъ убійцей?

— Сдѣлалъ мнѣ? Ты уже погубилъ меня хотя бы тѣмъ, что дошелъ до конца своего пути. Твоя проклятая неугомонность встала между мной и тѣмъ временемъ, въ которое, какъ я рассчитывалъ, мнѣ удалось бы вернуть обратно деньги. Что ты мнѣ сдѣлалъ? Ты вставалъ у меня на пути—не разъ, не два, но постоянно, постоянно, постоянно. Пробовалъ ли я съ самаго начала избавиться отъ тебя или нѣтъ? Отъ тебя нельзя было избавиться. Поэтому-то ты и умираешь здѣсь.

Вендэль пытался связно мыслить, пытался связно говорить, пытался поднять съ земли альпенштокъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, который онъ выпустилъ изъ рукъ; но, не будучи въ силахъ достать до него, онъ пытался удержаться на колеблющихся ногахъ безъ его помощи. Все напрасно, все напрасно! Онъ оступился и тяжело упалъ впередъ на край бездны.

Почти засыпая, съ угасающимъ сознаниемъ, не будучи въ силахъ подняться на ноги, съ какимъ-то туманомъ передъ глазами, съ притупленнымъ чувствомъ слуха, онъ сдѣлалъ такое отчаянное усиліе, что, опершись на руки, могъ видѣть своего врага, стоявшаго спокойно надъ нимъ, и слышать, что онъ говорилъ ему.

— Ты называешь меня убійцей, — сказалъ Обенрейцеръ съ ужаснымъ смѣхомъ.—До такого названія мнѣ очень мало дѣла. Но, вѣдь, въ концѣ концовъ, я ставилъ свою жизнь противъ твоей, такъ какъ я окруженъ опасностями и, быть можетъ, никогда не выйду отсюда живымъ. Вьюга снова поднимается. Снѣжные вихри уже закружились. Теперь я долженъ получить бумаги. Моя жизнь зависитъ отъ каждой минуты.

— Стой!—закричалъ Вендэль страшнымъ голосомъ и сталъ подниматься, качаясь, на ноги, собравъ свои силы съ послѣднимъ проблескомъ энергіи, еще таившейся въ немъ, и сжалъ своими обѣими руками воровскія руки, дотронувшіяся до его груди.— Стой! Прочь отъ меня! Благослови, Боже, мою Маргариту! Къ счастью, она никогда не узнаетъ, какъ я умеръ. Отойди отъ меня

и дай мнѣ взглянуть въ твое преступное лицо. Пусть оно напомнитъ мнѣ... что-то... чего я не успѣлъ сказать.

Видя, какъ онъ борется съ такимъ трудомъ со своими мыслями, и не зная, не обладаетъ ли онъ, быть можетъ, сейчасъ силой дюжины людей, его противникъ не двигался. Безумно смотря на него сверкающимъ взоромъ, Вендэль, запынаясь, произнесъ слѣдующія безсвязныя слова:

— Не будетъ... довѣріе... умершаго...обмануто мною... принявшіеся за родителей... неправильно унаслѣдованное имущество... подумайте объ этомъ.

Когда его голова склонилась на грудь и онъ снова опустился на краю пропасти, какъ раньше, воровскія руки еще разъ направились торопливо и азабоченно къ его груди. Онъ сдѣлалъ конвульсивную попытку вскрикнуть: „Нѣтъ!“; въ отчаяніи перевернулся и скатился въ бездну, ускользнувъ отъ вражескаго прикосновенія, подобно привидѣнію въ кошмарномъ снѣ.

Буря въ горахъ снова разбушевалась и снова затихла. Страшные горные голоса замерли, поднялся мѣсяцъ и мягко и беззвучно падалъ снѣгъ.

Изъ дверей Страннопримнаго дома вышли двое людей и двѣ большихъ собаки. Люди заботливо стали озираться по сторонамъ и взглянули на небо. Собаки начали кататься по снѣгу, хватили его въ пасти и взрывали своими лапами.

Одинъ изъ нихъ обратился къ другому:

— Мы можемъ теперь попытаться. Мы, быть можетъ, найдемъ ихъ въ одномъ изъ пяти убѣжищъ.

У каждаго изъ нихъ за спиной была привязана корзина, у каждаго въ рукахъ былъ здоровый шестъ съ крючкомъ на концѣ; каждый былъ обвязанъ подъ мышками крѣпкой веревкой, которой они оба, кромѣ того, были связаны между собой.

Внезапно собаки перестали прыгать по снѣгу, остановились, глядя внизъ на подъемъ, подняли носы къверху, затѣмъ зарылись ими въ снѣгъ, стали чрезвычайно волноваться и, наконецъ, залились обѣ вмѣстѣ густымъ громкимъ лаемъ.

Оба человѣка взглянули на обѣихъ собакъ. Обѣ собаки взглянули, по крайней мѣрѣ, съ такимъ же умомъ на лица обоихъ людей.

— Тогда, au secours *). Помогайте! На выручку!—закричали оба человѣка. Собаки понеслись скачками впередъ съ радостнымъ, глубокимъ, благороднымъ лаемъ.

— Еще двое сумасшедшихъ!—сказали люди, пораженные изумленіемъ, и стали смотрѣть при свѣтѣ мѣсяца вдаль, не двигаясь

---

*) На помощь.

со своего мѣста.—Возможно-ли въ такую погоду! И одинъ изъ нихъ женщина!

Обѣ собаки держали въ зубахъ по концу платя женщины и тащили ее за собой. Она гладила ихъ по головѣ, поднимаясь за ними, и шла по снѣгу привычнымъ шагомъ. Не такъ шель тащившійся за нею толстякъ, который выбился изъ силъ и совѣмъ согнулся.

— Дорогіе проводники, дорогіе друзья путешественниковъ. Я изъ вашей страны. Мы ищемъ двухъ джентльменовъ, переходящихъ черезъ переваль, которые должны были придти въ Страннопріимный домъ въ этотъ вечеръ.

— Они приходили уже въ него, *ma'amselle*.

— Слава Богу! О, слава Богу!

— Но, къ несчастью, они снова покинули его. Сейчасъ мы отправляемся ихъ искать. Мы выжидали, пока прекратится вьюга. Она была здѣсь, паверху, ужасна.

— Дорогіе проводники, дорогіе друзья путешественниковъ! Позвольте мнѣ идти съ вами. Позвольте мнѣ идти съ вами, ради любви къ Богу! Одинъ изъ этихъ джентльменовъ долженъ стать моимъ мужемъ. Я люблю его, о, я его такъ нѣжно люблю. О, такъ нѣжно! Вы видите, я не изъ слабыхъ, вы видите, я не устала. Я природная дочь крестьянина. Я докажу вамъ, что хорошо знаю, какъ привязать себя къ вашимъ веревкамъ. Я сдѣлаю это собственными своими руками. Клянусь, что я буду храбра и полезна вамъ. Но только позвольте мнѣ идти съ вами, позвольте мнѣ идти съ вами! Если съ нимъ случилось какое нибудь несчастье, моя любовь найдетъ его, когда уже ничто другое не сможетъ. Умоляю васъ на колѣняхъ, дорогіе друзья путешественниковъ! Ради той любви, которую ваши дорогія матери питали къ вашимъ отцамъ!

Добрые грубые парни были тронуты.

— Въ концѣ концовъ,—шептали они другъ другу,—она говоритъ совершенную правду. Она знаетъ горныя дороги. Смотри, какъ удивительно, что она дошла сюда. Но что касается *monsieur, ma'amselle*?

— Дорогой мистеръ Джоэ,—сказала Маргарита, обращаясь къ нему на его языкѣ,—вы останетесь въ домѣ и будете ждать меня, не правда ли?

— Коли бы только мое знанье, который изъ васъ двухъ посоветовалъ это,—заворчалъ Джоэ Лэдль, уставившись на обоихъ проводниковъ съ величайшимъ негодованіемъ,—то я взлупилъ бы васъ на шесть пенсовъ и заплатилъ бы полкроны за протори и убытки. Нѣтъ, миссъ. Я буду неотступно слѣдовать за вами, пока во мнѣ останется хоть сколько-нибудь силъ, и умру за васъ, если не смогу сдѣлать ничего лучшаго.

Положеніе мѣсяца показывало, что чрезвычайно важно не те-

рять ни минуты времени, къ тому же и собаки выказывали признаки чрезвычайнаго безпокойства; поэтому проводники быстро пришли къ опредѣленному рѣшенію. Соединявшая ихъ обоихъ веревка была замѣнена другой, болѣе длинной; вся партія была перевязана между собой, Маргарита шла второй, а погребщикъ послѣднимъ; такъ они тронулись въ путь по направленію къ убѣжищамъ. Дѣйствительное разстояніе до нихъ было ничтожнымъ; всѣ пять убѣжищъ и слѣдующій Страннопримный домъ въ придачу лежали на протяженіи двухъ миль; но страшная дорога была покрыта снѣгомъ и лежала подъ бѣлымъ покровомъ.

Они безошибочно достигли галлерей, гдѣ тѣ двое находили себѣ приютъ. Вторая снѣжная буря съ такимъ бѣшенствомъ пронеслась надъ ней, что ихъ слѣды совершенно исчезли. Но собаки бѣгали взадъ и впередъ, нюхая снѣгъ, и были спокойны. Однако, когда партія остановилась у противоположнаго выхода, гдѣ буря особенно бушевала и гдѣ снѣжные сугробы были глубоки, собаки стали волноваться и бѣгали вокругъ одного мѣста въ поискахъ за чѣмъ-то.

Такъ какъ было извѣстно, что справа лежитъ большая пропасть, то они отклонились слишкомъ сильно влѣво и должны были съ безконечнымъ трудомъ возвращаться на настоящую дорогу черезъ глубокія снѣжные поля. Проводникъ, ведшій весь отрядъ, вытянувшійся въ линію, остановилъ его и началъ ориентироваться, когда одна изъ собакъ стала разрывать снѣгъ немного впереди нихъ. Они всѣ продвинулись впередъ, нагнувшись, чтобы разглядѣть это мѣсто, предполагая, что кто-нибудь, можетъ быть, засыпанъ здѣсь и увидѣли, что снѣгъ запятнанъ и что пятна на немъ краснаго цвѣта.

Тутъ они замѣтили, что другая собака заглядываетъ черезъ край въ пропасть, упершись въ землю передними лапами, чтобы не упасть внизъ, и дрожитъ всѣмъ своимъ тѣломъ. Потомъ къ ней присоединилась и та собака, которая нашла пятно на снѣгу, и онѣ обѣ стали бѣгать взадъ и впередъ, повизгивая и безпокоясь. Наконецъ, онѣ остановились вмѣстѣ на краю бездны и, поднявъ свои морды, заунывно завывли.

— Тамъ внизу кто-то лежитъ,—сказала Маргарита.

— Я тоже такъ думаю,—замѣтилъ передовой проводникъ.— Держитесь покрѣпче двое заднихъ, и дайте намъ заглянуть туда.

Второй проводникъ зажегъ два факела, взявъ ихъ изъ корзины, и передалъ переднимъ. Вожакъ взялъ одинъ, а Маргарита другой, и они стали смотрѣть внизъ, то прикрывая факелы, то отводя ихъ вправо и влѣво, то поднимая, то опуская ихъ, такъ какъ глубоко внизу свѣтъ мѣсяца боролся съ черными тѣнями ночи. Рѣзкій крикъ, вырвавшійся изъ устъ Маргариты, нарушилъ долгое молчаніе.

— Боже! На выдающемся уступѣ, гдѣ ледяная стѣна нависаетъ надъ потокомъ, я вижу очертанія человѣческаго тѣла.

— Гдѣ, ma'amselle, гдѣ?

— Смотрите туда! На лединомъ выступѣ, тамъ, подъ собаками!

Вожакъ отодвинулся отъ края со скорбнымъ видомъ и всѣ молчали. Но не всѣ были бездѣтельны, потому что Маргарита въ нѣсколько секундъ быстрыми и ловкими пальцами отвязала и себя, и проводника отъ веревки.

— Покажите мнѣ корзины. У васъ всего только двѣ веревки?

— Здѣсь только двѣ, ma'amselle; но въ Странопримномъ домѣ...

— Если онъ живъ—я знаю, что это мой возлюбленный—то онъ умретъ раньше, чѣмъ вы сможете вернуться. Дорогие проводники! Благословенные друзья путниковъ! Взгляните на меня. Посмотрите на мои руки. Если онъ отказывается меня слушать или невѣрно двигаются, то удержите меня силой. Если онъ тверды и движенія ихъ вѣрны, то помогите мнѣ спасти его!

Она обмотала вокругъ себя веревку подъ грудью и подъ мышками, сдѣлала изъ нея нѣчто въ родѣ корсажа, навязала на ней узлы, сложила ея конецъ съ концомъ другой веревки, ссучила и сплела оба конца вмѣстѣ, связала ихъ другъ съ другомъ, поставила ногу на узелъ, затянула его и передала веревки обонимъ проводникамъ, чтобы они стянули узлы еще крѣпче.

— Она дѣйствуетъ подъ внушеніемъ свѣще,—говорили они другъ другу.

— Именемъ Всемогущаго Милосердія!—воскликнула она.— Вы оба знаете, что я здѣсь гораздо легче всѣхъ. Дайте мнѣ водки и вина и опустите меня внизъ къ нему. Затѣмъ идите за помощью и за болѣе крѣпкой веревкой. Вы видите, что когда ее опустятъ ко мнѣ—посмотрите на эту веревку, которой я сейчасъ обмотана—я смогу обвязать ее крѣпко и надежно вокругъ его тѣла. Живого или мертваго я доставлю его наверхъ или умру вмѣстѣ съ нимъ. Я люблю его! Что я могу еще вамъ сказать!

Они обернулись къ ея спутнику, но онъ лежалъ на снѣгу безъ чувствъ.

— Спустите меня внизъ къ нему,—сказала она, взявъ два маленькихъ боченка, которые они несли, и повѣсивъ ихъ на себя,—или я разобьюсь въ дребезги! Я крестьянка и не знаю никакихъ головокруженій и боязни; это для меня пустяки и я влamente люблю его! Спустите меня внизъ!

— Ma'amselle ma'amselle, онъ должно быть умираетъ или уже умеръ.

— Умираетъ ли онъ или умеръ, все же голова моего супруга должна лежать на моей груди, иначе я разобьюсь въ дребезги!

Они сдались покоренные. Со всѣми предосторожностями, кото-

рыя допускала ихъ лѣзкость и обстоятельства, они стали опускаться съ вершины внизъ; она скользила по отвѣсной ледяной стѣнѣ, направляя себя руками, а они все опускали, опускали и опускали ее, пока до нихъ не долетѣлъ крикъ: „Довольно!“

— Это, дѣйствительно, онъ? Что, онъ умеръ?—крикнули они внизъ, заглядывая въ пропасть.

— Онъ безъ чувствъ,—донесся до нихъ голосъ,—но его сердце бьется. Оно бьется на моей груди.

— Какъ онъ лежитъ?

— На ледяномъ выступѣ,—долетѣлъ крикъ.—Ледъ таетъ подъ нимъ и будетъ таять подо мной. Поспѣшите. Если мы умремъ вмѣстѣ, я буду рада.

Одинъ изъ проводниковъ помчался съ собаками со всей скоростью, какая только была возможна; другой воткнулъ зажженные факелы въ снѣгъ и занялся приведеніемъ въ чувство англичанина. Сильное растираніе снѣгомъ и немного водки поставили его на ноги, но онъ бредилъ и совершенно не сознавалъ, гдѣ онъ.

Проводникъ же остался на стражѣ на краю пропасти и непрерывно кричалъ внизъ: „Мужайтесь! Они скоро будутъ здѣсь. Какъ ваши дѣла?“ И до него долетѣлъ голосъ:—„Его сердце еще бьется у меня на груди. Я грѣю его въ своихъ объятіяхъ. Я сбросила съ себя веревку, потому что ледъ таетъ подъ нами, и веревка можетъ разлучить меня съ нимъ, но я не боюсь.“

Мѣсяцъ зашелъ за горныя вершины, и вся пропасть погрузилась во тьму. Сверху слышенъ голосъ: — „Какъ у васъ тамъ?“ Снизу доносится:—„Мы опускаемся все ниже, но его сердце еще бьется у меня на груди“.

Наконецъ, нетерпѣливый лай собакъ и отблескъ свѣта на снѣгу возвѣстили, что приближается помощь. Двадцать или тридцать человекъ, фонари, факелы, носилки, веревки, одѣяла, дрова, чтобы развести большой костеръ, укрѣпляющія и возбуждающія средства, все это быстро появилось. Собаки перебѣгали отъ одного человѣка къ другому, отъ одной вещи къ другой и кидались къ краю пропасти съ нѣмой мольбой:—спѣшите, спѣшите, спѣшите! Сверху слышенъ крикъ:—„Благодареніе Богу, все готово. Какъ у васъ тамъ?“

Снизу доносится:—„Мы все опускаемся и мы смертельно замерзли. Его сердце болѣе не бьется у меня на груди. Пусть никто не спускается внизъ, чтобы не увеличить нашей тяжести. Спустите только веревку“.

Костеръ сильно разгорѣлся и ослѣпительный блескъ массы факеловъ озарялъ бока пропасти; были спущены фонари, была спущена крѣпкая веревка. Можно было видѣть, какъ она обвязываетъ вокругъ него и надежно закрѣпляетъ ее.

Среди мертвой тишины долетаетъ снизу крикъ: „Поднимайте! Тихонько!“

Они могли видѣть, какъ сжалась ея ослабѣвшая фигурка, когда онъ повисъ въ воздухѣ.

Они не издали ни одного восклицанія, когда одни изъ нихъ клали его на носилки, а другіе опускали другую крѣпкую веревку. Снова среди мертвой тишины долетѣлъ снизу крикъ:— „Поднимайте! Тихонько!“ Но когда они подхватили ее у края пропасти, тогда они стали ликовать, тогда они стали плакать, стали возносить благодаренія Небу, стали цѣловать ея ноги, ея платье, тогда собаки стали ласкаться къ ней, лизали ея ледяныя ручки и согрѣвали своими честными мордами ея окоченѣвшую грудь!

Она вырвалась отъ нихъ всѣхъ, упала на него, бросившись къ носилкамъ, и положила свои обѣ любящія руки на сердце, которое уже замолкло.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Ч а с ы - з а м о к ъ .

Прелестное мѣсто дѣйствія — Невшатель; прелестный мѣсяцъ — апрѣль; прелестное помѣщеніе — контора нотаріуса; прелестное лицо въ ней — самъ нотаріусъ: розовый, сердечный, славенскій старичекъ, главный нотаріусъ Невшателя, извѣстный по всему кантону подъ именемъ maître'a Фохта. И по своей профессіи, и самъ по себѣ нотаріусъ былъ очень популяренъ. Безконечныя услуги, оказанныя имъ, и его безчисленныя странности сдѣлали его уже много лѣтъ тому назадъ однимъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей этого прелестнаго Швейцарскаго городка. Его длинный коричневый фракъ и черная шляпа, какъ у лодочника, были въ числѣ мѣстныхъ достопримѣчательностей: онъ, кромѣ того, носилъ табакерку, которая съ точки зрѣнія своихъ размѣровъ считалась въ народѣ не имѣющей себѣ равной во всей Европѣ.

Въ конторѣ нотаріуса было другое лицо, не столь пріятное, какъ самъ нотаріусъ. Это былъ Обенрейцеръ.

Необычайно идиллической была эта контора, которой никогда не нашлось бы равной въ Англіи. Она помѣщалась на чистенькомъ заднемъ дворѣ, отгороженномъ отъ хорошенькаго цвѣтника. Козы шипали траву около дверей, а корова помѣщалась въ поля-дюжинѣ футовъ отъ клерка, составляя ему компанію. Кабинетомъ maître'a Фохта была свѣтлая и выложенная комнатка со стѣнами, обшитыми панелями, похожая на игрушечку. Смотря по времени года, розы, подсолнечники, мальвы заглядывали въ окна. Пчелы maître'a Фохта жужжали въ конторѣ цѣлое лѣто, влетая черезъ одно окно и вылетая черезъ другое, часто павѣщая ее во время своихъ дневныхъ трудовъ, словно можно было сдѣлать медъ изъ пріятнаго ха-

рактера maître'a Фохта. Большой музыкальный ящикъ на кампной доскѣ часто наигрывалъ изъ увертюры къ Фра-Дьяволо или выводилъ сцену избранія Вильгельма Телля съ такимъ веселымъ щебетаньемъ, которое приходилось прекращать силой при входѣ кліента, но которое неудержимо раздавалось снова, едва тотъ поверачивалъ спину.

— Мужайтесь, мужайтесь, дружище!—говорилъ maître Фохтъ, слегка похлопывая Обенрейцера по колѣнкѣ съ отеческимъ и ободряющимъ видомъ.—Вы съ завтрашняго утра начнете новую жизнь здѣсь, въ моей конторѣ.

Обенрейцеръ, одѣтый въ трауръ и сдержанный въ своихъ манерахъ, поднесъ руку, въ которой былъ бѣлый носовой платокъ, къ сердцу.

— Благодарность здѣсь,—сказалъ онъ.—Но здѣсь нѣтъ словъ, чтобы выразить ее.

— Та-та-та! Не толкуйте мнѣ о благодарности!—замѣтилъ maître Фохтъ.—Я питаю отвращеніе къ зрѣлищу удрученнаго горемъ человѣка. Я вижу, что вы удручены и протигиваю вамъ инстинктивно свою руку. Кромѣ того, я еще не настолько состарился, чтобы позабыть дни своей юности. Вашъ отецъ послалъ мнѣ моего перваго кліента. (Дѣло шло о полъ-акрѣ виноградника, который рѣдко давалъ какихъ-нибудь нѣсколько гроздей). Развѣ я ничего не долженъ сыну вашего отца? Я долженъ ему отплатить за его дружескую обязательность и я плачу за нее вамъ. Это, мнѣ кажется, довольно ясно объяснено,—прибавилъ maître Фохтъ, придя въ чрезвычайно хорошее расположеніе духа отъ своихъ словъ.—Позвольте мнѣ вознаградить себя за свои добродѣтели щепоткой табаку!

Обенрейцеръ опустилъ глаза внизъ, словно былъ даже недостойнъ видѣть, какъ нотаріусъ задесть себѣ понюшку табаку.

— Окажите мнѣ послѣднее одолженіе, monsieur,—сказалъ онъ, поднявъ, наконецъ, свой взоръ.—Не дѣйствуйте, подчиняясь первому побужденію. До сихъ поръ вы имѣете только общее понятіе о моемъ положеніи. Выслушайте все дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, со всѣми за и противъ, прежде чѣмъ брать меня въ свою контору. Пусть мои надежды на вашу благосклонность будутъ признаны вашимъ здравымъ смысломъ такъ же, какъ и вашимъ превосходнымъ сердцемъ. Въ *такомъ* случаѣ, я смогу высоко поднять свою голову передъ злѣйшими изъ своихъ враговъ и составить себѣ новую репутацію на развалинахъ той, которую я потерялъ.

— Какъ вамъ угодно,—сказалъ maître Фохтъ.—Вы хорошо говорите, мой сынъ. Вы будете искуснымъ юристомъ когда-нибудь.

— Подробности не многочисленны, — продолжалъ Обенрейцеръ.—Мои бѣдствія начинаются со времени случайной смерти

моего покойнаго спутника по путешествію, моего погибшаго дорогого друга мистера Вендэля.

— Мистера Вендэля,—повторилъ нотаріусъ.—Да, совершенно вѣрно. Я слышалъ объ этомъ и читалъ объ этой фамиліи нѣсколько разъ въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ. Это фамилія того несчастнаго джентльмена, англичанина, который былъ убитъ на Симплонѣ. Когда вы получили рану, отъ которой у васъ этотъ рубецъ на щекѣ и шеѣ.

— Отъ моего собственнаго ножа,—сказалъ Обенрейцеръ, драгиваясь до того, что должно было быть безобразной раной въ моментъ ея нанесенія.

— Отъ вашего собственнаго ножа,—согласился нотаріусъ,—когда вы старались спасти своего спутника. Хорошо, хорошо, хорошо. Это было очень хорошо. Вендэль!.. да!.. Мнѣ недавно нѣсколько разъ приходила въ голову странная мысль, что у меня какъ будто однажды былъ клиентъ съ такой фамиліей.

— Но, вѣдь, monsieur, мнѣ такъ малъ!—замѣтилъ Обенрейцеръ. Однако онъ постарался запомнить, что у нотаріуса однажды былъ клиентъ съ такой фамиліей.

— Какъ я уже сказалъ, monsieur, смерть этого дорогого товарища по путешествію послужила началомъ моихъ бѣдствій. Что происходитъ вслѣдъ за этимъ? Я спасаюсь. Прихожу въ Миланъ. Меня очень холодно принимаетъ Дефренъ и К°. Немного спустя, Дефренъ и К° отказываютъ мнѣ отъ мѣста. Почему? Они не объясняютъ причинъ. Я спрашиваю, не скомпрометировано ли мое доброе имя? Отвѣта нѣтъ. Я спрашиваю, въ чемъ они меня обвиняютъ? Отвѣта нѣтъ. Я спрашиваю, гдѣ ихъ доказательства противъ меня? Отвѣта нѣтъ. Я спрашиваю, что же я долженъ думать? Отвѣчаютъ: „Monsieur Обенрейцеръ воленъ думать, что ему угодно. Для Дефренъ и Компаніи совершенно не важно, что думаетъ monsieur Обенрейцеръ“. И это все.

— Великолѣпно. Это все,—согласился нотаріусъ, взявъ порядочную щепотку табаку.

— Но развѣ этого достаточно?

— Этого недостаточно,—сказалъ maître Фохтъ.—Фирма Дефренъ принадлежитъ къ числу моихъ друзей — согражданъ — очень уважаемыхъ, очень чтимыхъ, — но фирма Дефренъ не должна молча губить репутацію человѣка. Вы можете отвѣтить на жалобу итца. Но какъ вы вчините искъ противъ молчанія?

— Ваше чувство справедливости, мой дорогой патронъ, — отвѣчалъ Обенрейцеръ,—констатируетъ однимъ словомъ жестокость этого дѣла. Но останавливается ли оно на этомъ? Нѣтъ. Ибо, что происходитъ вслѣдъ за этимъ?

— Это точно, мой бѣдный мальчикъ, — сказалъ нотаріусъ, кивнувъ раза два головой, чтобы ободрить его,—особа, находя-

щаяся подъ вашей опекой, возмущена противъ васъ изъ-за всего этого.

— Возмущена — это слишкомъ мягко сказано, — возразилъ Обенрейцеръ.— Особа, находящаяся подъ моей опекой, возстаетъ съ ужасомъ противъ меня. Эта особа оказываетъ мнѣ неуваженіе. Эта особа убѣгаетъ отъ моей власти и скрывается (мадамъ Доръ вмѣстѣ съ нею) въ домѣ англійскаго юриста, мистера Бинт-рея, который отвѣчаетъ на ваши обращенія къ ней съ требова-ніемъ подчиниться моей власти тѣмъ, что она не сдѣлаетъ этого.

— И который послѣ этого пишетъ, — сказалъ нотаріусъ, отодвигая свою громадную табакерку, чтобы найти въ бумагахъ, лежавшихъ подъ ней, письмо, — что онъ прибудетъ для совѣща-нія со мною.

— Правда? — спросилъ Обенрейцеръ, немного раздосадован- ный.— Прекрасно, monsieur. Развѣ у меня нѣтъ никакихъ за- конныхъ правъ?

— Разумѣется, есть, мой бѣдный мальчикъ, — отвѣтилъ но- таріусъ.— Всѣ, кромѣ преступниковъ, имѣютъ свои законныя права.

— А кто же называетъ меня преступникомъ? — сказалъ сви- рѣло Обенрейцеръ.

— Никто рѣшительно. Будьте тверды подъ тяжестью неспра- ведливости. Если бы фирма Дефренше назвала васъ преступникомъ, то, конечно, мы знали бы, какъ намъ разсчитаться съ ними.

Произнося эти слова, онъ протянулъ очень короткое письмо Бинтрея Обенрейцеру, которое тотъ теперь прочелъ и передалъ обратно.

— Говоря, что онъ прибудетъ для совѣщанія съ вами, — за- мѣтилъ Обенрейцеръ, къ которому снова вернулось его хладнокро- віе, — этотъ англійскій юристъ хочетъ сказать, что онъ прибудетъ отрицать мою власть надъ особой, находящейся подъ моей опекой.

— Вы такъ думаете?

— Я въ этомъ увѣренъ. Я знаю его. Онъ упрямъ и придири- чивъ. Скажите мнѣ, дорогой нотаріусъ, можно ли оспаривать мое право, пока лицо, опекаемое мною, не станетъ совершеннолѣтнимъ?

— Абсолютно невозможно.

— Я буду указывать на это. Я заставлю ее подчиниться мнѣ. Я обязанъ этимъ вамъ, сударь, — произнесъ Обенрейцеръ, пере- мѣняя свой раздраженный тонъ на тонъ признательной крото- сти, — вамъ, который такъ довѣрчиво принялъ оскорбленнаго че- ловѣка подъ свое покровительство и къ себѣ на службу.

— Успокойтесь, — сказалъ maître Фохтъ. — Ни слова больше объ этомъ теперь, и никакихъ благодарностей! Будьте здѣсь завтра утромъ прежде, чѣмъ придетъ другой клеркъ — между семью и восемью. Вы найдете меня въ этой комнатѣ; и я самъ ознакомлю

васъ съ вашимъ дѣломъ. Проваливайте! Проваливайте! Мнѣ надо писать письма. Не хочу больше слышать ни одного слова.

Отпущенный съ такой великодушной грубостью и удовлетворенный тѣмъ благопріятнымъ впечатлѣніемъ, которое онъ произвелъ на старика, Обенрейцеръ могъ на досугъ возвратиться къ той замѣткѣ, которую сдѣлалъ про себя относительно того, что у maître'a Фохта былъ однажды кліентъ по фамиліи Вендэль.

— Я долженъ былъ довольно хорошо познакомиться съ Англіей за это время,—такъ потекли его размышленія, когда онъ усѣлся на скамьѣ во дворѣ,—и это такое имя, съ которымъ я никогда тамъ не встрѣчался, за исключеніемъ,—онъ невольно взглянулъ черезъ плечо,—его имени. Развѣ міръ такъ малъ, что я не могу отдѣлаться отъ него даже теперь, когда онъ умеръ? Передъ смертію онъ сознался, что обманулъ довѣріе умершаго и неправильно унаслѣдовалъ имущество. И я долженъ былъ подумать объ этомъ. И я долженъ былъ отойти, чтобы мое лицо могло напомнить ему объ этомъ. Почему мое лицо, развѣ это *меня* касалось? Я увѣренъ, что онъ сказалъ это, такъ какъ его слова звучатъ у меня въ ухахъ до сихъ поръ. Нѣтъ ли чего относящагося къ нимъ въ архивѣ этого стараго идіота? Чего-нибудь такого, что могло бы поправить мои дѣла и очернить его память? Онъ все разспрашивалъ о моихъ самыхъ раннихъ воспоминаніяхъ въ ту ночь въ Базелѣ. Къ чему это, не было ли у него какой-нибудь цѣли?

Два самыхъ большихъ козла maître'a Фохта нацѣлились рогами на Обенрейцера, чтобы согнать его съ мѣста, точно за непочтительный отзывъ объ ихъ хозяинѣ. Поэтому онъ поднялся и оставилъ скамейку. Но онъ долго проходилъ одинъ по берегу озера, опустивъ голову на грудь и погружаясь въ глубокую задумчивость.

На слѣдующее утро между семью и восемью онъ снова явился въ контору. Тамъ онъ нашелъ нотаріуса, готоваго принять его, за работой надъ нѣсколькими бумагами, полученными въ предыдущій вечеръ. Въ немногихъ ясныхъ словахъ maître Фохтъ объяснилъ обычный обиходъ конторы и тѣ обязанности, выполнение которыхъ возлагалось на Обенрейцера. Еще оставалось пять минутъ до восьми, когда было объявлено, что всѣ предварительныя инструкции уже даны.

— Я познакомлю васъ съ домомъ и конторой,—сказалъ maître Фохтъ,—но долженъ сперва спрятать эти бумаги. Онѣ получены отъ муниципальныхъ властей и о нихъ нужно особенно позаботиться.

Тутъ Обенрейцеръ увидѣлъ, что ему везетъ въ розыскахъ того помѣщенія, гдѣ сохраняются секретныя бумаги его хозяина.

— Не могу ли я замѣнить васъ, maître,—спросилъ онъ,—и спрятать эти документы, куда вы укажете?

Maître Фохтъ тихонько разсмѣялся про себя; заперъ портфель, въ которомъ ему были присланы бумаги, и протянулъ его Обенрейцеру.

— Ну, хорошо, попробуйте,—сказалъ онъ.—Всѣ мои важныя бумаги сохраняются вонъ тамъ.

Онъ указалъ на тяжелую дубовую дверь, густо усаженную гвоздями, въ дальнемъ концѣ комнаты. Подойдя съ портфелемъ въ рукахъ къ двери, Обенрейцеръ къ своему изумленію сдѣлалъ открытіе, что не было никакой возможности отворить ее снаружи. На двери не было ни ручки, ни засова, ни ключа (постепенное нарастаніе удивленія!), ни замочной скважины.

— Въ эту комнату ведетъ еще вторая дверь?—сказалъ Обенрейцеръ, обращаясь къ нотаріусу.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ maître Фохтъ.—Угадывайте снова.

— Тамъ есть окно?

— Ничего подобнаго. Окно заложено. Единственный входъ черезъ эту дверь. Вы сдаетесь?—воскликнулъ maître Фохтъ съ величайшимъ триумфомъ.— Прислушайтесь, мой дружище, и скажите мнѣ, не слышите ли вы чего-нибудь внутри?

Обенрейцеръ прислушивался съ минуту и отскочилъ отъ двери.

— Знаю!—воскликнулъ онъ.—Я слышалъ объ этомъ, когда былъ здѣсь въ учени у часовыхъ дѣлъ мастера. Братья Перрэнъ окончили, наконецъ, свои знаменитые часы-замокъ—и вы приобрѣли ихъ?

— Bravo! —сказалъ maître Фохтъ.— Это часы-замокъ! Да, мой сынъ. Вотъ еще одинъ образецъ того, что добрые граждане этого города называютъ: „Дурачествами дядюшки Фохта“. Отъ всей души радъ! Пусть смѣются всѣ, кто хочетъ. Но никакой воръ не сможетъ украсть у меня ключей. Никакой громила не сможетъ просверлить моего замка. Никакая земная сила, кромѣ развѣ тарана или боченка съ порохомъ, не сможетъ сдвинуть съ мѣста этой двери, пока мой маленькій часовой, тамъ внутри—мой почтенный другъ, который идетъ „Тикъ-Тикъ“, такъ я и зову его—не скажетъ:—„Откройся!“ Толстая дверь повинуется маленькому Тикъ-Тикъ, а маленький Тикъ-Тикъ повинуется мнѣ! Вотъ!—воскликнулъ дядюшка Фохтъ, щелкнувъ пальцами.—Защита отъ воровъ всѣхъ христіанскихъ странъ!

— Нельзя ли мнѣ посмотрѣть ихъ въ дѣйствиі?—спросилъ Обенрейцеръ.— Извините меня за любопытство, дорогой maître! Вы знаете, я былъ когда-то сноснымъ работникомъ въ часовомъ дѣлѣ.

— Разумѣется, вы должны увидѣть ихъ въ дѣйствиі,—сказалъ maître Фохтъ.—Сколько сейчасъ времени? Безъ одной минуты восемь. Подождите, и черезъ минуту вы увидите, что дверь сама отворится.

Через одну минуту тяжелая дверь плавно, мягко и безшумно открылась изнутри, словно ее отпустили на волю какія-то невидимыя руки, и за нею оказалась темная комната. Съ трехъ сторонъ стѣны были заполнены отъ пола до потолка полками. На полкахъ были разставлены другъ на другѣ цѣлые ряды ящичковъ съ изящной деревянной инкрустаціей швейцарской работы и на ихъ передней сторонѣ были написаны (по большей части причудливо раскрашенными буквами) имена кліентовъ нотаріуса.

Maître Фохтъ зажегъ восковую свѣчу и вошелъ въ комнату.

— Вы должны посмотретьъ на эти часы,—сказалъ онъ горделиво.—Я обладаю величайшей диковинкой во всей Европѣ. Только взоры немногихъ привилегированныхъ лицъ могутъ взглянуть на нее. Я оказываю эту привилегію сыну вашего добраго отца—вы будете однимъ изъ тѣхъ немногихъ избранныхъ, которые входятъ со мной въ эту комнату. Смотрите! Вотъ они на правой стѣнѣ около двери.

— Заурядные часы,—воскликнулъ Обенрейцеръ.—Нѣтъ! Не заурядные! У нихъ всего только одна стрѣлка.

— Ага!—сказалъ maître Фохтъ.—Это не заурядные часы, мой другъ. Нѣтъ, нѣтъ. Эта одна стрѣлка ходитъ по циферблату. Какъ я ставлю ее, такъ ею и регулируется тотъ часъ, въ который дверь должна отвориться. Посмотрите! Стрѣлка указываетъ на восемь. Дверь и отворилась въ восемь, какъ вы сами видѣли.

— Открывается ли она болѣе одного раза въ теченіе двадцати четырехъ часовъ?—спросилъ Обенрейцеръ.

— Болѣе одного раза?—повторилъ нотаріусъ съ величайшимъ презрѣніемъ.—Вы не знаете, мой добрый другъ, моего Тикъ-Тикъ! Онъ столько разъ открываетъ дверь, сколько я его попрошу. Все, что ему надо—это указанія, и онъ получаетъ ихъ здѣсь. Взгляните подъ циферблатъ. Тутъ находится стальной полукругъ, вдѣланный въ стѣну, а вотъ стрѣлка (называемая регуляторомъ), которая ходитъ по нему и останавливается тамъ, гдѣ я выберу. Пожалуйста, обратите вниманіе, что на этомъ стальномъ полукругѣ нанесены цифры, которыми я руководствовался. Цифра I означаетъ: открывай разъ въ сутки. Цифра II означаетъ: открывай дважды въ сутки и т. д. до конца. Я ставлю регуляторъ каждое утро по прочтеніи своихъ писемъ, когда выясняется, какова будетъ моя дневная работа. Хотите посмотреть, какъ я его сейчасъ поставлю? Что сегодня? Среда. Хорошо! Это день собранія нашего стрѣлковаго клуба; занятій сегодня предстоитъ немного; я дарю вамъ полдня. Сегодня послѣ трехъ часовъ не будетъ никакой работы. Прежде всего давайте спрячемъ этотъ портфель съ муниципальными бумагами. Такъ! Нѣтъ надобности беспокоить Тикъ-Тикъ просьбой открыть дверь до восьми часовъ слѣдующаго утра. Хорошо! Я оставляю стрѣлку циферблата на восьми; ставлю опять регуляторъ

на 1 и закрываю дверь; дверь останется закрытой до восьми часовъ завтрашняго утра, и никто не сможетъ открыть ее.

Проницательный Обенрейцеръ мгновенно увидѣлъ тѣ средства, при помощи которыхъ онъ могъ бы заставить часы-замокъ обмануть довѣріе своего хозяина и предоставить хозяйскія бумаги въ его распоряженіе.

— Стойте, сэръ!—воскликнулъ онъ въ тотъ моментъ, когда нотаріусъ собрался закрыть дверь.—Мнѣ кажется, словно что-то шевелится между ящиками... тамъ на полу?

Maitre Фохтъ на мгновеніе повернулся къ нему спиной, чтобы посмотреть, въ чемъ дѣло. Въ ту же минуту ловкая рука Обенрейцера передвинула регуляторъ съ цифры I на цифру II. Если только нотаріусъ не взглянетъ еще разъ на стальной полукругъ, то дверь откроется сегодня въ восемь часовъ вечера, такъ же, какъ и завтра въ восемь утра, и никто кромѣ Обенрейцера не узнаетъ объ этомъ.

— Ничего нѣтъ!—сказалъ maitre Фохтъ.—Ваши бѣдствія распатали вамъ нервы, мой сынъ. Какаля-нибудь тѣнь, отброшенная отъ моей свѣчки, или какой-нибудь бѣдный жучокъ, живущій среди бумагъ стараго юриста, бросившійся бѣжать отъ свѣта. Стойте! Я слышу, что вашъ—сослуживецъ—клеркъ уже въ конторѣ. За работу! За работу! И постройте сегодня первую ступень, которая поведетъ къ вашимъ новымъ удачамъ!

Онъ съ большимъ добродушіемъ сталъ выталкивать Обенрейцера изъ комнаты, потушивъ свѣчу, бросивъ послѣдній любовный взглядъ на свои часы, скользнувшій безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій по циферблату подъ ними, и заперъ дубовую дверь.

Въ три часа контора была закрыта. Нотаріусъ и все его служакіе, кромѣ только одного, пошли смотреть на стрѣльбу изъ винтовокъ. Обенрейцеръ же сослался на то, что онъ не расположенъ принимать участіе въ публичномъ празднествѣ. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Рѣшили, что онъ ускользнулъ, чтобы предаться уединенной прогулкѣ.

Домъ и контора пробыли закрытыми всего только нѣсколько минутъ, когда дверь гардероба въ комнатѣ нотаріуса открылась и оттуда выдѣлъ Обенрейцеръ. Онъ направился къ окну, растворилъ ставни, удостовѣрился въ томъ, что можетъ незамѣтно улизнуть черезъ садъ, вернулся опять въ комнату и усѣлся въ удобномъ креслѣ нотаріуса. Онъ былъ запертъ въ домъ и ему оставалось прождать пять часовъ до восьми.

Онъ старался какъ-нибудь скоротать эти пять часовъ: то читая книги и газеты, лежавшія на столѣ, то погружаясь въ раздумье, то расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ. Стало заходить солнце. Обенрейцеръ закрылъ ставни передъ тѣмъ, какъ зажечь свѣчу. Когда она была зажжена, Обенрейцеръ усѣлся съ часами въ ру-

какъ, устремивъ взоръ на дубовую дверь; время подходило все ближе и ближе.

Въ восемь часовъ дверь отворилась плавно, мягко и безшумно.

Онъ сталъ читать одно за другимъ имена на наружныхъ рядахъ ящиковъ. Ни одной фамилии, похожей на „Вендэль“. Онъ отодвинулъ наружный рядъ и сталъ разсматривать задніе ящики. Они были болѣе стары и потерты. На четырехъ первыхъ, которые онъ осматрѣлъ, были написаны французскія и нѣмецкія фамилии. На пятомъ была надпись, которую почти нельзя было прочесть. Онъ вынесъ этотъ ящикъ въ комнату и сталъ внимательно его разсматривать. На немъ стояла густо покрытая пятнами и пылью отъ времени фамилія: „Вендэль“.

Ключъ отъ ящика висѣлъ тутъ же на тесемкѣ. Обенрейцеръ отомкнулъ ящикъ, вынулъ четыре отдѣльныхъ документа, которые лежали въ немъ, развернулъ ихъ на столѣ и принялся читать. Онъ не провелъ за этимъ занятіемъ и одной минуты, какъ выраженіе на его лицѣ нетерпѣнія и жадности смѣнилось выраженіемъ страшнаго удивленія и разочарованія. Но послѣ небольшого раздумья онъ снялъ съ документовъ копіи. Затѣмъ положилъ бумаги обратно, поставилъ ящикъ на мѣсто, заперъ дверь, потушилъ свѣчу и улизнулъ.

Когда крадущіеся шаги этого убійцы и вора смолкли въ саду, у парадной двери дома остановились твердые шаги нотаріуса и еще кого-то, шедшаго вмѣстѣ съ нимъ. На маленькой улицѣ горѣли фонари и освѣщали нотаріуса, держащаго въ рукѣ ключъ отъ своихъ дверей.

— Милости прошу, не проходите мимо моего дома, мистеръ Бинтрей,—сказалъ онъ.—Сдѣлайте мнѣ честь, войдя въ него. Въ городѣ справляютъ одинъ изъ нашихъ полу-праздничныхъ дней—нашъ стрѣлковый праздникъ—но моя прислуга сейчасъ вернется. Забавно, что вы обратились ко мнѣ съ вопросомъ, какъ вамъ пройти къ гостиницѣ. Давайте закусимъ и выпьемъ, прежде чѣмъ вы пойдете туда.

— Благодарю васъ, но не сегодня,—сказалъ Бинтрей.—Могу ли я прийти къ вамъ завтра въ десять утра?

— Я буду очарованъ, сэръ, что мнѣ такъ скоро представляется случай заглядить обиды моего оскорбленнаго кліента, — отвѣтилъ добрый нотаріусъ.

— Да, — возразилъ на это Бинтрей, — вашъ оскорбленный кліентъ очень хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ... но... одно слово на ухо.

Онъ шелъ что-то нотаріусу и зашагалъ прочь отъ него. Когда экономка Фохта возвращалась домой, то она увидѣла, что онъ стоитъ неподвижно у дверей и все еще держитъ въ рукѣ ключъ, а дверь все еще не открыта.

ПОБѢДА ОБЕНРЕЙЦЕРА

Мѣсто дѣйствія опять переносится—къ подножью Симплона на швейцарской сторонѣ.

Въ одной изъ мрачныхъ комнатъ мрачной маленькой гостиницы въ Бригѣ сидѣли вдвоемъ мистеръ Бинтрей и maitre Фохтъ и держали другъ съ другомъ профессиональный совѣтъ. Мистеръ Бинтрей рылся въ своемъ ящикѣ съ письмами. Maitre Фохтъ обратилъ свои взоры на запертую дверь, окрашенную въ коричневый цвѣтъ, якобы подъ красное дерево, которая вела въ слѣдующую комнату.

— Не пора ли ему быть здѣсь?—спросилъ нотаріусъ, мѣняя свое положеніе и бросивъ взглядъ на вторую дверь въ другомъ концѣ комнаты, окрашенную въ желтый цвѣтъ, якобы подъ ель.

— Онъ уже здѣсь, — отвѣтилъ Бинтрей, прислушиваясь на мгновение.

Слуга открылъ желтую дверь, и вошелъ Обенрейцеръ.

Послѣ сердечнаго привѣтствія maitre'у Фохту, которое, по-видимому, привело нотаріуса въ немалое смущеніе, Обенрейцеръ со сдержанной и сухой вѣжливостью поклонился Бинтрею.

— По какому поводу меня заставили пріѣхать изъ Невшателя къ подножью этихъ горъ?—освѣдомился онъ, опускаясь на стулъ, который ему указалъ англійскій юристъ.

— Вы будете вполнѣ удовлетворены въ этомъ отношеніи еще до конца нашей бесѣды, — отвѣчалъ Бинтрей. — Теперь же, позвольте мнѣ перейти сразу къ дѣлу. Между вами, мистеръ Обенрейцеръ, и вашей племянницей происходила переписка. Я здѣсь нахожусь, чтобы представлять собою вашу племянницу.

— Другими словами, вы, юристъ, находитесь здѣсь, чтобы представлять собою несоблюденіе закона?

— Удивительный выводъ!—сказалъ Бинтрей. — Если бы только всё, съ кѣмъ мнѣ приходилось имѣть дѣло, были похожи на васъ, то какъ бы легка была моя профессія! Я нахожусь здѣсь, чтобы представлять собою несоблюденіе закона—это ваша точка зрѣнія. Я нахожусь здѣсь, чтобы устроить компромиссъ между вами и вашей племянницей—это моя точка зрѣнія.

— Для компромисса должны быть двѣ стороны, — возразилъ на это Обенрейцеръ. — Я, въ данномъ случаѣ, отказываюсь быть одной изъ нихъ. Законъ даетъ мнѣ власть слѣдить за поступками моей племянницы, пока она не станетъ совершеннолѣтней. Она еще не совершеннолѣтняя, и я требую по праву своей власти.

Въ этотъ моментъ maitre Фохтъ попытался заговорить. Бинтрей успокоилъ его съ сострадательной кротостью въ тонѣ голоса и манерахъ, какъ будто бы успокаивалъ любимое дитя.

— Нѣтъ, мой почтенный другъ, ни слова. Не волнуйтесь понапрасну; предоставьте это мнѣ.—Онъ повернулся и снова обратился къ Обенрейцеру.—Я не могу ничего представить себѣ подобнаго вамъ, мистеръ Обенрейцеръ, развѣ только гранитъ—но даже и онъ разрушается съ теченіемъ времени. Въ интересахъ мира и спокойствія — ради вашего собственнаго достоинства — уступите немного. Дѣло идетъ только о передачѣ вашей власти другому лицу, которое мнѣ извѣстно и которому можно довѣриться, такъ какъ оно никогда не потеряетъ изъ виду вашей племянницы ни днемъ, ни ночью!

— Вы напрасно тратите и свое время, и мое,—отвѣтилъ на это Обенрейцеръ. — Если моя племянница не признаетъ моей власти въ теченіе недѣли съ этого дня, то я буду вызывать къ закону. Если вы будете сопротивляться закону, я возьму ее силой.

Онъ поднялся на ноги, произнося эти послѣднія слова. Maître Фохтъ еще разъ оглянулся на коричневую дверь, которая вела въ слѣдующую комнату.

— Имѣйте какую-нибудь жалость къ бѣдной дѣвушкѣ,—сталъ ходатайствовать за нее Бинтрей.—Вспомните, что она совѣмъ недавно потеряла своего возлюбленнаго, погибшаго ужасной смертью! Развѣ ничто не трсетъ васъ?

— Ничто.

Бинтрей въ свою очередь поднялся на ноги и взглянулъ на maître'а Фохта. Рука Фохта, лежавшая на столѣ, стала дрожать. Взоръ его былъ прикованъ къ коричневой двери, словно силой непреодолимаго очарованія. Обенрейцеръ, наблюдавшій подозрительно за нимъ, тоже взглянулъ въ этомъ направленіи.

— Тамъ кто-то подслушиваетъ! — воскликнулъ онъ, быстро сбернувшись назадъ и бросивъ взглядъ на Бинтрея.

— Тамъ подслушиваютъ двое,—отвѣтилъ Бинтрей.

— Кто же это?

— Вы увидите сами.

Отвѣтивъ такъ, онъ возвысилъ свой голосъ и произнесъ слѣдующее слово—одно обыкновенное слово,—которое ежедневно и ежедневно на устахъ всякаго:

— Войдите!

Коричневая дверь отворилась. Опираясь на руку Маргариты, съ исчезнувшимъ съ лица загаромъ, съ забинтованной и висѣвшей на перевязи правой рукой, передъ убійцей предсталъ Вендэль, человѣкъ, воскресшій изъ мертвыхъ.

Въ послѣдовавшій за этимъ моментъ молчанія, пѣніе птички въ клѣткѣ, висѣвшей снаружи во дворѣ, было единственнымъ звукомъ, раздававшимся по комнатѣ. Maître Фохтъ дотронулся до Бинтрея и указалъ ему на Обенрейцера. — Посмотрите на него!—сказалъ нотариусъ шопотомъ.

Потрясение парализовало всякое движеніе въ тѣлѣ негодяя, кромѣ движенія крови. Его лицо стало похожимъ на лицо труна. Единственный слѣдъ краски, оставшейся въ немъ, была синевато-багровая пурпуровая полоса, указывавшая на направленіе того рубца, гдѣ его жертра нанесла ему рану въ щеку и шею. Безмолвный, бездыханный, безъ движеній, безъ проблеска жизни во взорѣ, онъ, при видѣ Вендэля, словно былъ пораженъ на мѣстѣ этой смертью, въ жертву которой обрекъ его.

— Кто-нибудь долженъ сказать ему, — произнесъ *maître* Фохтъ. — Не сказать ли мнѣ?

Даже въ такой моментъ Бинтрей настаивалъ на томъ, чтобы нотаріусъ успокоился и руководство образомъ дѣйствій осталось за нимъ самимъ. Удержавъ *maître*'а Фохта жестомъ, онъ отступилъ Маргариту и Вендэля такими словами:

— Цѣль вашего появленія здѣсь достигнута, — сказалъ онъ. — Если вы теперь соблаговолите удалиться, то это сможетъ помочь мистеру Обенрейцеру придти въ себя.

Это помогло ему. Едва они оба прошли въ комнату и закрыли за собой дверь, какъ онъ съ облегченіемъ и глубоко вздохнулъ. Онъ сталъ искать глазами около себя стулъ, съ котораго всталъ, и опустился на него.

— Дайте ему срокъ перевести духъ! — взмолился *maître* Фохтъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Бинтрей. — Я не знаю, какъ онъ имъ пользуется, если я дамъ ему сго. — Онъ снова повернулся къ Обенрейцеру и продолжалъ: — Я долженъ передъ самимъ собой, — произнесъ онъ, — я не допускаю, обратите на это вниманіе, чтобы долженъ былъ сдѣлать это *передъ вами* — объяснить свое участіе во всемъ этомъ и изложить все, что было сдѣлано по моему совѣту и подъ моей исключительной отвѣтственности. Можете вы меня выслушать?

— Я могу васъ выслушать.

— Припомните то время, когда вы отправились въ Швейцарію съ мистеромъ Вендэлемъ, — началъ Бинтрей. — Не прошло еще двадцати четырехъ часовъ съ того момента, какъ вы покинули Англію, какъ ваша племянница совершила такой актъ благодарумія, котораго не могла предвидѣть даже ваша проникательность. Она послѣдовала за своимъ нареченнымъ супругомъ въ его путешествіи, не испросивъ ни у кого ни совѣта, ни разрѣшенія, не выбравъ для своей защиты лучшаго спутника, чѣмъ погребщикъ изъ заведенія мистера Вендэля.

— Для чего она послѣдовала за мной въ путешествіе и какъ это случилось, что погребщикъ оказался тѣмъ лицомъ, которое отправилось съ нею?

— Она послѣдовала за вами въ путешествіе, — отвѣчалъ

Бинтрей, — потому, что подозрѣвала, что произошло какое-то серьезное столкновение между вами и мистеромъ Вендэлемъ, которое держалось отъ нея въ секретѣ и потому, что она совершенно правильно считала васъ способнымъ на преступленіе ради своихъ интересовъ или ради удовлетворенія своей вражды. Что же касается погребщика, то онъ былъ единственнымъ изъ всѣхъ другихъ служащихъ въ заведеніи мистера Вендэля, къ кому она обратилась (едва вы уѣхали), чтобы узнать, не случилось ли чего между его хозяиномъ и вами. Одинъ только погребщикъ могъ рассказать ей кое-что. Безмысленное суевѣріе и совершенно обыкновенный случай, происшедшій съ его хозяиномъ въ хозяйскомъ же погребѣ, соединились въ умѣ этого человѣка съ мыслью о томъ, что мистеру Вендэлю грозитъ опасность быть убитымъ. Ваша племянница захватила его врасплохъ и довела до такого признанія, которое увеличило въ десять разъ овладѣніе ею страхомъ. Понявъ значеніе зла, которое онъ причинилъ, этотъ человѣкъ, по своему собственному побужденію, постарался загладить свою ошибку, поскольку это было въ его власти. „Если мой хозяинъ въ опасности, миссъ“, сказалъ онъ: „то мой долгъ послѣдовать также за нимъ, и болѣе, чѣмъ мой долгъ, позаботиться о васъ“. Оба они отправились вмѣстѣ, и вотъ впервые оказывается, что суевѣріе имѣетъ свои полезныя стороны. Оно укрѣпило вашу племянницу въ ея рѣшеніи предпринять эту поѣздку и оно повело къ спасенію человѣческой жизни. До сихъ поръ вы меня понимаете?

— До сихъ поръ я васъ понимаю.

— О томъ преступленіи, которое вы совершили, — продолжалъ Бинтрей, — я получилъ первыя свѣдѣнія отъ вашей племянницы, написавшей мнѣ письмо. Вамъ достаточно будетъ узнать, что ея любовь и смѣлость помогли ей найти тѣло вашей жертвы и поддерживали ея дальнѣйшія усилія, съ помощью которыхъ она вернула его къ жизни. Въ то время, какъ онъ лежалъ подъ ея печеніемъ безпомощный въ Бригѣ, она написала мнѣ, чтобы я пріѣхалъ къ нему. Прежде чѣмъ уѣхать, я увѣдомилъ мадамъ Доръ, что мнѣ извѣстно, гдѣ находится миссъ Обенрейцеръ и что она въ безопасности. Въ свою очередь мадамъ Доръ увѣдомила меня, что на имя вашей племянницы прибыло письмо, написанное вашей рукой, которую она узнала. Я взялъ его съ собой и распорядился пересылать всѣ другія письма, которыя могли придти. Пріѣхавъ въ Бригъ, я нашелъ мистера Вендэля внѣ опасности и немедленно же рѣшилъ посвятить свои силы на то, чтобы ускорить наступленіе того дня, въ который можно было бы свести съ вами счеты. Дефренъ и К^о выпроводили васъ отъ себя на основаніи подозрѣнія, дѣйствуя при этомъ въ силу увѣдомленія, присланнаго частнымъ образомъ мною. Послѣ того, какъ съ васъ

была сорвана ваша фальшивая личина, оставалось сдѣлать дальнѣйшій шагъ и лишить васъ вашей власти надъ племянницей. Чтобы добиться этого, я не только не испытывалъ ни малѣйшаго угрызения совѣсти, роя подъ вашими ногами яму, куда вы должны были свалиться во мракъ, но даже чувствовалъ нѣкоторое профессиональное удовольствіе, побивая васъ вашимъ же собственнымъ оружіемъ. По моему совѣту отъ васъ заботливо скрывали истину до сегодняшняго дня. По моему совѣту ловушка, въ которую вы попались, была подставлена для васъ именно здѣсь (теперь вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, для чего это было сдѣлано). Было всего только одно вѣрное средство лишить васъ того дьявольскаго самообладанія, которое до сихъ поръ дѣлало изъ васъ страшнаго человѣка. Это средство было испробовано и (смотрите на меня, какъ вамъ угодно) оно оказалось удачнымъ. Последнее, что останется еще сдѣлать,—заклучить Бинтрей, доставая двѣ небольшихъ уже написанныхъ бумаги изъ своего ящика съ письмами, — это освободить вашу племянницу. Вы покушались на убійство и совершили подлогъ и воровство. Въ обоихъ случаяхъ у насъ пртивъ васъ уже имѣются улики. Если вы будете признаны виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ, то вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что станется съ вашей властью надъ вашей племянницей. Лично я предпочелъ бы воспользоваться именно такимъ оборотомъ дѣла. Но меня удерживаютъ отъ этого такія соображенія, противъ которыхъ я не въ силахъ возражать, и наше свиданіе должно окончиться, какъ я уже говорилъ вамъ, компромиссомъ. Подпишите эту бумагу, въ которой вы отказываетесь отъ всякой власти надъ миссъ Обенрейцеръ и ручаетесь, что никогда не появитесь снова ни въ Англии, ни въ Швейцаріи. Я же подпишу прощеніе, которое обезпечиваетъ васъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ преслѣдованій съ нашей стороны.

Обенрейцеръ молча взялъ перо и подписалъ отказъ отъ своихъ правъ надъ племянницей. Получивъ взамѣнъ прощеніе, онъ всталъ съ мѣста, но не дѣлалъ никакихъ движеній, чтобы покинуть комнату. Онъ стоялъ, устремивъ взоръ на *maître'a* Фохта со странной усмѣшкой, зазмѣившейся на его губахъ и со страннымъ блескомъ, свѣтящимся сквозь пелену, застилавшую его глаза.

— Чего вы ждете?—спросилъ Бинтрей.

Обенрейцеръ указалъ на коричневую дверь.

— Позовите ихъ обратно,—отвѣчалъ онъ.—Мнѣ нужно нѣчто сказать въ ихъ присутствіи, прежде чѣмъ я уйду.

— Скажите это мнѣ,—возразилъ Бинтрей.—Я отказываюсь звать ихъ обратно.

Обенрейцеръ повернулся къ *maître'у* Фохту.

— Помните, вы говорили мнѣ, что у васъ былъ когда-то клиентъ англичанинъ по имени Вендэль?—спросилъ онъ.

— Ну, ладно,—отвѣчалъ нотаріусъ.—Что же изъ этого?

— Maître Фохтъ, ваши часы-замокъ измѣнили вамъ.

— Что вы хотите сказать?

— Я прочиталъ письма и удостовѣренія, лежавшія въ ящикѣ вашего кліента. Я снялъ съ нихъ копии. Я принесъ копии съ собою сюда. Достаточно или нѣтъ эта причина, чтобы позвать ихъ обратно?

Цѣлую минуту нотаріусъ смотрѣлъ растерянно то на Обенрейцера, то на Бинтрея въ безпомощномъ удивленіи. Придя въ себя, онъ отвелъ въ сторону своего коллегу-юриста и быстро сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ.

Лицо Бинтрея—которое сперва вѣрно отразило удивленіе, выразившееся на лицѣ maître'a Фохта — внезапно измѣнило свое выраженіе. Однимъ прыжкомъ онъ ринулся съ ловкостью молодого человѣка къ двери, ведущей въ слѣдующую комнату, вошелъ въ нее, пробылъ тамъ одно мгновеніе и вернулся въ сопровожденіи Маргариты и Вендэля.

— Ну, мистеръ Обенрейцеръ,—сказалъ Бинтрей,—последній ходъ въ игрѣ остается за вами. Дѣлайте его.

— Прежде чѣмъ отказаться отъ своего положенія въ качествѣ опекуна этой дѣвицы,—сказалъ Обенрейцеръ,—мнѣ нужно разоблачить одну тайну, въ которой она заинтересована. Дѣлая свое разоблаченіе, я вовсе не претендую на ея вниманіе къ такому разсказу, который она или кто другой изъ здѣсь присутствующихъ должны будутъ принять на вѣру. У меня имѣются письменныя доказательства, копии съ оригиналовъ, подлинность которыхъ можетъ удостовѣрить самъ maître Фохтъ. Запомните это и позвольте мнѣ перенести васъ сразу къ давно прошедшему времени—къ февралю мѣсяцу тысяча восемьсотъ тридцать шестого года.

— Забудьте эту дату, мистеръ Вендэль,—сказалъ Бинтрей.

— Мое первое доказательство,—началъ Обенрейцеръ, вынимая изъ своей записной книжки бумагу.—Это копія съ письма, написаннаго одной англичанкой (замужней) своей сестрѣ—вдовѣ. Обѣ имѣи особы, написавшей письмо, я умоляю, пока не дойду до конца. Имя же особы, которой письмо написано я хочу обнаружить. Оно адресовано: „Миссисъ Джэнтъ Аннѣ Миллеръ, Грумбриджскіе Колодцы, Англія“.

Вендэль вздрогнулъ и открылъ ротъ, чтобы заговорить. Бинтрей сейчасъ же остановилъ его, какъ останавливалъ maître'a Фохта.

— Нѣтъ,—сказалъ упрямый юристъ.—Предоставьте это мнѣ.

Обенрейцеръ продолжалъ далѣе:

— Не стоитъ беспокоить васъ первой половиной письма,—сказалъ онъ.—Я могу передать содержаніе ея въ двухъ словахъ. Положеніе автора письма въ это время таково. Она уже долго живетъ

въ Швейцаріи со своимъ мужемъ—вынужденная жить здѣсь ради его здоровья. Они собираются черезъ недѣлю переѣзжать въ новое свое мѣстожителство, на Невшатальское озеро, и будутъ въ это время приняты миссисъ Миллеръ черезъ двѣ недѣли съ этого времени. Послѣ этого, авторъ вводитъ далѣе въ важные интимныя подробности. Она бездѣтна въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и у нея съ мужемъ теперь уже нѣтъ никакой надежды имѣть дѣтей; они одиноки; имъ нуженъ какой-нибудь интересъ въ жизни; они рѣшили усыновить ребенка. Тутъ начинается важная часть письма, и поэтому отсюда я буду читать его вамъ слово въ слово.

Онъ перевернулъ первую страницу письма и сталъ читать слѣдующее:

„...Не посодѣйствуешь ли ты намъ, моя дорогая сестра, въ осуществленіи нашего новаго проекта? Будучи англичанами, мы хотимъ усыновить англійское дитя. Мнѣ кажется, что это можно сдѣлать въ Воспитательномъ Домѣ: повѣренные моего мужа въ Лондонѣ объяснятъ тебѣ, какимъ образомъ. Предоставляю выборъ тебѣ, но только съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ условий: ребенокъ долженъ быть мальчикомъ, не старше одного года. Пожалуйста, извини за безпокойство, которое я тебѣ причиняю своей просьбой. Не привезешь ли ты наше усыновленное дитя къ намъ вмѣстѣ со своими ребятами, когда поѣдешь въ Невшаталь?

„Я должна добавить еще нѣсколько словъ относительно желаній моего мужа, относящихся къ этому дѣлу. Онъ рѣшилъ уберечь ребенка, котораго мы дѣлаемъ своимъ собственнымъ, отъ какихъ бы то ни было огорченій и потери самоуваженія въ будущемъ, что могло бы произойти благодаря открытію его настоящаго происхожденія. Онъ будетъ носить имя моего мужа и будетъ воспитанъ въ увѣренности, что онъ, дѣйствительно, нашъ сынъ. Его право на унаслѣдованіе всего того, что мы ему оставимъ, будетъ обезпечено за нимъ не только согласно англійскимъ законамъ, касающимся такихъ случаевъ, но также и согласно швейцарскимъ законамъ, такъ какъ мы прожили столь долго въ Швейцаріи, что возникаетъ вопросъ, нельзя ли насъ разсматривать въ качествѣ лицъ, „водворенныхъ“ въ этой странѣ. Остается принять только единственную предосторожность, чтобы предупредить всякое послѣдующее раскрытіе тайны въ Воспитательномъ Домѣ. Но на бѣду наша фамилія очень рѣдко встрѣчается, поэтому, если мы будемъ фигурировать въ книгахъ этого учрежденія въ качествѣ лицъ, усыновляющихъ ребенка, то какъ разъ и можетъ случиться, что отъ этого произойдутъ тѣ или иныя нежелательныя послѣдствія. Твоя же фамилія, моя дорогая, такая фамилія, которую носятъ тысячи другихъ лицъ. Поэтому, если ты согласишься фигурировать въ книгахъ, то можно не бояться никакихъ разоблаченій съ этой стороны. Мы переѣзжаемъ по приказанію доктора въ

такую часть Швейцаріи, гдѣ наши домашнія дѣла совершенно неизвѣстны, а ты, какъ я поняла изъ твоихъ словъ, собираешься нанять новую няньку для поѣздки, когда вы тронетесь въ путь, чтобы посѣтить насъ. При такихъ обстоятельствахъ можетъ показаться, что это мой ребенокъ, котораго везутъ ко мнѣ подъ покровеніемъ моей сестры. Единственная прислуга, которую мы беремъ съ собой отсюда—моя собственная горничная, на которую можно смѣло положиться. Что же касается юристовъ въ Англіи и Швейцаріи, то они уже по профессіи хранители секретовъ, и мы можемъ чувствовать себя совершенно спокойными въ этомъ отношеніи. Вотъ тебѣ и весь нашъ маленькій пезинный заговоръ! Письмо, моя любимая, съ обратной почтой и сообщи мнѣ, что ты примешь въ немъ участіе“.

— Вы все еще скрываете имя автора этого письма?—спросилъ Вендэль.

— Я прибегну къ имени автора до конца,—отвѣтилъ Обенрейцеръ,—и перехожу къ своему второму доказательству—на этотъ разъ это, какъ вы видите, всего только къ бумажкѣ въ нѣсколько строкъ. Это меморандумъ, переданный швейцарскому юристу, составившему документы, на которые есть ссылка въ только что прочитанномъ мною письмѣ, написанный въ такихъ выраженіяхъ: „Принять отъ Англійскаго Воспитательнаго Дома для подкидышей 3-го марта 1836 г. младенецъ мужескаго пола, названный въ Заведеніи Вальтеромъ Уайльдингомъ. Лицо, фигурирующее въ книгахъ въ качествѣ усыновителя ребенка—миссисъ Джэнь Анна Миллеръ, вдова, дѣйствующая въ данномъ случаѣ отъ имени своей замужней сестры, водворившейся въ Швейцаріи“. Терпѣніе!—замѣтилъ Обенрейцеръ, когда Вендэль, отмахнувшись отъ Бинтрея, вскочилъ на ноги.—Я не буду долго скрывать имени. Еще двѣ маленькихъ бумажки, и я окончу. Третье доказательство! Удостовереніе доктора Ганца, еще до сихъ поръ практикующаго въ Невшателѣ, помѣченное июлемъ 1838 года. Докторъ удостовѣряетъ (вы можете сами сейчасъ же это прочесть), во-первыхъ, что онъ пользовалъ усыновленнаго ребенка во время его дѣтскихъ болѣзней; во-вторыхъ, что за три мѣсяца до времени выдачи этого удостовѣренія, джентльмэнъ, усыновившій ребенка, умеръ; въ-третьихъ, что *въ день* выдачи удостовѣренія вдова этого джентльмена и ея горничная, взявъ съ собой усыновленнаго ребенка, покинули Невшатель, чтобы вернуться въ Англію. Теперь остается прибавить къ этому еще одно звено, и моя цѣль доказательствъ будетъ закончена. Горничная оставалась у своей хозяйки до ея смерти, послѣдовавшей только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Горничная можетъ клятвенно завѣрить тождественность усыновленнаго ребенка отъ его дѣтства до юности, отъ его юности до возмужалости, въ какомъ возрастѣ онъ находится теперь. Вотъ ея ад-

ресь. Въ Англии—и вотъ, мистеръ Вендэль, четвертое и послѣднее доказательство!

— Почему вы обращаетесь ко *мнѣ*?—сказалъ Вендэль, когда Обенрейцеръ швырнулъ на столъ записанный адресъ.

Обенрейцеръ повернулся къ нему, охваченный внезапно безумнымъ торжествомъ.

— *Потому что вы этотъ человекъ!* Если моя племянница выйдетъ замужъ за васъ, то она выйдетъ за незаконнорожденнаго, вскормленнаго общественной благотворительностью. Если моя племянница выйдетъ за васъ, то она выйдетъ за самозванца безъ роду и племени, скрывающагося подъ личиною джентльмена хорошаго положенія и фамиліи.

— Bravo! — воскликнулъ Винтрей. — Удивительный выводъ, мистеръ Обенрейцеръ! Нужно только сказать еще пару словъ, чтобы дополнить его. Она выходитъ замужъ—исключительно благодаря вашимъ усиліямъ—за человѣка, получающаго въ наслѣдство недурное состояніе, за человѣка, происхожденіе котораго заставить его гордиться болѣе, чѣмъ когда-либо, своей крестьянкой женой. Джорджъ Вендэль, давайте поздравимъ другъ друга, какъ со душешрикачки! Послѣднее земное желаніе нашего дорого покойнаго друга исполнено. Мы нашли потеряннаго Вальтера Уайльдинга. Какъ только что сейчасъ сказалъ мистеръ Обенрейцеръ, вы этотъ человекъ!

Эти слова были оставлены Вендэлемъ безъ вниманія. Въ этотъ моментъ отъ былъ полонъ только однимъ чувствомъ, онъ слышалъ только одинъ голосъ. Рука Маргариты пожала его руку. Ея голосъ прошепталъ ему: „Я никогда не любила тебя, Джорджъ, такъ, какъ люблю теперь!“

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

Майскій день. Въ Углу Увѣчныхъ веселая сцена, каминны дымлетъ, патриархальная столовая увѣшана гирляндами, и миссисъ Гольдстроо, почтенная экономка, очень занята. Вѣдь, въ это ясное утро молодой хозяинъ Угла Увѣчныхъ женится на его молодой хозяйкѣ далеко отсюда, въ маленькомъ городкѣ Бригѣ въ Швейцаріи, лежащемъ у подножія Симплонскаго перевала, гдѣ она спасла ему жизнь.

Колокола весело звонятъ въ маленькомъ городкѣ Бригѣ, черезъ улицу протянуты флаги, слышны выстрѣлы изъ ружей и громкая музыка на духовыхъ инструментахъ. Разукрашенные флагами бочки съ виномъ выкачены подъ просторный тентъ на большой дорогѣ передъ гостиницей; тутъ будетъ шумный пиръ и угощеніе для всѣхъ и каждаго. вмѣстѣ съ этими колоколами и знаменами, драпировками, спускающимися изъ оконъ, раскатами выстрѣловъ и отзвуками духовой музыки волнуется весь маленькій городокъ Бригъ, какъ и сердца его простыхъ жителей.

Наканунѣ ночью была буря, и горы покрыты снѣгомъ. Но солнце сегодня ярко, мягкій воздухъ свѣжъ, оловянные шпицы маленькаго городка Брига блестятъ, какъ серебряные и Альпы похожи на отдаленныя альпы облака, вырисовывающіяся на фонѣ глубокой синевы неба.

Наивные жители маленькаго городка Брига построили черезъ улицу арку изъ зеленыхъ вѣтвей, подъ которой должна пройти съ триумфомъ изъ церкви только что повѣнчанная пара. Съ этой стороны на аркѣ сдѣлана надпись: „Честь и любовь Маргаритѣ Вендэль!“, потому что народъ гордится ею до энтузіазма. Всѣмъ страстно хочется сдѣлать сюрпризомъ такое привѣтствіе невѣстѣ подъ ея новымъ именемъ, и поэтому отдано распоряженіе, чтобы ее повели въ церковь окольными кривыми улицами, не объясняя причины этого. Планъ, который не трудно привести въ исполненіе въ маленькомъ извилистомъ городкѣ Бригѣ.

И вотъ, все готово, и они собираются идти пѣшкомъ. Въ лучшей празднично украшенной комнатѣ гостиницы собрались невѣста съ женихомъ, невшательскій нотаріусъ, лондонскій юристъ, мадамъ Доръ и нѣкій крупный таинственный англичанинъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ Зоя Ладелли. Посмотрите же на мадамъ Доръ, въ безукоризненной чистой парѣ собственныхъ перчатокъ,—она не поднимаетъ рукъ на воздухъ, но обвилась ими вокругъ шеи невѣсты; чтобы обнять ее, мадамъ Доръ, оставаясь вѣрной себѣ до конца, повернулась къ обществу своей широкой спиной.

— Простите меня, моя красавица,—жалобно просить мадамъ Доръ,—за то, что я всегда была ея кошкой!

— Кошкой, мадамъ Доръ?

— Обязанной сидѣть и караулить мою такую очаровательную мышку,—таково было объясненіе словъ мадамъ Доръ, сопровождаемое покаяннымъ всхлипываніемъ.

— Что вы говорите? Вѣдь вы были нашимъ лучшимъ другомъ! Джорджъ, моя радость, скажи же это мадамъ Доръ. Развѣ она не была нашимъ лучшимъ другомъ?

— Безъ сомнѣнія, моя любимая. Что бы мы дѣлали безъ нея?

— Вы оба такъ великодушны,—плачетъ мадамъ Доръ, утѣшаясь и немедленно снова предаваясь скорби.—Но я начала съ того, что была кошкой.

— Ахъ! Но словно кошка изъ волшебной сказки, добрая мадамъ Доръ,—говоритъ Вендэль, цѣлуя ее въ щеку,—вы были истинной женщиной. А въ качествѣ истинной женщины вы склонились въ симпатіяхъ своего сердца на сторону истинной любви.

— Я не желаю лишать мадамъ Доръ ея доли въ объятіяхъ, которыя все продолжаютъ,—вставилъ мистеръ Бинтрей съ часами въ рукахъ,—и не осмѣливаюсь мѣшать чѣмъ-нибудь тому, чтобы вы всѣ трое составили тамъ въ углу группу въ родѣ трехъ Грацій.

И только говорю, что, мнѣ думается, уже время двигаться. Каково *ваше* мнѣніе по данному вопросу, мистеръ Лэдль?

— Ясное, сэръ,—отвѣчаетъ Джоз, любезно оскаливъ зубы.— Я сталъ чувствовать себя гораздо лучше, сэръ, проживъ такъ много недѣль на поверхности. Я никогда раньше не бывалъ и вполонину такъ долго на поверхности, и это принесло мнѣ огромную пользу. Въ Углу Увѣчныхъ я бывалъ слишкомъ много подъ ней. На вершинѣ Симплетона я былъ гораздо много выше нея. Я нашелъ середину здѣсь, сэръ. И если я когда-нибудь буду ея придерживать въ теченіе всего остатка моихъ дней во время веселой пирушки, то это будетъ за тостомъ, и я думаю произнести его сегодня: „Дай мнѣ, Боже, обоимъ счастья!“

— Я тоже!—говоритъ Бинтрей.—А теперь, *monsieur* Фохтъ, давайте станемъ съ вами двумя марсельцами и *allons, marchons*, рука подъ руку!

Собравшіеся сходятъ внизъ къ дверямъ, гдѣ ихъ ждутъ всѣ, идутъ спокойно въ церковь и счастливый бракъ совершается. Когда церемонія еще продолжается, нотаріуса вызываютъ на улицу. Когда оно оканчивается, онъ возвращается, становится позади Вендэля и трогаетъ его за плечо.

— Выйдите на одинъ моментъ къ боковымъ дверямъ, *monsieur* Вендэль. Одинъ. Оставьте *madame* со мною.

У боковыхъ дверей церкви уже извѣстные памъ два человѣка изъ Страннопріимнаго дома. Они въ снѣгу и утомлены отъ дороги. Они желаютъ ему счастья и затѣмъ каждый кладетъ свою широкую руку на плечо Вендэля и одинъ изъ нихъ говоритъ ему тихимъ голосомъ въ то время, какъ другой пристально смотритъ на него:

— Онъ здѣсь, *monsieur*. Ваши носилки, тѣ-же самыя.

— Мои носилки здѣсь? Почему?

— Те!... Ради вашей супруги. Вашъ тогдашній спутникъ...

— Что съ нимъ?

Говорившій взглядываетъ на своего товарища, а тотъ на него.

Оба продолжаютъ держать свои руки на плечахъ Вендэля.

— Онъ прожилъ нѣсколько дней въ первомъ убѣжищѣ, *monsieur*. Погода была то хорошая, то плохая.

— И что же?

— Онъ прибылъ въ нашъ Страннопріимный домъ третьяго дня, подкрѣпилъ силы, соснувъ на полу передъ очагомъ, закутавшись въ свой плащъ, и рѣшилъ идти далѣе до наступленія темноты въ слѣдующій Страннопріимный домъ. Онъ очень боялся этой части пути и думалъ, что на завтра она будетъ еще хуже.

— Ну?

— Онъ пошелъ дальше одинъ. Онъ прошелъ галлерейю, когда лавина—въ родѣ той, которая упала позади васъ близъ Гантеровскаго моста...

— Убила его?

— Мы отрыли его задохшимся и совершенно истерзаннымъ въ клочки! Но, monsieur, относительно madame. Мы принесли его сюда на носилкахъ, чтобы похоронить. Мы должны подняться по улицѣ съ той стороны. Madame не должна видѣть. Будетъ очень нехорошо пронести посылки подъ аркой, перекинутой черезъ улицу, пока madame не пройдетъ подъ ней. Когда вы будете спускаться, мы всѣ, сопровождающіе посылки, опустимъ ихъ внизъ на камни второй улицы по правую руку и станемъ передъ ними. Но не позволяйте madame поворачивать голову по направленію ко второй улицѣ справа. Уже нельзя терять времени. Madame будетъ встревожена вашимъ отсутствіемъ. Adieu!

Вендэль возвращается къ новобрачной и беретъ ея руку подъ свою неизувѣченную руку. У главныхъ дверей церкви ихъ ожидаетъ красивая процессія. Они занимаютъ въ ней свое мѣсто и спускаются внизъ по улицѣ среди звона колоколовъ, выстрѣловъ изъ ружей, развѣвающихся флаговъ, звуковъ музыки, восклицаній, улыбокъ и слезъ взволнованнаго города. Головы обнажаются, когда она проходитъ, ей цѣлуютъ руки, всѣ благословляютъ ее. — „Пусть поконтся благословеніе Небесъ на этой милой дѣвушкѣ. Смотрите, какъ она идетъ въ сіяніи своей молодости и красоты; она, которая такъ благородно спасла ему жизнь!“

Около угла второй улицы справа онъ заговариваетъ съ ней и обращаетъ ея вниманіе на окна на противоположной сторонѣ. Когда уголъ благополучно пройденъ, онъ говоритъ: „Не оглядывайся, моя любовь, я имѣю нѣкоторыя основанія просить тебя объ этомъ“, — и самъ оборачивается. Тогда, бросивъ взглядъ назадъ вглубь улицы, онъ видитъ, что люди съ носилками поднимаются одиноко подъ аркой въ то время, какъ онъ съ Маргаритой и ихъ свадебный кортежъ спускаются внизъ къ сіяющей долигѣ.

БОРДИНГЪ-ГАУЗЪ *)

Переводъ А. Н. Линдегрень.

I.

Миссисъ Тиббсъ, безспорно, была самой опрятной, расторопной, домовитой маленькой особой, какая когда-либо дышала лондонскою копотью, а ея жилище рѣшительно бросалось въ глаза своею чистотой на всемъ протяженіи Большого Коремъ-стрита. Дворъ и надворная лѣстница, парадный входъ и парадное крыльцо, мѣдная дверная ручка и дверная дощечка, молотокъ и полуокруглое окно надъ дверью были такъ чисты и блестящи, какъ только можно этого достигнуть съ помощью неутомимаго мытья, чистки кирпичемъ, скребленія и протиранья. Удивительно, что мѣдная дощечка съ интересной надписью „миссисъ Тиббсъ“ не загорѣлась когда-нибудь отъ тренія, до такой степени усердно ее полировали. Въ окнахъ столовой были рѣшетчатые ставни, какъ въ кладовыхъ для мяса, синія занавѣски съ золотыми разводами висѣли въ гостиной и шторы съ пружиннымъ валъкомъ „въ любой изъ комнатъ“, какъ имѣла привычку хвастаться въ гордости своего сердца миссисъ Тиббсъ. Стелянный колпакъ на лампѣ въ сѣняхъ соперничалъ въ прозрачности съ мыльнымъ пузыремъ, въ каждый столъ можно было глядѣться, какъ въ зеркало, и отполироваться самому на лобомъ стулѣ. Деревянные перила лѣстницы ложили воскомъ, и даже мѣдные прутья, придерживавшіе коверъ на ступеняхъ, заставляли васъ жмурить глаза своимъ ослѣпительнымъ блескомъ.

Миссисъ Тиббсъ была невысока ростомъ, да и супругъ ея не отличался крупными размѣрами. Вдобавокъ ноги у него были несообразно коротки, за то лицо необычайно длинно. Относительно своей жены онъ игралъ роль нуля въ 90: этотъ почтенный джентльменъ имѣлъ нѣкоторое значеніе при ней и превращался въ ничто безъ нея. Миссисъ Тиббсъ говорила безъ умолку. Мистеръ Тиббсъ говорилъ рѣдко, но чуть представлялась возможность вста-

*) Названіе мебелированныхъ помѣщеній въ Англии съ общимъ семейнымъ столомъ, общей гостиной и проч.

Прим. перев.

вить слово, какъ онъ спѣшилъ воспользоваться ею совершенно некстати, когда ему слѣдовало бы промолчать. Миссисъ Тиббсъ терпѣть не могла длинныхъ разсказовъ, а у мистера Тиббса былъ одинъ такой, окончанія котораго никогда не доводилось слышать даже его закадычнымъ пріятелиамъ. Онъ обыкновенно начинался такими словами: „Помию, когда я служилъ въ корпусѣ волонтеровъ въ тысяча восемьсотъ шестомъ году...“ Но такъ какъ мистеръ Тиббсъ говорилъ очень вяло и тихо, а его лучшая половина чрезвычайно быстро и громко, то ему рѣдко удавалось переступить за это предисловіе. Онъ являлъ собою печальный образецъ разсказчика, подобіе карикатурнаго Вѣчнаго Жида, странствующаго безъ цѣли и предѣла.

Мистеръ Тиббсъ пользовался маленькимъ обезпеченіемъ подъ видомъ пенсіи въ размѣрѣ 43 фунтовъ стерлинговъ, 15 шиллинговъ и 10 пенсовъ въ годъ. Его отецъ, мать и пятеро интересныхъ отпрысковъ того же древа получали одинаковую сумму изъ доходовъ признательнаго отечества невѣдомо за какую особенную заслугу. Но такъ какъ упомянутаго обезпеченія не хватало на то, чтобъ снабдить *всѣми* благами земной жизни двоихъ существъ, то дѣятельной маленькой супругѣ Тиббса пришло на умъ, что самое лучшее употребленіе, какое она можетъ сдѣлать изъ полученнаго ею наслѣдства въ 700 фунтовъ, это снять и обставить сносный домикъ-особнякъ для отдачи внаймы жильцамъ гдѣ-нибудь въ той излюбленной мѣстности, которая простирается между Британскимъ Музеемъ и отдаленной деревней, носящей названіе Сомерсъ-Тауна. Выборъ миссисъ Тиббсъ остановился на Большомъ Коремъ-стритѣ. Найденный здѣсь домъ былъ обставленъ сообразно своему назначенію, послѣ чего хозяйка наняла двухъ служанокъ и мальчика, а затѣмъ помѣстила въ утреннихъ газетахъ объявленіе, извѣщавшее публику, что „шесть особъ могутъ найти всѣ удобства веселаго музыкальнаго жилища въ семействѣ, принадлежащемъ къ избранному обществу и помѣщающемся въ десяти минутахъ ходьбы отъ...“ отовсюду. Безчисленные отвѣты были получены подъ всевозможными инициалами, точно всѣ буквы алфавита почувствовали внезапное желаніе отправиться на поиски мебелированныхъ комнатъ и квартиръ; обширная переписка возникла между миссисъ Тиббсъ и нанимателями, при чемъ соблюдалась глубочайшая тайна. „Е.“ терпѣть не могъ того-то, „І.“ не рѣшался помириться съ тѣмъ-то; І. О. У. не надѣялся, что условія окажутся для него подходящими, тогда какъ Г. Р. никогда не спалъ на металлическихъ кроватяхъ. Въ результатѣ, однако, трое джентльменовъ сдѣлались постояльцами миссисъ Тиббсъ на условіяхъ, „пріятныхъ для обѣихъ сторонъ“. Вышло новое объявленіе, и одна леди съ двумя дочерьми предложила увеличить... не ихъ семейство, но число домашнихъ миссисъ Тиббсъ.

— Прелестная женщина эта миссис Мепльсонъ!—сказала хозяйка, когда сидѣла съ мужемъ у камина послѣ завтрака, тогда какъ ея постояльцы разошлись по своимъ дѣламъ.—Право, премилая!—повторила она просто ради разговора, а не съ какою-либо цѣлью, потому что ей никогда не приходило въ голову спрашивать совѣта мужа.—А обѣ дочки восхитительны. Не мѣшаетъ приготовить сегодня какое-нибудь рыбное блюдо: вѣдь, онѣ въ первый разъ будутъ обѣдать за нашимъ столомъ.

Мистеръ Тиббсъ поставилъ бочергу подѣ прямымъ угломъ къ лопаткѣ для выгребанія золы и пытался заговорить, но во-время вспомнилъ, что ему нечего сказать.

— Молодые дѣвицы,—продолжала его жена,—любезно согласились привести собственное фортепіано.

Тиббсу пришла на умъ исторія съ волонтерами, однако, онъ не рискнулъ выступить съ нею. Тутъ его озарила свѣтлая мысль.

— Весьма возможно...—произнесъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе, не прислоняйся головой къ обоямъ,—перевела его супруга,—да не клади ногъ на стальную каминную рѣшетку,—это еще того хуже.

Хозяинъ дома послушно отстранялъ голову отъ обоевъ, снялъ ноги съ каминной рѣшетки и продолжалъ:

— Весьма возможно, что одна изъ молодыхъ дѣвицъ пригласится молодому мистеру Симпсону, а тамъ скорехонько честнымъ пирумъ да и за свадебку...

— Что такое?—возопила миссисъ Тиббсъ.

Мужъ скромно повторилъ свое предположеніе.

— Прошу покорно не говорить подобныхъ вещей,—изрекла миссисъ Тиббсъ.—Ишь что выдумалъ, свадебка! Отнимать у меня жильцовъ! Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!

Тиббсъ подумалъ про себя, что тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но такъ какъ онъ никогда не спорилъ съ женой, то и положилъ конецъ разговору, замѣтивъ, что ему пора на занятія. Онъ всегда уходилъ изъ дома въ десять утра и возвращался въ пять вечера съ крайне грязнымъ лицомъ и запахомъ плѣсени. Никто рѣшительно не зналъ, чѣмъ занимается мистеръ Тиббсъ или куда онъ ходитъ, но миссисъ Тиббсъ говорила всегда съ необычайно важной миной, что ея мужъ служитъ въ Сити.

Обѣ миссъ Мепльсонъ со своею превосходной маменькой прибыли послѣ полудня въ наемной каретѣ въ сопровожденіи изумительнаго количества поклажи. Сундуки, картонки съ шляпами, муфтами, зонтики, футляры съ гитарами и свертки всевозможной формы, упакованные въ коричневую бумагу и зашпиленные булавками, загромождали сѣни. Тутъ поднялась такая бѣготня сверху внизъ и обратно съ привезенными пожитками, такое снованье съ горячей водой для умыванья повоприбывшихъ лэди, съ кале-

ными щипцами для завивки ихъ волосъ, такая сутолока, такое смятеніе и суета прислуги, какихъ никогда не видавали прежде на Большомъ Коремъ-стритѣ. Маленькая миссисъ Тиббсъ была совершенно въ своей стихіи, посялъ по своему дому, распорядясь, болтая безъ умолку, выдавая полотепца и мыло, точно больничная кастильяша. Обычная тишина и спокойствіе водворились въ мирномъ жилищѣ не раньше того, какъ пріѣзжія лэди благополучно разошлись, наконецъ, по своимъ спальнямъ, чтобъ, затворившись у себя, серьезно заняться одѣваньемъ къ обѣду.

— А красивы эти дѣвушки?—спросилъ мистеръ Симпсонъ мистера Септимія Гиккса, другого постояльца, когда они развлекались передъ обѣдомъ въ гостиной, валяясь по диванамъ и созерцаая свои бальвые башмаки.

— Право, не знаю, — отвѣчалъ мистеръ Септимій Гикксъ, долговязый, блѣднолицый субъектъ въ очкахъ, съ черной ленточкой на шеѣ, замѣнившей ему галстухъ, — личность весьма интересная.

Обладая поэтической жилкой, онъ любилъ странствовать по больницамъ и пользовался репутацией „весьма даровитаго молодого человѣка“. У него была страсть приплетать къ разговору всевозможные отрывки изъ „Донъ-Жуана“, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, подходятъ ли они къ данному случаю, и обнаруживая замѣчательную независимость по этому пункту. Собесѣдникъ его, мистеръ Симпсонъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые играютъ въ обществѣ роль статистовъ на сценѣ, только онъ былъ несравненно менѣе искусенъ по своей специальности, чѣмъ самый заурядный актеръ. Голова его была пуста, какъ большой колоколъ на соборѣ св. Павла. Одѣвался онъ всегда по карриатурамъ, выходящимъ ежемѣсячно въ модныхъ журналахъ, и слово характеръ писалъ съ буквы „к“.

— Я видѣлъ чортову пропасть поклажи въ сѣняхъ, когда вернулся домой, — съ глухой улыбкой замѣтилъ мистеръ Симпсонъ.

— Туалетныя принадлежности, должно быть, — вставилъ усердный читатель „Донъ-Жуана“.

Вѣлье, и масса кружевъ и чулокъ
Пантофель, щетокъ гребешковъ
И прочей туалетной обстановки дамъ,
Служащей ихъ красѣ и молодымъ годамъ *).

— Это изъ Мильтона?—полюбопытствовалъ мистеръ Симпсонъ.

— Нѣтъ, изъ Байрона, — возразилъ мистеръ Гикксъ съ презрительнымъ видомъ. Онъ не могъ ошибиться на счетъ автора, потому что никогда не читалъ другого. — Тсс!.. Вотъ идутъ дѣвицы! — и молодые люди, какъ ни въ чемъ не бывало, заговорили между собою очень громко.

*) „Донъ-Жуанъ“, пѣснь I.

— Миссисъ Мепльсонъ и миссъ Мепльсонъ, мистеръ Гиккъсъ. Мистеръ Гиккъсъ, миссисъ Мепльсонъ и миссъ Мепльсонъ,—сказала миссисъ Тиббсъ съ сильно раскраснѣвшимся лицомъ, такъ какъ она руководила кудинарными операціями на кухнѣ внизу и смахивала теперь на восковую куклу въ солнечный день.—Мистеръ Симсонъ, прошу извиненія—мистеръ Симсонъ—миссисъ Мепльсонъ и миссъ Мепльсонъ и vice versa. Джентльмены тотчасъ принялись скользить по комнатѣ, подходи поочередно къ каждой дамѣ, чтобъ раскланяться съ самой изысканной любезностью, при чемъ у нихъ былъ такой видъ, точно они желали бы превратить въ ноги свои руки, которые эти бѣдные молодые люди рѣшительно не знали, куда дѣвать. Лэди улыбались имъ, присѣдали, скользили въ кресла и ныряли за оброненными носовыми платочками. Джентльмены прислонились къ розеткамъ портьеръ. Миссисъ Тиббсъ продолжалась при этомъ замѣчательно искусно серьезную пантомиму съ кухаркой, пришедшей спросить кое-что насчетъ соуса къ рыбѣ. При видѣ ея гримасъ и жестовъ молодья дѣвицы переглянулись между собою, тогда какъ остальная компанія словно открыла нѣчто весьма привлекательное въ узорахъ каминной рѣшетки.

— Джулія, радость моя,—обратилась миссисъ Мепльсонъ къ своей младшей дочери настолько громко, что всѣ присутствующіе могли слышать ея рѣчь,—Джулія!

— Что, мама?

— Не горбись.

Это было сказано съ цѣлю обратить вниманіе постороннихъ на фигуру миссъ Юліи, отличавшуюся безспорной стройностью. Разумѣется, всѣ невольно посмотрѣли на нее, послѣ чего наступила новая пауза въ разговорѣ.

— Представьте себѣ,—обратилась тутъ миссисъ Мепльсонъ конфиденціальнымъ тономъ къ хозяйкѣ дома,—сегодня намъ попался ужасно грубый извозчикъ.

— Какая досада!—тономъ глубокаго сочувствія подхватила миссисъ Тиббсъ.

Она не успѣла добавить ни слова, потому что въ дверяхъ появилась опять служанка, подававшая отчаянные знаки своей госпожѣ.

— Всѣ извозчики, вообще, грубіяны, — замѣтилъ мистеръ Гиккъсъ самымъ вкрадчивымъ тономъ.

— Положительно такъ,—отвѣчала миссисъ Мепльсонъ, точно эта мысль никогда не приходила раньше ей въ голову.

— Ну и кэмбены *) не уступятъ имъ,—вмѣшался мистеръ Симсонъ.

---

*) Извозчики, ѣздящіе въ кэбахъ—подобія крытыхъ пролетокъ съ кучерскимъ сидѣньемъ свади.

— Это вышло совсѣмъ некстати, потому что никто изъ присутствующихъ не обнаружилъ ни словомъ, ни жестомъ своего малѣйшаго знакомства съ обычаями и поведеніемъ кэбменомъ.

— Что вамъ нужно, Робинсонъ?—обратился тутъ миссисъ Тиббсъ къ служанкѣ, которая, желая дать знать хозяйкѣ о своемъ присутствіи, уже минутъ пять громко покашливала и фыркала носомъ за дверью.

— Смѣю сказать, сударыня, хозяинъ спрашиваетъ себѣ чистое бѣлье,—брикнула Робинсонъ, застигнутая врасплохъ.

Молодые люди отвернулись къ окну и „прыснули“, точно двѣ бутылки съ имбирнымъ ливомъ; дѣвицы прижали къ губамъ носовые платочки, а маленькая миссисъ Тиббсъ выскочила опрометью изъ комнаты, чтобъ дать мужу чистое бѣлье, а служанкѣ хорошіе нагоний. Вскорѣ послѣ того появился третій постоялецъ, мистеръ Кэльтонъ, обнаружившій большое умѣнье оживить разговоръ. Мистеръ Кэльтонъ былъ престарѣлымъ щеголемъ и холостякомъ. Онъ обыкновенно говорилъ о себѣ, что хотя его черты не отличались безусловной красотой, но производили поразительное впечатлѣніе. Это не подлежало спору. Невозможно было взглянуть на его лицо, чтобъ не вспомнить аляповатаго молотка у наружной двери съ рукояткой, изображавшей не то льва, не то обезьяну; это сравненіе подходило также и къ его характеру, и къ разговору. Кэльтонъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, когда все прочее двигалось впередъ. Онъ никогда не затѣвалъ самъ разговора, не пускалъ въ ходъ идеи, ко едва заходила рѣчь о какомъ-нибудь избитомъ предметѣ, какъ онъ принимался тараторить съ поразительной быстротой, словно заведенная машина. Порою съ нимъ дѣлался приступъ болѣзненнаго „тика“ въ головѣ и тогда онъ, такъ сказать, унимался, потому что производилъ меньше шума, чѣмъ въ обыкновенное время, когда этотъ почтенный субъектъ былъ способенъ трещать до одури объ одномъ и томъ же. Онъ никогда не былъ женатъ, но до сихъ поръ высматривалъ себѣ невѣсту съ приданымъ. Мистеръ Кэльтонъ имѣлъ до трехсотъ фунтовъ стерлинговъ годовой пожизненной ренты, отличался крайнимъ тщеславіемъ и необычайнымъ эгоизмомъ. Онъ слылъ человѣкомъ образцовой учтивости, и его можно было видѣть ежедневно гуляющихъ въ Паркѣ и по Реджентъ-стриту.

Этотъ почтенный джентльменъ поставилъ себѣ задачей плѣнить свою любезностью миссисъ Мепльсонъ; собственно говоря, желаніе понравиться распространилось на все собравшееся общество. Дѣло въ томъ, что миссисъ Тиббсъ придумала, какъ ей казалось, весьма ловкій дипломатическій маневръ, увѣривъ своихъ постояльцевъ, будто бы у нея есть причины считать новыхъ жилищъ очень богатыми, а новоприбывшимъ лэди намекнувъ, что всѣ ея постояльцы завидные женихи. Маленькое ухаживанье съ одной стороны и кокетство съ другой,—по ея соображеніямъ, обѣщали при-

дать веселье ея дому, способствуя тому, чтобъ онъ не пустовалъ, и не приводя ни къ какимъ инымъ послѣдствіямъ.

Миссисъ Мепльсонъ была предприимчивая вдовушка лѣтъ пятидесяти, хитрая, тонкая интриганка пріятной наружности. Она выказывала милую заботливость о дочеряхъ, въ доказательство чего говаривала обыкновенно, что не прочь вторично выйти замужъ, еслибъ это послужило на пользу ея „дорогимъ дѣвочкамъ“—другого повода къ новому супружеству у нея рѣшительно не было. „Милыя дѣвочки“ со своей стороны не были равнодушны къ годамъ „хорошей партіи“. Одной изъ нихъ стукнуло уже двадцать пять лѣтъ, другая была моложе на три года. Цѣлыхъ четыре сезона провели онѣ въ различныхъ водолечебныхъ мѣстечкахъ, гдѣ играли въ карты въ библіотекахъ, читали книги на балконахъ, торговали на благотворительныхъ базарахъ, танцовали на собраніяхъ, вели чувствительные разговоры съ кавалерами,—однимъ словомъ, дѣлали все, что доступно изобрѣтательнымъ молодымъ дѣвицамъ, но до сихъ поръ—увъ!—напрасно.

— Какъ великолѣпно одѣвается мистеръ Симпсонъ!—шепнула Матильда Мепльсонъ сестрѣ своей Джуліи.

— Превосходно!—подтвердила младшая сестра.

На модномъ щеголѣ былъ темно-коричневый фракъ съ бархатнымъ воротникомъ и лацканами того же цвѣта,—весьма похожій на тотъ, въ который облакается благородный незнакомецъ, спсходящій до роли „франта“ въ пантомимѣ на театрѣ Ричардсона.

— Что за бакенбарды!—промолвила Джулія.

— Очаровательныя!—отозвалась ея сестра;—а какіе волосы!

Волосы Симпсона смахивали на парикъ и отличались волнистостью, украшающей блестящія пряди этихъ произведеній искусства, надѣтыхъ на восковыя головы въ окнѣ куафера Бартелло на Реждентъ-стритъ; хваленныя бакенбарды сходявшіяся подъ подбородкомъ, напоминали завязки, составлявшія непремѣнную принадлежность париковъ, пока наука не изобрѣла для нихъ невидимыхъ патентованныхъ пружинъ.

— Обѣдъ подавъ, сударыня, — доложилъ мальчикъ, появившійся впервые въ перешитомъ черномъ сюртукѣ съ хозяйскаго плеча.

— О, мистеръ Кэльтонъ, не угодно ли вамъ быть кавалеромъ миссисъ Мепльсонъ?—предложила хозяйка.

— Покорнѣйше благодарю.

Мистеръ Симпсонъ подавъ руку миссъ Джуліи; мистеръ Септимій Гиксъ провожалъ хорошенькую Матильду; и все шествіе направилось въ столовую. Мистеръ Тиббсъ былъ немедленно представленъ здѣсь дамамъ, при чемъ раскланывался съ ними на подобіе фигуры въ голландскихъ часахъ съ тугою пружиной внутри корпуса, а потомъ быстро юркнулъ на свое мѣсто на концѣ стола

и былъ радъ-радененекъ скрыться за суповою миской, только что замѣченной имъ къ концу томительной процедуры. Постойльцевъ разсадили внеремежку: кавалеры чередовались за столомъ съ дамами на подобіе ломтиковъ булки и мяса на блюдъ съ бутербродами. Послѣ того миссисъ Тиббсъ приказала Джемсу снять крышки съ кушаній. Тутъ взорамъ присутствующихъ открылись: лососина, омары подъ соусомъ, супъ изъ гусиныхъ потроховъ и обычныя приправы: картофель въ видѣ окаменѣлостей и поджаренныя гренки, формы и размѣра игральныя кости.

— Супъ для миссисъ Мепльсонъ, мой милый,—сказала суетливая миссисъ Тиббсъ.

Она всегда называла мужа „мой милый“ при постороннихъ. Тиббсъ, жевавшій хлѣбъ, соображая про себя, скоро ли удастся ему получить порцію рыбы, передалъ тарелку супа съ такою поспѣшностью, что сдѣлалъ маленькій островокъ на скатерти и тотчасъ закрылъ пятно своимъ стаканомъ, пока жена не успѣла замѣтить его погрѣшности.

— Вы позволите положить вамъ рыбы, миссъ Джулія?

— Пожалуйста... только очень немного. О, вполне достаточно, благодарю васъ! (на тарелкѣ очутился кусочекъ не больше грецкаго орѣха).

— Джулія кушаетъ ужасно мало!—замѣтила миссисъ Мепльсонъ, обращаясь къ своему сосѣду мистеру Кэльтону.

Однако, ея слова пропали даромъ. Кэльтонъ пожиралъ глазами рыбу и потому ограничился только равнодушнымъ восклицаніемъ:—А!

— А тебѣ что положить, мой милый?—спросила хозяйка мужа, одѣливъ кушаньемъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ.

— Этотъ вопросъ сопровождался взглядомъ, который ясно давалъ понять, что Тиббсъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ посягать на рыбу, потому что ея осталось очень мало. Однако, ему пришло въ голову, будто бы жена хмурится по поводу пятнышка, замѣченнаго ею на скатерти, и онъ спокойно отвѣчалъ:

— Да положи мнѣ, пожалуйста... хоть немного рыбы.

— Рыбы, говоришь ты, мой милый?—повторила вопросъ хозяйка, нахмурившись еще больше.

— Да, моя дорогая,—подтвердилъ негодный супругъ, лицо котораго выражало томленіе остраго голода.

Чуть не со слезами на глазахъ положила миссисъ Тиббсъ своему „мерзавцу мужу“, какъ мысленно обозвала она его, послѣдній съѣдобный кусокъ лососины, уцѣлѣвшій на блюдѣ.

— Джемсъ, подайте, это вашему господину да уберите у него ножикъ.

То было обдуманное мщеніе, такъ какъ Тиббсъ рѣшительно не умѣлъ ѣсть рыбу безъ ножа. Такимъ образомъ, онъ былъ по-

ставленъ въ необходимость гоняться по тарелкѣ за маленькими кусочками лосося съ помощью вилки и корочки хлѣба, при чемъ его попытка достать что-нибудь увѣчивалась успѣхомъ одинъ изъ семнадцати разъ.

— Убирайте, Джемсъ,—скомандовала миссисъ Тиббсъ, когда ей мужъ проглатывалъ четвертый кусокъ,—и тарелки исчезли съ быстротою молніи.

— Я хочу взять ломтикъ хлѣба, Джемсъ,—промолвилъ злополучный „хозяинъ дома“, голодный пуще прежняго.

— Не мѣшайте, Джемсъ, вашъ господинъ подождетъ,—сказала неумолимая супруга,—ступайте за жаренымъ.

Эти слова были произнесены пониженнымъ тономъ, какимъ обыкновенно хозяйки дѣлаютъ замѣчанія прислугѣ въ присутствіи гостей; однако, рѣчь, миссисъ Тиббсъ, подобно шепоту на сценѣ, была услышана вполне отчетливо всѣми присутствующими, именно, благодаря своей горячности.

До слѣдующей перемѣны блюдъ водворилось молчаніе пользуясь которымъ, мистеръ Симпсонъ, мистеръ Кэльтонъ и мистеръ Гиксъ выставили каждый отъ себя по бутылкѣ вина: сотерна, малаги и хереса; они угощали имъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ, за исключеніемъ Тиббса. Объ этомъ человѣкѣ никогда не думала ни одна душа.

Между рыбой и ожидавшимся ростбифомъ произошелъ довольно продолжительный перерывъ. Онъ доставилъ удобный случай мистеру Гиксу привести удивительно подходящую цитату:

Воловъ, быковъ пастухъ здѣсь не пасетъ,
Но вмѣсто нихъ обиліе козловъ, овецъ, ягнятъ;
На вертелѣ ихъ мясо тутъ пекутъ, варятъ,
Когда приволье праздникъ имъ несетъ *).

— Можно ли говорить такія непристойности!—возмутилась про себя маленькая миссисъ Тиббсъ.

— Ахъ, — воскликнулъ мистеръ Кэльтонъ, наполняя свою рюмку,—мой любимый поэтъ—это Томасъ Муръ!

— И мой также,—сказала миссисъ Мепльсонъ.

— И мой,—подхватила Джулія.

— И мой,—прибавилъ мистеръ Симпсонъ.

— Вникните въ его сочиненія,—продолжалъ мистеръ Кэльтонъ.

— Вотъ именно,—съ увѣренностью поддакнулъ Симпсонъ.

— Вникните въ Донъ-Жуана,—возразилъ мистеръ Септимій Гиксъ.

— Вотъ хоть бы взять „Письмо Джуліи“,—вставила миссъ Матильда.

— Что можетъ быть возвышеннѣе „Огнепоклонниковъ? — спросила миссъ Джулія.

*) „Донъ-Жуанъ“, пѣсня II.

— Ваша правда,—согласился Симпсонъ.

— Или „Рая и Пэри“,—сказалъ старый волокита

— Да, или „Рая и Пэри“,—повторилъ Симпсонъ, воображав-
шій, что онъ превосходно понималъ эту поэму.

— Все это прекрасно,—возразилъ мистеръ Гиксъ, который,
какъ было упомянуто нами выше, никогда не читалъ ничего, кромѣ
„Донъ-Жуана“. Но гдѣ вы найдете что-нибудь превосходнѣе опи-
санія осады Измаила въ началѣ седьмой пѣсни?

— Кстати объ осадѣ,—неожиданно вмѣшался Тиббсъ съ наби-
тымъ хлѣбомъ ртомъ,—когда я состоялъ въ корпусѣ волонтеровъ
въ 1806 году, нами командовалъ сэръ Чарльзъ Ремпертъ. Вотъ
однажды и говоритъ мнѣ командиръ на ученѣхъ, которое онъ произ-
водилъ на той самой площади, гдѣ стоитъ теперь лондонскій уни-
верситетъ.—Тиббсъ,—сказалъ онъ мнѣ, вызвавъ меня изъ строя
Тиббсъ...

— Скажите вашему господину, Джемъ,—съ ужасающей внят-
ностью произнесла хозяйка,—что если онъ не хочетъ отрѣзать себѣ
кусочекъ жареной птицы, то пусть передастъ жаркое мнѣ.

Сбитый съ толку волонтеръ тотчасъ принялся за дѣло и началъ
кромсать курицу такъ же проворно, какъ продѣлывала это его
жена съ бараньимъ окорокомъ. Докончилъ ли онъ свой рассказъ
такъ и осталось неизвѣстнымъ; но если и докончилъ, то никто не
слышалъ его конца.

Такъ какъ словесность первой встрѣчи теперь изгладилась
и вновь прибывшія успѣли уже освоиться съ новой обстановкой,
то каждый изъ присутствующихъ почувствовалъ себя свободнѣе.
Отсутствіе стѣсненія особенно отразилось на Тиббсѣ, потому что
онъ задремалъ тотчасъ послѣ обѣда. Мистеръ Гиксъ и дамы крас-
норѣчивѣе распространялись о поэзіи, о театрахъ и „Письмахъ
лорда Честерфильда“; мистеръ Кэльтонъ сопровождалъ все ска-
зочное присутствующими постояннымъ двукратнымъ постуки-
ваньемъ. Миссисъ Тиббсъ съ жаромъ одобряла каждое замѣчаніе,
исходившее изъ устъ миссисъ Мепльсонъ, а такъ какъ мистеръ
Симпсонъ сидѣлъ съ неизмѣнной улыбкой на лицѣ и произносилъ
„да“ или „конечно“ черезъ правильные промежутки времени около
пяти минутъ, то каждый оставался въ увѣренности, что онъ вполне
понимаетъ, о чемъ идетъ рѣчь. Послѣ десерта кавалеры недолго
мѣшкали въ столовой и вскорѣ присоединились къ дамамъ въ го-
стинной. Здѣсь миссисъ Мепльсонъ и мистеръ Кэльтонъ затѣяли
партію въ криббеджъ, тогда какъ молодежь развлекалась музыкой
и разговоромъ. Сестры Мепльсонъ исполняли самыя плѣнитель-
ныя дуэты, аккомпанируя себѣ на гитарахъ съ перевязью изъ
лазурно-голубыхъ лентъ. Мистеръ Симпсонъ нарядился въ ро-
зовый жилетъ и увѣрялъ, что приведенъ въ восторгъ ихъ пѣ-
ніемъ; мистеръ Гиксъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ

отъ повѣи или седьмой пѣсни „Донъ-Жуана“, что было для него одно и то же. Миссисъ Тиббсъ была совершенно очарована новыми квартирнтками; что же касается безобиднаго Тиббса, то онъ проводилъ вечеръ по своему обыкновенію, то засыпая, то пробуждаясь, то снова впадая въ сладкую дремоту; онъ совершенно очнулся только къ ужину.

Мы не собираемся воспользоваться привилегіей повѣствователей и дать „протечъ цѣлымъ годамъ“; пусть благосклонный читатель допустить только, что съ описаннаго нами обѣда миновало шесть мѣсяцевъ и что жильцы миссисъ Тиббсъ въ продолженіи этого періода пѣли и танцовали, посѣщали сообща театры и выставки, какъ это часто водится между лэди и джентльменами, живущими вмѣстѣ. По истеченіи названнаго срока мистеръ Септимій Гикксъ получилъ однажды раннимъ утромъ у себя въ спальнѣ (въ свѣтелкѣ передняго фасада) записку отъ мистера Кэльтона, приглашавшаго его, какъ только ему будетъ удобно, повидаться съ нимъ въ его уборной, во второмъ этажѣ, окнами во дворъ.

— Передайте мистеру Кэльтону, что я приду сейчасъ,—сказала мистеръ Септимій, посланному мальчику-слугѣ.—Постойте,—ужь не захворалъ ли мистеръ Кэльтонъ?—освѣдомился этотъ встревоженный посѣтитель больницъ, облекаясь въ халатъ, напавшій своею нестротою постельное одѣяло.

— Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, сэръ, — отвѣчала мальчикъ.—Съ вашего позволенія, сэръ, онъ какъ будто самъ не свой сегодня на мои глаза.

— Ну, это еще не доказательство болѣзни,—разсѣянно возразилъ Гикксъ.—Отлично, я сейчасъ спущусь внизъ.

Мальчикъ бросилъ стремглавъ по лѣстницѣ съ отвѣтомъ, а почти по пятамъ послѣдовалъ за нимъ и встревоженный Гикксъ собственной персоной. Тукъ! тукъ!—Входите!—Дверь отворяется и открываетъ мистера Кэльтона, сидящаго въ креслахъ. Происходитъ обоюдное рукопожатіе, и мистера Септимія Гиккса приглашаютъ садиться. Краткая пауза. Посѣтитель кашлянулъ. Хозяинъ комнаты взялъ щепотку нюхательнаго табаку. То было одно изъ тѣхъ свиданій, когда обѣ стороны не знаютъ, что сказать. Наконецъ, мистеръ Септимій Гикксъ нарушилъ молчаніе.

— Я получилъ записку,—произнесъ онъ съ дрожью въ голосѣ, ни дать, ни взять, какъ простуженный полишинель

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ Кэльтонъ.

— Какъ же, какъ же...

— Гм...

Разговоръ окончательно не клеился; оба собесѣдника чувствовали, что имъ предстоить важное объясненіе, и по этому поводу держали себя такъ, какъ держать многіе въ ихъ положеніи: они

упорно смотрѣли на столъ съ видомъ рѣшимости. Наконецъ, мистеръ Кэльтонъ собрался съ духомъ и, пользуясь сдѣланнымъ вступленіемъ, сталъ продолжать свою рѣчь, сопровождая ее обычнымъ двукратнымъ постукиваньемъ. Онъ говорилъ всегда напыщенно.

— Гиккъсъ,—началъ этотъ почтенный джентльменъ,—я послалъ за вами по причинѣ нѣкоторыхъ соглашеній, которыя должны произойти въ этомъ домѣ по случаю свадьбы.

— По случаю свадьбы!—задыхаясь, промолвилъ Гиккъсъ съ такимъ выраженіемъ въ чертахъ, передъ которымъ лицо Гамлета при видѣ тѣни его отца можно было бы назвать ласковымъ и спокойнымъ.

— Да, совершенно вѣрно, — подтвердилъ „дверной молотокъ“.—Я послалъ за вами въ доказательство моего величайшаго довѣрія къ вамъ.

— И вы собираетесь выдать меня?—съ тревогой спросилъ Гиккъсъ, позабывшій съ испугу даже привести цитату изъ Донъ-Жуана.

— Мнѣ выдавать васъ? Какъ бы вы сами не выдали меня!

— Ни за что на свѣтѣ: ни одна душа не узнаетъ до моего смертнаго часа о вашемъ участіи въ извѣстномъ дѣлѣ,—отвѣчалъ взволнованный Гиккъсъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и поднявшимися дыбомъ волосами, точно онъ стоялъ на скамьѣ электрической машины въ полномъ ходу.

— Люди должны узнать о томъ рано или поздно, такъ черезъ годъ, я полагаю,—возразилъ мистеръ Кэльтонъ съ видомъ крайняго самодовольства.—Къ тому времени мы вѣдь можемъ обзавестись ужъ и семейкой.

— Мы! Надѣюсь, это не будетъ имѣть никакого касательства къ вамъ?

— Чортъ возьми, а то какъ же иначе?

— Нѣтъ! Развѣ это возможно?—сказалъ озадаченный Гиккъсъ.

Но Кэльтонъ былъ слишкомъ поглощенъ созерцаніемъ собственнаго счастья для того, чтобъ замѣтить двусмысленность въ своемъ разговорѣ съ Гиккъсомъ. Устарѣлый ловеласъ томно откинулся на спинку кресла и, приложивъ ладонь правой руки немножко влѣво отъ четвертой пуговицы своего жилета, считалъ снизу, промолвилъ со вздохомъ слащавымъ голосомъ:

— О, Матильда!

— Какая такая Матильда? — спросилъ Гиккъсъ, вскакивая точно ужаженный.

— Матильда Мепльсонъ, — отвѣчаетъ старый грѣховодникъ, слѣдуя его примѣру.

— Я женюсь на ней завтра утромъ,—объявилъ Гиккъсъ.

— Неправда!—возразилъ его собесѣдникъ,—она выходитъ за меня.

- За васъ?
- За меня.
- Вы женитесь на Матильдѣ Мепльсонъ?
- На Матильдѣ Мепльсонъ.
- Миссъ Мепльсонъ выходитъ за васъ?
- Ну, вотъ еще! Не миссъ, а миссисъ Мепльсонъ.
- Боже милостивый!—воскликнулъ Гикксъ, падая въ кресло.—Значитъ, вы—на маменькѣ, а я—на дочкѣ...

— Удивительнѣйшее совпаденіе,—замѣтилъ Кэльтонъ,—и вдобавокъ не совсѣмъ удобное. Дѣло въ томъ, что, желая сохранить свое намѣреніе втайнѣ отъ дочерей, пока не состоится бракосочетаніе, Матильда не можетъ пригласить въ посаженные отцы никого изъ своихъ знакомыхъ. Мнѣ также неловко со своей стороны посвящать въ это дѣло своихъ пріятелей. Вотъ почему я послалъ за вами: мнѣ хотѣлось спросить, согласны ли вы сдѣлать мнѣ одолженіе, взявъ на себя обязанность посаженнаго отца?

— Могу васъ увѣрить, что я былъ бы счастливъ исполнить ваше желаніе,—тономъ искренняго сожалѣнія отвѣчалъ Гикксъ,—но вы же видите, что мнѣ предстоитъ выступить въ качествѣ жениха самому. Положимъ, одна роль часто вытекаетъ изъ другой, однако невозможно исполнять ихъ обѣ одновременно. Но вѣдь у насъ есть Симпсонъ; я увѣренъ, что вы не получите отъ него отказа.

— Не охота мнѣ къ нему обращаться,—возразилъ Кэльтонъ,—знь такой осель.

Мистеръ Септимій Гикксъ поднялъ глаза къ потолку, потомъ опустилъ ихъ книзу и уставился въ полъ; тутъ его озарила, наконецъ, внезапная мысль.

— Да пригласите вы къ себѣ посаженнымъ отцомъ хозяина дома, Тиббса,—посоветовалъ онъ, послѣ чего привелъ цитату, поразительно подходящую къ Тиббсу и брачующейся четѣ:

О, Небеса, чей мрачный взоръ она встрѣчаетъ тамъ?
То взоръ отца, на пару устремленный*).

— Это приходило уже мнѣ въ голову,—отвѣчалъ Кэльтонъ,—ю, видите-ли, Матильда, неизвѣстно, по какой причинѣ, ни за что не хочетъ, чтобъ миссисъ Тиббсъ пронюхала о нашей свадьбѣ, прежде чѣмъ дѣло будетъ сдѣлано. Въ сущности это вполнѣ естественная деликатность,—понимаете.

— Тиббсъ, нашъ хозяинъ, самое покладистое существо на свѣтѣ, если взяться за него умѣючи,—настаивалъ мистеръ Септимій Гикксъ.—Скажите ему, чтобъ онъ не проболтался женѣ, и увѣрьте его, что она не будетъ на это въ претензіи, тогда Тиббсъ охотно подчинится вашему желанію. Моя свадьба должна состояться

*), „Донъ-Жуанъ“, пѣснь 4

тайкомъ отъ матери невѣсты и моего отца; поэтому Тиббсу надо запретить разглашать о ней.

Тутъ раздался негромкій двукратный стукъ въ наружную дверь, похожий на условный знакъ своего человѣка въ домѣ. То былъ Тиббсъ, въ всякаго сомнѣнія, потому что никто, кромѣ него, не сталъ бы мѣшкать въ сѣняхъ цѣлыхъ пять минутъ, вытирая о половникъ свои подошвы. Онъ выходилъ, чтобъ расплатиться по счету съ будочникомъ.

— Мистеръ Тиббсъ!—самымъ ласковымъ голосомъ обликнулъ хозяина мистеръ Кэльтонъ, перегнувшись черезъ перила лѣстницы.

— Что угодно, сэръ?—отозвался снизу человѣкъ съ выпямканнымъ лицомъ.

— Не будете-ли вы такъ добры подняться на минутку наверхъ?

— Съ удовольствіемъ, сэръ,—отвѣчалъ Тиббсъ, обрадованный тѣмъ, что на него обратили вниманіе.

Дверь спальни была тщательно затворена. Поставивъ шляпу на полъ (по привычкѣ многихъ застѣнчивыхъ людей) и усѣвшись на предложенный ему стулъ, хозяинъ дома принялъ такой изумленный видъ, точно внезапно очутился на допросѣ передъ судилищемъ инквизиціи.

— Одно довольно неприятное обстоятельство, мистеръ Тиббсъ,—началъ съ весьма зловѣщимъ видомъ Кэльтонъ — заставляетъ меня прибѣгнуть къ вашему совѣту и просить васъ, чтобъ вы скрыли отъ своей жены то, что я намѣренъ вамъ сообщить.

Тиббсъ изъявилъ свое согласіе, внутренне недоумѣвая, что такое могъ натворить его постоялецъ, и, наконецъ, вообразивъ, что тотъ, по крайней мѣрѣ, перебилъ самыя цѣнныя графини въ домѣ.

— Я нахожусь въ довольно неприятномъ положеніи, мистеръ Тиббсъ,—продолжалъ между тѣмъ мистеръ Кэльтонъ.

Тиббсъ посмотрѣлъ на мистера Септимія Гиккса, точно ожидая, что тотъ, какъ ближайшій сосѣдъ Кэлтона, сможетъ опредѣлить, въ чемъ заключается неприятность положенія послѣдняго, но не нашелъ, однако, что сказать, и ограничился только неопредѣленнымъ восклицаніемъ:—Гм!

— Прежде всего позвольте попросить васъ,—началъ снова „дверной молотокъ“, — воздержаться отъ громкихъ возгласовъ изумленія, которые могутъ быть подслушаны прислугой, когда я сообщу вамъ—преодолейте ваше чувство удивленія!—что двое лицъ, живущихъ въ вашемъ домѣ, намѣрены вступить въ бракъ завтра поутру.

Съ этими словами онъ отодвинулъ свое кресло на нѣсколько шаговъ назадъ, чтобъ лучше подмѣтить дѣйствіе такой неожиданной новости.

Еслибъ Тиббсъ кинулся опрестью вонъ изъ комнаты, после-

тѣлъ кувыркомъ съ лѣстницы и лишился чувствъ въ сѣняхъ,— нѣтъ, еслибъ даже онъ выпрыгнулъ въ окно прямо въ конскія стойла позади дома, обезумѣвъ отъ удивленія при такомъ ошеломляющемъ извѣстїи, его поведеніе было бы понятнѣе Кэльтону, чѣмъ теперь, когда онъ, заложивъ руки въ карманы своихъ невыразимыхъ, воскликнулъ, хихикая:

— Такъ оно и есть!

— Васъ это не удивляетъ, мистеръ Тиббсъ?—спросилъ мистеръ Кэльтонъ.

— Нисколько, сэръ,—отвѣчалъ хозяинъ.—Что-жъ тутъ мудреного? Когда сходятся два молодыхъ существа, то... вы понимаете?

— Конечно, конечно,—согласился постоялецъ съ видомъ невѣроятнаго самодовольства.

— Такъ по вашему здѣсь нѣтъ ничего выходящаго изъ ряда обыкновеннаго? — полюбопытствовалъ мистеръ Септимій Гикксъ, въ нѣмомъ изумленіи слѣдившій за выраженіемъ лица Тиббса.

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣчалъ хозяинъ;—я былъ ни дать, ни взять, такимъ же бѣдовымъ въ его годы.

И онъ выразительно ухмыльнулся.

„Стало быть, я чертовски моложавъ!“ подумалъ старый волокита, не помня себя отъ восхищенія, такъ какъ ему было хорошо извѣстно, что онъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять старше Тиббса.

— Ну, въ такомъ случаѣ приступимъ сразу къ дѣлу,—продолжалъ онъ.—Позвольте васъ спросить, вы не имѣете ничего противъ того, чтобъ сыграть на свадьбѣ роль посаженнаго отца?

— Отчего же нѣтъ?—сказалъ Тиббсъ, все еще не обнаруживая ни тѣни удивленія.

— Такъ вы согласны, право?

— Съ полной готовностью,—подтвердилъ Тиббсъ, по прежнему, спокойный, какъ кружка пива съ опавшей пѣной.

Мистеръ Кэльтонъ схватилъ руку маленькаго человѣчка, изнывавшаго подъ башмакомъ жены, и поклялся ему въ неразрывной дружбѣ съ того часа. Гикксъ, который все еще не могъ опомниться отъ удивленія, послѣдовалъ его примѣру.

— Ну, теперь сознайтесь,—спросилъ Тиббса мистеръ Кэльтонъ, когда хозяинъ поднялъ съ полу свою шляпу, собираясь уходить,—развѣ вы не были немножко удивлены?

— Не безъ того! — отвѣчалъ знаменитый мужъ, поднимая кверху руку,—не безъ того! Когда я въ первый разъ услышалъ о томъ.

— Такъ неожиданно,—замѣтилъ Септимій Гикксъ.

— Такъ странно, что пригласили меня, вы понимаете,—сказалъ Тиббсъ.

— Такъ чудно вообще,—прибавилъ престарѣлый сердцеѣдъ, и всѣ трое покатались со смѣху.

— Мнѣ интереснѣе всего,—промолвилъ Тиббсъ, осмотрительно затворивъ дверь, только что отворенную имъ, и давая волю своей смѣшливости, — мнѣ интереснѣе всего узнать, что скажетъ его отецъ.

Мистеръ Септимій Гикксъ посмотрѣлъ на мистера Кэльтона.

— Да, по лучше всего то,—возразилъ пожилой женнхъ, расхотавшись,—что отца-то у меня и нѣтъ,—хэ! хэ! хэ!

— У васъ-то нѣтъ, конечно, но у него есть,—возразилъ Тиббсъ.

— У кого?—спросилъ Септимій Гикксъ.

— Да у него-же!

— У кого—у него? Развѣ вамъ извѣстна моя тайна? Вы подразумѣваете меня?

— Васъ? Нѣтъ! Вы знаете, на кого я намекаю,—отвѣчала хозяйнѣ съ выразительнымъ кивкомъ.

— Ради Бога объяснитесь. О комъ вы говорите?—допытывался мистеръ Кэльтонъ, совершенно сбитый съ толку такой дикой путаницей, какъ и его сосѣдъ Септимій Гикксъ.

— О комъ?—подхватилъ Тиббсъ.—Да, разумеется, о мистерѣ Симпсонѣ; кого-же другого могъ я подразумѣвать?

— Теперь я все понялъ,—воскликнулъ почитатель Байрона,—Симпсонъ женится завтра поутру на Джулии Мепльсонъ!

— Несомнѣнно,—подтвердилъ Тиббсъ, съ полнѣйшимъ удовольствіемъ,—конечно, онъ женится на ней.

Понадобилась бы кисть Гогарта, чтобъ достойно изобразить выраженіе лицъ мистера Кэльтона и мистера Септимія Гиккса при этомъ ошеломляющемъ открытіи: подобная задача не подл силу нашему слабому перу. Однакоже невозможно описать, хотя, пожалуй, нашимъ читательницамъ будетъ легче вообразить, какія ухищренія пустили въ ходъ три лэди для того, чтобъ такъ прочно опутать сѣтями своихъ поклонниковъ. Но каковы бы ни были эти ухищренія, какимъ бы способомъ ни примѣняли ихъ къ дѣлу, для насъ важно то, что они увѣнчались успѣхомъ. Мать какъ нельзя лучше знала о предстоящей свадьбѣ обѣихъ дочекъ, а дочери со своей стороны были прекрасно освѣдомлены о намѣреніи своей достойной маменьки. Тѣмъ не менѣе онѣ рѣшили между собою, что будетъ гораздо приличнѣе, если каждая изъ нихъ прикинется незнающей о помолвкѣ остальныхъ; точно также являлось желательнымъ, чтобъ всѣ три свадьбы состоялись въ одинъ и тотъ же день, такъ какъ обнаруженіе одного тайнаго союза могло повредить обонимъ остальнымъ. Этимъ объясняется мистификація мистера Кэльтона и мистера Септимія Гиккса, а также и заблаговременное приглашеніе въ посаженные отцы простодушнаго Тиббса.

На слѣдующее утро мистеръ Септимій Гикксъ соединился брачными узами съ миссъ Матильдою Мепльсонъ. Мистеръ Симпсонъ въ свою очередь вступилъ въ „священный союзъ“ съ миссъ Джулией; мистеръ Тиббсъ въ обоихъ случаяхъ былъ посаженнымъ отцомъ, „выступивъ первый разъ въ жизни въ означенной роли“. Мистеръ Кэльтонъ, уступавшій въ рвеніи обоимъ молодымъ женихамъ, былъ порядочно пораженъ неожиданнымъ двойнымъ открытіемъ, и такъ какъ ему встрѣтились нѣкоторыя затрудненія въ присканіи лица, которое согласилось бы передать ему невѣсту у алтаря, то онъ нашелъ наилучшій способъ устранить такое неудобство, отказавшись отъ нея совсѣмъ. Однако, покинутая леди не спустила измѣннику подобнаго нарушенія даннаго слова и „воззвала къ оскорбленнымъ законамъ своего отечества“, какъ выразился на судѣ ея повѣренный при разбирательствѣ дѣла „Мепльсонъ и Кэльтонъ“. Въ возмѣщеніе убытковъ по судебному приговору истица получила тысячу фунтовъ стерлинговъ, каковую сумму и былъ принужденъ выплатить ей злополучный „дверной молотокъ“.

Мистеръ Септимій Гикксъ, бѣжавшій по госпиталямъ, вздумалъ сбѣжать навсегда. Его обиженная супруга поселилась теперь съ матерью въ Булони. Мистеръ Симпсонъ имѣлъ несчастье потерять жену шесть недѣль спустя послѣ свадьбы (благодаря бѣгству новобрачной съ офицеромъ во время срочнаго пребыванія молодого супруга въ долговой тюрьмѣ, куда онъ попалъ, не имѣя средствъ уплатить по ничтожному счету ея портнихѣ); отецъ, скончавшійся въ скоромъ времени, лишилъ его наслѣдства, и сынъ считалъ себя счастливымъ, пристроившись на постоянное мѣсто у моднаго парикмахера, такъ какъ и раньше парикмахерское искусство часто привлекло къ себѣ его вниманіе. На этой новой должности ему естественно представлялись многочисленные случаи познакомиться съ привычками, нравственнымъ складомъ и образомъ мыслей исключительной части знатнаго круга въ Англіи. Этому счастливому обстоятельству мы обязаны блестящими произведеніями литературнаго гения—его свѣтскими романами, которые не перестанутъ поучать и развлекать мыслящую часть публики, пока будетъ преобладать изысканный вкусъ, незапятнанный преувеличеніемъ, жеманствомъ и ханжествомъ.

Остается только прибавить, что это осоложеніе домашней неурядицы совершенно лишило бѣдную миссисъ Тиббсъ всѣхъ обитателей ея меблированного дома, за исключеніемъ только одного, съ которымъ она разсталась бы очень охотно—ея мужа. Съ брачнаго пира этотъ негодный маленькій человѣчекъ вернулся домой сильно навеселѣ и подъ вліяніемъ вина, азарта и отчаянія осмѣлился дать отпоръ гнѣву своей супруги. Съ того злополучнаго часа онъ неизмѣнно обѣдалъ на кухнѣ, ставшей отнынѣ его мѣсто-

пребываніемъ и ареною его дальнѣйшихъ походовъ; туда же велѣла перенести миссъ Тиббсъ и складную кровать для своего супруга. Весьма вѣроятно, что въ этомъ уединеніи онъ найдетъ возможность досказать свой анекдотъ изъ жизни волонтеровъ.

Въ утреннихъ газетахъ снова появилось объявленіе миссъ Тиббсъ о сдачѣ комнатъ. Результаты его предназначаются для слѣдующей главы.

II.

— Ладно!—говорила себѣ маленькая миссъ Тиббсъ, сидя однажды утромъ въ столовой, окнами на улицу, въ своей квартирѣ на Корень-стритъ и штовая коверъ съ первой площадки лестницы.—Мои дѣла вовсе еще не такъ плохи, и если только я получу благопріятный отвѣтъ на свое объявленіе, то у меня въ домѣ опять все будетъ занято.

Она продолжала починку ковра, тревожно прислушиваясь къ стуку въ дверь почтальона, шедшаго по улицѣ. Весь домъ былъ погруженъ въ тишину. Она прерывалась только мурлыканьемъ несчастнаго Тиббса на кухнѣ внизу. Занимаясь чисткою обуви для постояльцевъ, онъ мычалъ что-то себѣ подъ носъ въ видѣ уродливой пародіи на пѣсню.

Почтальонъ приблизился къ дому. Вотъ онъ остановился, миссъ Тиббсъ, притаивъ дыханіе, замерла въ неподвижности. Стукъ въ дверь... послѣдніе шаги... письмо съ почтовой маркой.

„Т. I. свидѣтельствуетъ свое почтеніе I. T. и T. I. проситъ сообщить, что я видѣла объявленіе, и она доставитъ себѣ удовольствіе побывать у васъ въ 12 часовъ завтра поутру.

„Т. I. извиняется передъ I. T. за краткость увѣдомленія, но я надѣюсь, что это не обезпечитъ васъ.

Преданная вамъ. Среда вечеромъ“.

Маленькая миссъ Тиббсъ нѣсколько разъ подъ-рядъ принималась перечитывать этотъ документъ; и чѣмъ больше она его читала, тѣмъ сильнѣе сбивали ее съ толку смѣшеніе перваго и третьяго лица, замѣна инициаловъ T. I. мѣстоименіемъ „я“ и переходъ съ I. T. къ личному обращенію на „вы“. Почеркъ дикаго посланія походилъ на мотокъ спутанныхъ нитокъ, и оно было остроумно слежено квадратомъ, при чемъ адресъ ютился въ правомъ углу, точно стыдясь самого себя. Обратная сторона письма очень мило украшалась большой красной облаткой, которая съ прибавкою разнообразныхъ чернильныхъ пятенъ представляла удивительное сходство съ раздавленнымъ сверчкомъ. Впрочемъ, одно было вполне ясно встревоженной миссъ Тиббсъ. Кто-то долженъ къ ней прийти въ двѣнадцать часовъ. Въ гостиной третій разъ въ утро была вытерта пыль; два-три кресла нарочно сдвинули съ мѣста и столько же книгъ сняли съ полокъ, чтобъ придать обстановкѣ болѣе уют-

ности. Заштопаннй коверъ былъ отправленъ внизъ, а миссисъ Тиббсъ побѣжала наверхъ „привести себя въ порядокъ“.

Башенные часы на новой церкви св. Панкратія пробили двѣнадцать, и часы Воспитательнаго Дома съ похвальной учтивостью послѣдовали ихъ примѣру десять минутъ спустя. Еще на какой-то колокольнй пробило четверть перваго, и тогда появилась, дважды постучавшись у входа, одинокая лэди въ плащѣ цвѣта дамасской сливы, въ такой-же шляпкѣ съ цѣлой оранжереей искусственныхъ цвѣтовъ, въ бѣлой вуали, и съ зеленымъ зонтикомъ, украшеннымъ каймою.

Посѣтительницу—весьма полную и краснолицую особу—привели въ гостиную; миссисъ Тиббсъ отрекомендовалась ей, и между ними завязались переговоры.

— Я пришла по объявленію, — проговорила незнакомка такимъ голосомъ, точно она двѣ недѣли играла безъ передышки на волторнѣ.

— Такъ, такъ! — отозвалась хозяйка дома, медленно потирая руки и заглядывая прямо въ лицо гостыи, что имѣла привычку дѣлать всега въ подобныхъ случаяхъ.

— На деньги я не посмотрю, — продолжала франтиха, — мнѣ бы только жить въ уединеніи и спокойствіи.

Миссисъ Тиббсъ, конечно, одобрила столь естественное желаніе.

— Меня постоянно лѣчить докторъ, — говорила дальше лэди въ манто. — Одно время я была „унитаріанкой“ *). Вообще со смерти мистера Блосса я перенесла кучу передрягъ и, можно сказать, совѣзмъ не вижу покоя.

Миссисъ Тиббсъ посмотрѣла на вдову умершаго Блосса и подумала про себя, что, вѣроятно, самъ онъ не зналъ покоя при жизни. Но, разумѣется, она не могла высказать своего предположенія, а, напротивъ, приняла необычайно соболѣзную мину.

— Вамъ будетъ не мало хлопотъ со мною, — продолжала миссисъ Блоссъ, — но я готова платить за лишніе труды. Мнѣ предписанъ курсъ лѣченія, требующій внимательнаго ухода. Каждое утро въ половинѣ девятаго я съѣдаю въ постели баранью котлетку, а въ десять часовъ вторую.

Миссисъ Тиббсъ сочла своимъ долгомъ выразить свое участіе человѣку, поставленному въ такое плачевное положеніе, а плотоядная миссисъ Блоссъ продолжала уговариваться насчетъ различныхъ условій съ удивительной поспѣшностью.

— Теперь, — прибавила эта лэди, когда онѣ сошлись между собою въ цѣнѣ, — я хочу знать, уступите ли вы мнѣ комнату во второмъ этажѣ окнами на улицу подъ мою спальню?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

*) Въмѣсто того, чтобъ сказать „вегетаріанкой“.

— А найдется у васъ мѣстечко для моей служанки Агнесы?

— О, конечно!

— А вы предоставите мнѣ одинъ изъ погребковъ во дворѣ для храненія моего портера?

— Будьте покойны и на этотъ счетъ; Джемсъ опростааетъ вамъ его къ субботѣ.

— Въ такомъ случаѣ я присоединюсь къ вашей компаніи за утреннимъ завтракомъ въ воскресенье утромъ,—заклѣчила миссисъ Блоссъ.—Нарочно встану пораньше.

— Очень хорошо,—сказала миссисъ Тиббсъ крайне любезнымъ тономъ, потому что новая жилища выказала себя съ самой выгодной стороны, и было ясно, что она располагаетъ отличными средствами.—Немного странно, — продолжала хозяйка, скорчивъ, какъ ей казалось, самую обворожительную улыбку,—что у насъ живетъ теперь одинъ постоялецъ также весьма слабого здоровья. Это нѣвій мистеръ Гоблеръ. Его комната примыкаетъ къ гостиной.

— Онъ помѣщается тутъ рядомъ?—спросила миссисъ Блоссъ.

— Да, близехонько,—подтвердила миссисъ Тиббсъ.

— Скажите, какъ странно!—воскликнула вдова.

— Онъ почти не встаетъ,—прибавила шопотомъ хозяйка.

— Вотъ какъ!—также тихо произнесла посѣтителница.

— А когда онъ встанетъ,—сказала миссисъ Тиббсъ,—то нѣтъ возможности уговорить его опять лечь въ постель.

— Господи! — подхватила удивленная миссисъ Блоссъ, придвигающая свой стулъ ближе къ хозяйкѣ.—Чѣмъ же онъ боленъ?

— Дѣло въ томъ,—словоохотливо отвѣчала миссисъ Тиббсъ,—что у него нѣтъ никакого желудка.

— Нѣтъ—чего?—спросила миссисъ Блоссъ съ видомъ невѣроятной тревоги.

— Желудка,—повторила миссисъ Тиббсъ, тряхнувъ головой.

— Боже помилуй, какая странная болѣзнь!—пролетела миссисъ Блоссъ, понявъ слова хозяйки въ буквальный смыслъ, и не могла надивиться чудаку, который, не имѣя желудка, находилъ нужнымъ нанимать квартиру со столомъ.

— Говоря, что у него нѣтъ желудка,—пояснила болтливая миссисъ Тиббсъ,—я подразумѣваю, что его пищевареніе такъ разстроено, а внутренности такъ испорчены, что желудокъ не приноситъ ему никакой пользы; мало того, онъ служитъ больному только помѣхой.

— Отъ роду не слыхивала о такой напасти!—воскликнула миссисъ Блоссъ.—Да онъ боленъ еще хуже меня!

— О, конечно,—подтвердила хозяйка.

Она произнесла эти слова съ твердымъ убѣжденіемъ, такъ какъ, судя по наружности, вдовушка не страдала недугомъ мистера Гоблера.

— Вы страшно подстрекнули мое любопытство,—замѣтила она, поднимаясь передъ уходомъ.—Какъ мнѣ хочется увидѣть его!

— Онъ обыкновенно сходить внизъ только разъ въ недѣлю,—сообщила хозяйка;—п, вѣроятно, вы познакомитесь съ нимъ въ воскресенье.

Миссисъ Блоссъ должна была удовольствоваться этимъ утѣшительнымъ обѣщаніемъ. Она медленно ползла съ лѣстницы, всю дорогу изливаясь въ жалобахъ и охая; миссисъ Тиббсъ провожала ее, издавая сочувственныя восклицанія на каждой ступени. Джемсъ (очень грязный послѣ чистки ножей) опрометью выскочилъ изъ кухни, взбѣжалъ по лѣстницѣ и открылъ парадную дверь; здѣсь послѣ взаимнаго прощанія миссисъ Блоссъ разсталась съ хозяйкой и медленно поплыла вдоль по улицѣ, придерживаясь тѣневой стороны.

Почти излишне уюминать о томъ, что особа, которую мы сейчасъ проводили (и на которую обѣ служанки пялятъ теперь глаза изъ оконъ второго этажа), была до нельзя вульгарна, невѣжественна и себялюбива. Ея покойный благовѣрный былъ очень крупный пробочный фабрикантъ и нажилъ приличное состояніе. У него не было родныхъ, кромѣ одного племянника, и никого знакомыхъ, кромѣ своей кухарки. Первый въ одно прекрасное утро имѣлъ нахальство попросить у дяди взаймы пятнадцать фунтовъ стерлинговъ, а дядя въ отместку на другой же день взялъ да и женился на собственной служанкѣ, послѣ чего тотчасъ составилъ духовную, въ которой излилъ свое благородное негодованіе противъ племянника (содержавшаго себя и двухъ сестеръ на сто фунтовъ въ годъ) и отказалъ все свое имущество женѣ. Онъ заболѣлъ послѣ утренняго завтрака и умеръ послѣ обѣда. Въ его приходской церкви можно видѣть доску на подобіе каминной, гдѣ перечислены его добродѣтели и увѣковѣчено соболѣзнованіе о его кончинѣ. Онъ никогда не оставлялъ неоплаченного счета и никогда не удѣлялъ никому мѣдной полушки.

Вдова, единственная душеприказчица этого благороднаго чловѣка, являла собою странную смѣсь лукавства и простоватости, щедрости и мелочности. При своей невоспистанности она не знала ничего пріятнѣе жизни въ меблированныхъ квартирахъ и отъ нечего дѣлать вообразила себя серьезно больною, при чемъ лечившій ее докторъ Уоски вмѣстѣ съ служанкой Агнесой тщательно поддерживали въ ней это заблужденіе; вѣроятно, у нихъ обоихъ были серьезныя причины потакать всѣмъ ея нелѣпымъ причудамъ.

Со времени катастрофы, описанной въ предыдущей главѣ, миссисъ Тиббсъ ужасно боялась пускать къ себѣ молодыхъ дѣвицъ. Всѣ ея теперешніе постояльцы принадлежали къ спльному полу, и она воспользовалась ихъ присутствіемъ за обѣденнымъ столомъ, чтобъ сообщить имъ о предстоящемъ прибытіи миссисъ Блоссъ. Джемтльмены приняли эту новость съ стоическимъ рав-

нодушемъ, а миссисъ Тиббсъ со всѣмъ усердіемъ принялась готовить къ пріему хворой лэди. Комнату во второмъ этажѣ окнами на улицу скребли, мыли и протирали фланелью до тѣхъ поръ, пока сырость проникла сквозъ потолокъ гостиной. Чистыя бѣлыя покрывала, занавѣси и салфетки, графины, прозрачные, какъ хрусталь, синіе кувшины и мебель краснаго дерева дополняли роскошь и увеличивали комфортъ помѣщенія. Въ него то и дѣло требовалась грѣлка, а каминъ топился ежедневно. Пожитки миссисъ Блоссъ доставлялись по частямъ. Сначала прибыла большая корзинка съ портретомъ и зонтикомъ; за ними слѣдовала обозъ сундуковъ, потомъ пара калошъ и шляпная картонка, потомъ кресло съ надувной подушкой, затѣмъ множество свертковъ подозрительнаго вида и, наконецъ, — сама миссисъ Блоссъ съ горничной Агнесой; послѣдняя нарядилась въ мериновое платье вишневаго цвѣта, въ ажурные чулки и башмаки съ переплетомъ—ни дать, ни взять костюмированная Коломбина.

Водвореніе герцога Веллингтона въ качествѣ канцлера Оксфордскаго университета въ смыслѣ суеты и суматохи было ничто сравнительно съ водвореніемъ миссисъ Блоссъ въ ея новой квартирѣ. Правда, тутъ не было блестящаго доктора гражданского права для поднесенія классическаго адреса по этому случаю, но къ подъѣзду сбѣжалось много старыхъ бабъ, которыя тараторили никакъ не меньше и нисколько не хуже понимали одна другую. Потребительница бараньихъ котлетъ до того утомилась переѣздомъ, что рѣшила не выходить изъ своей комнаты до слѣдующаго утра. Такимъ образомъ для поддержки ея силъ пришлось отправить наверхъ баранью котлету, пикулей, пилюль, бутылку портера и прочіе медикаменты.

— Каково вамъ покажется, сударыня, — обратилась любопытная Агнеса къ своей госпожѣ часа три спустя послѣ ихъ переселенія, — каково вамъ покажется, вѣдь, наша-то хозяйка замужня!

— Замужняя, — подхватила миссисъ Блоссъ, принимая пилюлю и слѣша запитъ ее портеромъ, — замужня! Не можетъ быть!

— Увѣряю васъ, сударыня, — настаивала Коломбина. — И мужъ ея, знаете, живеть—хи! хи! хи! — живеть на кухнѣ, сударыня

— На кухнѣ!

— Истинная правда, сударыня, и судомойка—хи! хи! хи! — судомойка сказывала, что хозяинъ никогда не показывается въ столовую, кромѣ какъ по воскресеньямъ. А жена-то заставляетъ его чистить сапоги постояльцамъ, да подчасъ и протирать оконныя стекла. Вотъ однажды раннимъ утромъ мостъ онъ съ балкона окошки въ гостиной и видитъ, что по ту сторону улицы идетъ

пхъ бывшій постоялецъ; онъ возьми да и крикни ему слугу: „Здравствуйте, мистеръ Кэльтонъ! Какъ поживаете, сэръ?“

Тутъ горничная залилась такимъ хохотомъ, что миссисъ Блоссъ серьезно опасалась, какъ бы съ ней не приключилась истерика.

— Вотъ ужъ никакъ не думала!—сказала озадаченная вдова.

— Какъ же, какъ же, сударыня. И съ вашего позволенія,— служанки иногда угощаютъ бѣднягу разбавленнымъ джиномъ; тутъ онъ сейчасъ ударится въ слезы и говоритъ, что ненавидитъ жену и постояльцевъ, и что ему охота ихъ пощекотать.

— Пощекотать постояльцевъ?! — подхватила не на шутку встревоженная миссисъ Блоссъ.

— Да нѣтъ, сударыня, не постояльцевъ, а служанокъ.

— Ну, это еще не велика бѣда!—воскликнула хвора я лѣди, совершенно успокоившись.

— Хозяину вздумалось было поцѣловать меня, когда я поднималась по лѣстницѣ изъ кухни,—съ негодованіемъ продолжала Агнеса,—ужъ и задала же я ему, безстыжему негодю!

Горничная нисколько не преувеличивала. Безпрерывныя обиды и пренебреженіе, житье на кухнѣ, ночлегъ на складной кровати отняли послѣднюю бодрость у злополучнаго волонтера, никогда не отличавшагося особенной твердостью воли. Мистеръ Тиббсъ не имѣлъ никого, передъ кѣмъ онъ могъ бы изливать свои жалобы на несправедливую судьбу, кромѣ служанокъ; поэтому не мудрено, что онъ сдѣлался его единственными утѣшительницами. Ни чуть не странно и то, что маленькая слабость къ женскому полу, привитая ему, пожалуй, на военной службѣ, какъ будто возрастала въ немъ по мѣрѣ уменьшенія жизненныхъ удобствъ. Такимъ образомъ онъ превратился въ какое-то подобіе поденнаго Донъ-Жуана, героя подвальныхъ романовъ.

На слѣдующее утро, по случаю воскреснаго дня, завтракъ былъ поданъ въ парадной столовой въ десять часовъ утра. Онъ обыкновенно подавался въ девять, но по воскресеньямъ завтракали часомъ позже. Тиббсъ облекся въ свой праздничный костюмъ—въ чернѣйшій сюртукъ и необычайно короткіе и узкіе брюки, въ просторный бѣлый жилетъ, бѣлые чулки и галстухъ, надѣлъ модные сапоги и поднялся въ вышеупомянутую столовую. Никто еще не сходилъ внизъ, и онъ, забавы ради, началъ опоражнивать сливочникъ съ помощью чайной ложечки.

Но вотъ послышалось шлепанье туфель по лѣстницѣ. Тиббсъ проворно отскочилъ къ ближайшему стулу. Мужчина суроваго вида лѣтъ пятидесяти, съ весьма скудной растительностью на головѣ и съ воскреснымъ номеромъ газеты въ рукахъ вошелъ въ комнату.

— Добраго утра, мистеръ Ивенсонъ, — смиренно произнесъ Тиббсъ, не то поклонившись, не то смущенно кивнувъ головой.

— Какъ поживаете, мистеръ Тиббсъ? — сказалъ на это джентльменъ въ туфляхъ, садясь за столъ, и принялся за чтеніе газеты, не сказавъ болѣе ни слова.

— У себя ли сегодня мистеръ Уисболтъ, не знаете ли вы, сэръ? — освѣдомился Тиббсъ просто ради того, чтобъ сказать что-нибудь.

— Кажется, такъ, — отвѣчалъ суровый джентльменъ. — По крайней мѣрѣ онъ насвистывалъ „Легкую Гитару“ въ комнатѣ рядомъ со мною въ пять часовъ утра.

— Онъ ужасно любитъ свистать, — замѣтилъ хозяинъ, осторожно усмѣхаясь.

— Да, любить, а я — нѣтъ, — отрѣзала постоялецъ.

Мистеръ Джонъ Ивенсонъ былъ обезпеченъ большимъ доходомъ, который получалъ преимущественно съ принадлежавшихъ ему многочисленныхъ домовъ въ различныхъ пригородахъ. Крайне угрюмый, озлобленный, онъ принадлежалъ къ числу завзятыхъ радикаловъ и обыкновенно присутствовалъ на всевозможныхъ общественныхъ собраніяхъ нарочно для того, чтобъ порицать огуломъ все, что на нихъ предлагалось. Мистеръ Уисболтъ, напротивъ, былъ отъявленный тори. Онъ служилъ клеркомъ въ лѣсномъ вѣдомствѣ и считалъ свою должность весьма аристократической; онъ выучилъ наизусть „Книгу Паровъ“ и могъ сказать вамъ безъ запинки, гдѣ живетъ то или другое знатное лицо. Онъ могъ похвастаться славными зубами и превосходнымъ портнымъ. Всѣ эти свойства внушали мистеру Ивенсону глубокое презрѣніе, вслѣдствіе чего между обоими сосѣдями происходили постоянные споры къ вышнему назиданію прочихъ обитателей дома. Надо прибавить, что кромѣ пристрастія къ насвистыванію арій мистеръ Уисболтъ питалъ еще слабость къ пѣнію и, не шутя, приписывалъ себѣ выдающіяся вокальныя способности. Кромѣ джентльмена, занимавшаго заднюю гостиную, у миссисъ Тоббсъ помѣщались еще два постояльца: мистеръ Томкинсъ и мистеръ Фредрикъ О'Блири. Мистеръ Томкинсъ служилъ конторщикомъ въ винномъ складѣ; онъ былъ знатокъ по части живописи и обладалъ тонкимъ художественнымъ чутьемъ. Мистеръ О'Блири, ирландецъ, недавно прибывшій въ Лондонъ, находился еще въ совершенно дикомъ состояніи; онъ пріѣхалъ въ Англію, чтобъ пристроиться тутъ аптекаремъ, государственнымъ чиновникомъ, актеромъ, репортеромъ, или чѣмъ-нибудь другимъ, смотря по тому, что подвернется подъ руку, — этотъ малый былъ не прихотливъ насчетъ профессіи. Онъ стоялъ на короткой ногѣ съ двумя незначительными ирландскими депутатами въ парламентѣ и снабжалъ всѣхъ въ домѣ парламентскими бланками для бесплатной переписки. О'Блири былъ убѣжденъ, что

его несомнѣнные достоинства создадутъ ему блестящую будущность. Онъ носилъ невыразимые изъ клѣтчатаго шотландскаго сукна и заглядывалъ всѣмъ дамамъ подъ шляпки, гуляя по улицамъ. Его манеры и наружность напоминали Орсона *).

— Вотъ идетъ и мистеръ Уисботль,—замѣтилъ Тиббсъ.

Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ появился мужчина въ синихъ туфляхъ и клѣтчатомъ халатѣ, нашивистывая „Di piasec“.

— Здравствуйте, сэръ,—привѣтствовалъ его хозяинъ.

То были почти единственные слова, съ которыми онъ обращался къ постояльцамъ.

— Какъ живете-можете?—снисходительно кинулъ ему любитель вокальныхъ упражненій; онъ подошелъ къ окну и засвисталъ громче прежняго.

— Славная арія!—брюзжливо процѣдилъ Ивенсонъ, не открывая глазъ отъ газеты.

— Весьма радъ, что она вамъ нравится, — отозвался крайне польщенный Уисботль.

— А не думаете ли вы, что будетъ еще лучше, если вы засвистите погромче?—провоачалъ бульдогъ.

— Нѣтъ, я съ вами не согласенъ,—возразилъ недогадливый мальш.

— Вотъ что я вамъ скажу, Уисботль,—продолжалъ Ивенсонъ, который уже нѣсколько часовъ подавлялъ свой гнѣвъ,—слѣдующій разъ, если вамъ придетъ блажь нашивистывать „Легкую Гитару“ въ пять часовъ утра, то потрудитесь забавляться этимъ, высунувъ голову изъ окошка. Въ противномъ случаѣ я покажу вамъ себя, вы увидите, чортъ побери...

Приходъ миссисъ Тиббсъ (съ ключами въ корзиночкѣ) прервалъ угрозы и не далъ разыгратъ бурной сценѣ.

Хозяйка извинилась за промедленіе и позвонила; Джемсъ принесъ кипящій самоваръ и получилъ приказаніе подать неограниченное количество холоднаго поджареннаго хлѣба и ветчины. Занявъ мѣсто на концѣ стола, Тиббсъ принялся уплетать крессъ-саладъ подобно царю Навуходоносору. Явился О'Блири, а за нимъ мистеръ Альфредъ Томкинсъ. Послѣ обмѣна утренними привѣтствіями былъ заваренъ чай.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнулъ Томкинсъ, выглянувъ въ окно.—Подите сюда, Уисботль, прошу васъ, подите скорѣй!

Мистеръ Уисботль всеочилъ изъ-за стола, и всѣ присутствующіе подняли головы.

— Видите...—сказалъ знатокъ художественныхъ тонкостей, поставивъ Уисботя въ должную позицію;—подвиньтесь немножко въ эту сторону,—продолжалъ онъ,—такъ... Видите, какъ эффектно

* Герся старинной нантомимы „Валентинъ Орсонъ“.

падасть солнечный свѣтъ на лѣвый бокъ сломанной печной трубы на домъ № 48-й?

— Господи, вижу! — тономъ восхищенія отвѣчалъ Уисботль.

— Никогда въ жизни не видывалъ я, чтобъ какой-нибудь предметъ выдѣлялся такъ эффе́ктно на ясномъ небѣ,—продолжалъ восторгаться Альфредъ. Все (кроме́ Джона Ивенсона) соглашались съ нимъ, потому что Томкинсъ славился поразительнымъ умѣньемъ открывать художественныя красоты тамъ, гдѣ никто другой не могъ ихъ подмѣтить. И эта репутація чуткаго цѣнителя, конечно, была вполне заслужена имъ.

— Мнѣ часто случалось наблюдать въ дублинскомъ Гринъ-Колледжѣ печную трубу несравненно эффе́кти́е этой,—возразилъ патриотъ О'Блири, который былъ не въ силахъ допустить, чтобъ Ирландію затмила другая страна въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Его слова были приняты съ явнымъ недоу́вріемъ, такъ какъ мистеръ Томкинсъ объявилъ, что ни одна печная труба въ Соединенномъ Королевствѣ, сломанная или несломанная, не можетъ сравниться своею живописностью съ трубою на домъ № 48-й.

Въ эту минуту дверь внезапно распахнулась, и горничная Агнеса пропустила въ столовую миссисъ Блоссъ. На ней было кисейное платье цвѣта герани съ блестящими у корсажа золотыми часами почтенныхъ размѣровъ на массивной цѣпи подъ пару имъ, а на ея пальцахъ сверкали роскошныя кольца съ крупнѣйшими камнями. Все кинулись подавать ей стулъ; послѣдовало формальное представленіе. При этомъ мистеръ Джонъ Ивенсонъ только слегка наклонилъ голову; мистеръ Фредрикъ О'Блири, мистеръ Альфредъ Томкинсъ и мистеръ Уисботль раскланывались точно мандарины въ окнѣ бакалейщика, а Тиббсъ потиралъ руки и смущенно топтался кругомъ. Было замѣчено, что онъ прищурилъ одинъ глазъ, а другому придалъ внушительное выраженіе; это было принято за таинственный знакъ, предназначенный по адресу Агнесы. Мы опровергаемъ подобную клевету, не допуская никакихъ возраженій.

Миссисъ Тиббсъ вполголоса освѣдомилась о здоровьѣ миссисъ Блоссъ. Послѣдняя съ величайшимъ пренебреженіемъ къ памяти Линдлея Мюррея *) отвѣчала на ея вопросы самымъ успокоительнымъ образомъ; наступило молчаніе, въ продолженіе котораго съѣстное уничтожалось съ ужасающей быстротой.

— Вѣроятно вамъ очень понравились туалеты дамъ, отправлявшихся въ послѣдній пріемъ при дворѣ, мистеръ О'Блири?—спросила хозяйка въ надеждѣ завязать разговоръ.

— Да, — отвѣчалъ Орсонъ съ полнымъ ртомъ, стараясь прожевать поджаренный хлѣбъ.

*) Составитель грамматики.

— Вѣроятно, вы никогда не видали прежде ничего подобнаго?—вставилъ Уисботль.

— Нѣтъ, исключая парадныхъ выходовъ вице-короля Ирландіи,—отозвался О'Блири.

— Неужели они могутъ равняться съ придворными прѣмами у насъ?

— О, они далеко превосходятъ ихъ!

— Гм! А по-моему,—замѣтилъ помѣшанный на аристократіи Уисботль,—вдовствующая маркиза Пембликъмъ была одѣта великолѣпно, какъ и баронъ Шлашпенбахенгаузенъ.

— По какому поводу онъ представлялся? — полюбопытствовалъ Ивенсонъ.

— По поводу его прибытія въ Англію.

— Я такъ и думалъ,—буркнулъ радикаль;—вотъ о прощальныхъ визитахъ этихъ господъ что-то не слышно: они себѣ на умѣ и не торопятся отъѣздомъ.

— Если кто-нибудь не предложитъ имъ жалованья,—замѣтила миссисъ Блосъ, вмѣшавшись въ общую бесѣду томнымъ голосомъ.

— Да, — сказалъ Уисботль, уклоняясь отъ щекотливаго предмета, — зрѣлище это великолѣпно.

— А неужели вамъ никогда не приходило въ голову,—началъ опять неугомонный радикаль,—что вы сами оплачиваете эту ослабительную роскошь знатнаго круга?

— Конечно, приходило,—возразилъ Уисботль, увѣренный въ томъ, что онъ поставитъ втупикъ противника своимъ отвѣтомъ;—конечно, это приходило мнѣ въ голову, и я согласенъ оплачивать ее.

— Ну, а я совѣмъ не согласенъ,—рѣзко перебилъ Ивенсонъ.— Съ какой стати буду я дѣлать это? Съ какой стати, скажите на милость!—горячился политиканъ, откладывая въ сторону газету и стуча по столу суставами согнутыхъ пальцевъ.—Существуютъ два великихъ принципа: спрось...

— Не хочешь ли чашечку чая, мой милый? — неожиданно прервала потокъ его краснорѣчія хозяйка дома, ласково обращаясь къ мужу.

— И предложеніе...

— Могу я просить васъ передать этотъ чай мистеру Тиббсу?— снова перебила его аргументацію миссисъ Тиббсъ, безсознательно иллюстрируя ее нагляднымъ примѣромъ.

Нить ораторской рѣчи была порвана, и недовольный Ивенсонъ, допивъ свой чай, снова углубился въ чтеніе газеты.

— Если будетъ хорошая погода,—сказалъ мистеръ Альфредъ Томкинсъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ вообще,—то я поѣду сегодня прокатиться въ Ричмондъ, а назадъ вернусь на пароходѣ. На Темзѣ можно наблюдать порою дивные эффекты свѣта

и тѣни; контрастъ между синевою неба и желтизной воды часто бываетъ поразительно красивъ.

И мистеръ Уисботъ принялся насвистывать: „Теки, блестящая рѣка“.

— У насъ въ Ирландіи великолѣпные пароходы,—поспѣшили замѣтить О’Блири.

— Это правда,—сказала миссисъ Блоссъ, обрадованная тѣмъ, что новый предметъ разговора дастъ ей возможность вставить въ него словечко.

— Удобства на нихъ изумительныя, — прибавилъ ирландецъ.

— Совершенно вѣрно,—подтвердила вдовица.—Моему покойному мужу зачастую приходилось ѣздить въ Ирландію по дѣламъ; я сопутствовала ему. Трудно себѣ представить, какъ удобно устроены на этихъ пароходахъ спальни какъ на женской, такъ и на мужской половинѣ.

Тиббсъ, внимательно слушавшій, былъ видимо озадаченъ и уже открылъ ротъ, чтобъ задать вопросъ, но былъ остановленъ взглядомъ своей благовѣрной. Мистеръ Уисботъ засмѣялся, будто бы надъ двусмысленностью Томкинса, а тотъ принялся оправдываться, въ свою очередь покатавшись со смѣху.

Завтракъ окончился безъ дальнѣйшихъ инцидентовъ. Разговоръ не клеился, и присутствующіе отъ нечего дѣлать поигрывали чайными ложечками. Мужчины смотрѣли въ окно, прохаживались по комнатамъ и, приблизившись къ двери, незамѣтно исчезали одинъ за другимъ. Тиббсъ по приказанію своей супруги удалился въ заднюю комнату провѣрить недѣльный счетъ зеленщика, а миссисъ Тиббсъ осталась, наконецъ, наединѣ со вдовушкой.

— Странное дѣло,—сказала послѣдняя,—съ чего это на меня напала такая слабость? (Дѣйствительно, тутъ было чему подивиться, такъ какъ миссисъ Блоссъ уничтожила по утру фунта четыре твердой пищи). Кстати,—спохватилась вдругъ она,—а я такъ и не видала сегодня того постояльца... какъ бишь его?

— Мистера Гоблера?—подсказала хозяйка.

— Да.

— О,—промолвила миссисъ Тиббсъ,—онъ крайне таинственная личность! Ему постоянно посылаютъ ѣду въ его комнату, откуда этотъ джентльменъ не выходитъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ.

— Его рѣшительно не видно и не слышно, — повторила новая жилища.

— Ночью, пожалуй, онъ дастъ вамъ о себѣ знать: мистеръ Гоблеръ обыкновенно порядкомъ стонетъ по воскреснымъ вечерамъ.

— Никто на свѣтѣ не внушалъ мнѣ такого участія, какъ онъ!—воскликнула миссисъ Блоссъ.

Осторожный стукъ въ дверь положилъ конецъ этому разговору. Доложили о приходѣ доктора Уоски, который и былъ немедленно

введенъ въ комнату. Хозяйка увидала низенькаго краснолицаго человѣчка, одѣтаго, конечно, во все черное, и въ бѣломъ туго накрахмаленномъ галстухѣ. Онъ приобрѣлъ отличную практику и нажилъ изрядный капиталецъ, неизмѣнно потворствуя самому въ дикимъ причудамъ паціентовъ въ каждомъ семействѣ, куда его приглашали. Миссисъ Тиббсъ хотѣла скромно удалиться, но ее попросили остаться.

— Ну-съ, какъ мы поживаемъ, милая барынька? — нѣжно освѣдомился врачъ.

— Плохо, докторъ, очень плохо, — прошептала паціентка, томно вздыхая.

— Э-э! Намъ нужно заботиться о своемъ здоровьи, непременно нужно, — сказалъ угодливый эскулапъ, щупая пульсъ интересной больной. — А какъ нашъ аппетитъ?

Вдовица скорбно покачала головою.

— Милѣйшая миссисъ Блоссъ требуетъ тщательнаго ухода за собою, — продолжалъ Уоски, обращаясь къ миссисъ Тиббсъ, которая, конечно, согласилась съ нимъ. — Впрочемъ, я надѣюсь, — прибавилъ онъ, — что съ помощью Провидѣнія намъ удастся возстановить ея силы.

Хозяйка внутренно недоумѣвала, во что должна превратиться паціентка при полномъ ея излѣченіи.

— Намъ необходимы возбуждающія средства, — распространялся дальше хитрый Уоски, — обильное питаніе, — а самое главное — надо беречь наши нервы; мы положительно не должны давать воли своей чувствительности. Намъ не слѣдуетъ пренебрегать ничѣмъ полезнымъ для здоровья, — заключилъ докторъ, опуская въ карманъ свой гонораръ, — и соблюдать полное спокойствіе.

— Милый человѣкъ! — съ умиленіемъ воскликнула миссисъ Блоссъ, когда онъ усаживался въ свою карету у крыльца.

— Въ самомъ дѣлѣ очаровательный, — подхватила миссисъ Тиббсъ, — настоящій дамскій докторъ!

А докторъ Уоски тѣмъ временемъ укатилъ прочь дурачить новыя бабъ и собирать новую жатву съ ихъ невѣжества.

Такъ какъ мы уже описали одинъ изъ обѣдовъ въ меблированныхъ комнатахъ миссисъ Тиббсъ и такъ какъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ эти трапезы носили однообразный характеръ, то мы не станемъ утомлять нашихъ читателей, посвящая ихъ въ новыя подробности домашней экономіи этого почтеннѣйшаго заведенія. Перейдемъ къ дальнѣйшимъ событіямъ, замѣтивъ только мимоходомъ, что таинственный постоялецъ, занимавшій вторую гостиную, окнами во дворъ, вѣчно жаловался на болѣзнь, но въ сущности никогда не хворалъ. Въ виду близкаго сходства характеровъ между нимъ и миссисъ Блоссъ вскорѣ завязалась горячая дружба. Мистеръ

Гоблеръ былъ высокъ ростомъ, сухопарь и блѣдепъ; онъ постоянно воображалъ, что его то тутъ, то тамъ грызетъ жестокая боль, отчего вѣчно морщился и кривилъ лицо. Дѣйствительно, у него всегда былъ такой видъ, точно онъ противъ собственнаго желанія попалъ ногами въ ведро съ крутымъ кипяткомъ.

Два-три мѣсяца спустя послѣ перваго появленія миссисъ Блоссъ на Коремъ-стритѣ было замѣчено, что Джонъ Ивенсонъ становится съ каждымъ днемъ пассивнѣе и неспособнѣе; его заносчивость явно усилилась; очевидно, онъ воображалъ, что сдѣлалъ какое-то открытiе, и выжидалъ только удобнаго случая огласить его. Случай этотъ, наконецъ, представился.

Однажды вечеромъ обитатели дома, собравшись въ гостиной, предавались своимъ обычнымъ занятіямъ. Мистеръ Гоблеръ и миссисъ Блоссъ играли въ кривбеджъ за ломбернымъ столомъ у средняго окна. Мистеръ Уисботль описывалъ полукружія, сидя на вертящемся табуретѣ, перелистывалъ ноты на фортепіано и необычайно мелодично мурлыкалъ себѣ подъ носъ. Мистеръ Томкинсъ помѣстился у круглаго стола, гдѣ набрасывалъ карандашомъ разставивъ локти, эскизъ головы гораздо больше своей собственной. О'Блири читалъ Горация, при чемъ старался дѣлать видъ, что понимаетъ его. Что же касается Джона Ивенсона, то онъ подвинулъ свой стулъ вплотную къ рабочему столу хозяйки и серьезно бесѣдовалъ съ нею вполголоса.

— Могу васъ увѣрить, миссисъ Тиббсъ,—говорилъ радикалъ, подоживъ указательный палецъ на кисею, которую она вышивала, могу васъ увѣрить, что, только радъ я о вашемъ благополучіи, я рѣшаюсь сообщить вамъ это. Повторяю опять, мнѣ сильно сдается, что мистеръ Уисботль сбиваетъ съ пути ту дѣвчонку Агнесу и что они устраиваютъ свиданія въ кладовой нижняго этажа. Вчера ночью до моей спальни явственно доносились оттуда голоса. Я тотчасъ отворилъ дверь и потихоньку выгѣлъ на площадку; тутъ мнѣ попался мистеръ Тиббсъ, которому, должно быть, также не давали спать эти полуночники. Господи, вы перемѣнились въ лицѣ. миссисъ Тиббсъ!

— Нѣтъ, нѣтъ,—ничего!—послѣдшне оправдалась хозяйка.—Здѣсь въ комнатѣ ужасно жарко.

— Мать!—воскликнула миссисъ Блоссъ за ломбернымъ столомъ, согласно терминамъ игры.

— Еслибъ я убѣдилась, что мистеръ Уисботль заводитъ шаши съ прислугой, то немедленно попросила бы его удалиться изъ моего дома.

— Вашъ ходъ!—произнесла опять миссисъ Блоссъ.

— А еслибъ оказалось,—продолжала хозяйка съ самымъ грознымъ видомъ,—что мистеръ Тиббсъ содѣйствовалъ ему...

— Козырный валетъ!—объявилъ Гоблеръ

— О, — возразилъ мистеръ Ивенсонъ самымъ успокоительнымъ тономъ — онъ любилъ сѣять смуты, — о, я надѣюсь, что мистеръ Тиббсъ тутъ не при чемъ! Онъ всегда казался мнѣ такимъ безобиднымъ.

— Онъ такимъ и былъ обыкновенно! — рыдала бѣдная маленькая миссисъ Тиббсъ, заливаясь слезами.

— Тсс! тсс! прошу васъ... миссисъ Тиббсъ... опомнитесь! Вѣдь, на насъ могутъ обратить вниманіе... полноте... успокойтесь!.. — увѣщевалъ ее Джонъ Ивенсонъ изъ боязни, что весь его планъ можетъ такимъ образомъ рухнуть. — Мы тщательно обсудимъ все хладнокровно, и я буду счастливъ помочь вамъ выяснитъ дѣло.

Миссисъ Тиббсъ пробормотала нѣсколько безсвязныхъ словъ благодарности.

— Когда, по вашему соображенію, всѣ улягутся спать сегодня вечеромъ, — съ важностью продолжалъ постоялецъ, — то, если вы подойдете въ потемкахъ, безъ огня, къ самой двери моей спальни, у окна на лѣстницѣ, я думаю, что намъ удастся открыть настоящихъ виновныхъ. Послѣ того вы можете поступить, какъ найдете нужнымъ.

Миссисъ Тиббсъ легко поддалась внушенію искусителя. Ея любопытство и ревность были возбуждены до крайняго предѣла, и она уговорила съ Ивенсономъ, какъ надо дѣйствовать. Преодолевъ свое волненіе, хозяйка продолжала заниматься своимъ вышиваньемъ, а почтенный Джонъ Ивенсонъ, какъ ни въ чемъ не бывало, прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы. Игра въ криббеджъ окончилась, и снова завязался общій разговоръ.

— Скажите-ка, О'Блири, — спросилъ жужжащій волчокъ, по ворно повернувшись на своемъ стержнѣ, — какъ поправилось вамъ вчерашнее представленіе на вокзалѣ?

— Какъ нельзя лучше! — отвѣчалъ Орсонъ, приведенный въ неописуемый восторгъ всѣмъ видѣннымъ.

— Небось, вы не видали ничего подобнаго выходу капитана Росса?

— Нѣтъ, — согласился ирландскій патриотъ съ своей обычной оговоркой, — не видывалъ нигдѣ, кромѣ Дублина.

— Я встрѣтилъ графа де Канки и капитана Фитцъ-Томпсона среди публики, гулявшей въ садахъ; они также восхищались представленіемъ.

— Значитъ, оно было превосходно! — язвительно проговорилъ Ивенсонъ.

— По моему особенно хорошо представляли бѣлыхъ медвѣдей, — вмѣшалась миссисъ Блоссъ. — Въ своихъ мохнатыхъ бѣлыхъ шубахъ они казались настоящими полярными медвѣдями, не такъ ли, мистеръ Ивенсонъ?

— Ну, я полагаю, что они гораздо больше смахивали на кондукторовъ омнибусовъ, ползающихъ на четверенькахъ,—возразилъ неисправный брюзга.

— Въ общемъ я остался бы доволенъ нашимъ вечеромъ,—заяхавшись, проговорилъ Гоблеръ, — еслибъ не схватилъ отчаянной простуды, которая страшно усилила мою болѣзнь. Мнѣ пришлось взять нѣсколько душей, прежде чѣмъ я могъ выйти изъ комнаты.

— Важная штука эти души!—подхватилъ Уисботль.

— Превосходная!—воскликнулъ Томкинсъ.

— Восхитительная!—отозвался О'Блири (онъ видѣлъ однажды души, выставленные у жестяника).

— Отвратительное изображеніе! — возразилъ Ивенсонъ, неприязнь котораго простиралась чуть ли не на все существующее мужскаго, женскаго или средняго рода.

— Отвратительное, мистеръ Ивенсонъ?—произнесъ Гоблеръ тономъ глубокаго негодованія.—Отвратительное! Но вникните въ то, какую пользу приносить оно, сколько человѣческихъ жизней спасено, благодаря свойству душа вызывать испарину.

— Что правда, то правда,—проворчалъ Джонъ Ивенсонъ, разомъ остановившись посреди комнаты, которую онъ мѣрилъ шагами по широкимъ квадратамъ на узорѣ ковра.—Это, дѣйствительно, отличное потогонное средство, не стану спорить. Однажды я былъ такимъ осломъ, что далъ уговорить себя и принялъ души въ своей спальнѣ. Онъ въ самомъ дѣлѣ помогъ мнѣ, потому что послѣ перваго опыта одинъ видъ этой проклятой машины кидалъ меня въ потъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ.

Эти слова были встрѣчены сдержаннымъ смѣхомъ, который не успѣлъ замолкнуть, какъ Джемсъ явился „съ подносомъ“. На немъ красовались остатки баранины, дебутировавшей за обѣдомъ; хлѣбъ, сыръ, атомъ сливочнаго масла въ цѣломъ лѣсу петрушки; маринованный грецкій орѣхъ и одна треть другого и тому подобное. Мальчикъ ушелъ и вернулся обратно съ другимъ подносомъ, установленнымъ стаканами и кувшинами съ горячей и холодной водой. Кавалеры принесли свои бутылки съ ликерами; горничная поставила разнокалиберные подсвѣчники со свѣчами для спаленъ подъ ломберный столъ, и вся прислуга удалилась на ночь.

Стулья были придвинуты къ столу, послѣ чего общая бесѣда продолжалась обычнымъ порядкомъ. Джонъ Ивенсонъ, никогда не ужилавшій, валялся по дивану, потѣшаясь придрюками ко всѣмъ и каждому. О'Блири ѣлъ столько, сколько могъ захватить, не нарушая приличій, что жестоко возмущало миссисъ Тиббсъ. Мистеръ Гоблеръ и миссисъ Блоссъ крайне дружески связывали о глотаніи пидюль и тому подобныхъ невинныхъ развлеченіяхъ, тогда какъ Томкинсъ и Уисботль „вступили въ споръ“; вѣрнѣе

сказать, они говорили оба очень громко и занальчиво, воображая каждый про себя, что перевѣсъ остается на его сторонѣ, тогда какъ ни одинъ, ни другой изъ нихъ не имѣлъ даже яснаго понятія о предметѣ этихъ пререканій. Такъ прошелъ часокъ-другой. Наконецъ, всѣ постояльцы, вооружившись мѣдными подсвѣчниками, разбрелись по своимъ спальнямъ. Джонъ Ивенсонъ выставилъ за дверь свои сапоги, заперся на ключъ и рѣшилъ не ложиться до ухода изъ гостиной мистера Гоблера, который имѣлъ привычку просиживать тамъ около часа одинъ послѣ удаленія всѣхъ прочихъ, принимая свое лѣкарство и охая.

Большой Коремъ-стричь давно погрузился въ глубокую тишину; время приближалось къ двумъ часамъ ночи. Изрѣдка по улицѣ медленно гromыхалъ наемный экипажъ; какой-нибудь за-поздалый писецъ изъ конторы нотаріуса, возвращаясь домой въ Сомерсъ-Таунъ, ударилъ подбитымъ желѣзомъ каблучкомъ по крышкѣ угольнаго подвала съ гулкимъ звономъ, похожимъ на лязгъ желѣзнаго вертѣла въ контильнѣ. И опять водворялось чуткое безмолвіе, въ которомъ можно было уловить лишь тихое, монотонное журчанье, усугублявшее романическую мрачность ночной поры. То бѣжала пущенная вода въ нумерѣ одиннадцатомъ.

— Должно быть, Гоблеръ теперь уснулъ,—говорилъ про себя Джонъ Ивенсонъ, прождавъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ около часа послѣ ухода ипохондрика изъ гостиной. Онъ прислушивался въ теченіе нѣсколькимъ минутъ; въ домѣ все было спокойно; постоялецъ загасилъ свой ночникъ и отперъ дверь своей спальни. На лѣстницѣ было темно, хоть глазъ выколи.

— Ши... ши...—прошепталъ смутьянъ, подражая шилѣню огненнаго колеса, подающаго знакъ, что оно сейчасъ вспыхнетъ и завертится въ вихрѣ разноцвѣтныхъ искръ.

— Тсс!—произнесъ кто-то вблизи него.

— Это вы, миссисъ Тиббсъ?

— Я, сэръ.

— Гдѣ?

— Тутъ.

И у окна лѣстницы показался туманный очеркъ хозяйки, подобно призраку королевы Анны въ драмѣ Шекспира „Ричардъ III“.

— Сюда, миссисъ Тиббсъ,—зашепталъ обрадованный хлопотунъ;—дайте мнѣ вашу руку, вотъ такъ! Кто бы ни были тѣ двое, они теперь въ кладовой, потому что я заглянулъ внизъ изъ окна моей комнаты и успѣлъ подмѣтить, что у нихъ нечаянно опрокинулся подсвѣчникъ; значить, они теперь въ потемкахъ. Вѣдь, вы сняли башмаки, не такъ ли?

— Сняла,—отвѣчала маленькая миссисъ Тиббсъ, которая едва могла ворочать языкомъ отъ колотившей ее дрожи.

— Отлично; я также снялъ сапоги, такъ что мы можемъ теперь спуститься внизъ къ самой двери кладовой и послушать съ площадки.

Они стали подкрадываться втихомолку, осторожно ступая по скрипучимъ ступенямъ.

— Готовъ поклясться, что это Уисботль хороводится съ кѣмъ-то, — энергичнымъ шепотомъ произнесъ радикалъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ подслушиванья.

— Шш!—дайте послушать, что они говорятъ!—подхватила миссисъ Тиббсъ, любопытство которой взяло, наконецъ, верхъ надъ всѣми прочими соображеніями.

— Ахъ, еслибъ только я могла повѣрить вашимъ рѣчамъ,—кокетливо промолвилъ женскій голосъ,—я ужъ непременно повернула бы иначе жизнь моея госпожи.

— Что такое она говоритъ?—спросилъ Ивенсонъ, занимавшій менѣе выгодную позицію, чѣмъ миссисъ Тиббсъ.

— Она собирается лишить жизни свою госпожу. Негодяйка! Они замышляютъ вдвоемъ убійство.

— Я знаю, васъ прельщаютъ деньги,—продолжалъ голосъ, принадлежавшій Агнесѣ;—такъ вотъ если вы достанете мнѣ пятьсотъ фунтовъ, то я ручаюсь, что она скорехонько запылаетъ.

— Что это значитъ?—доспрашивался опять неугомонный постоялецъ, который успѣлъ уловить кое-что и теперь сгоралъ отъ любопытства.

— Она, если не ошибаюсь, хочетъ поджечь домъ,—объяснила испуганная хозяйка.—Но, слава Богу, мое имущество застраховано въ „Фениксъ“!

— Какъ только я залучу вашу госпожу, моя милая,—произнесъ мужской голосъ съ сильнымъ ирландскимъ акцентомъ,—то вы можете рассчитывать на получку денегъ.

— Господи, да, вѣдь, это мистеръ О’Блири!—вырвалось у миссисъ Тиббсъ.

— Мерзавецъ!—прошипѣлъ возмущенный мистеръ Ивенсонъ.

— Первымъ дѣломъ надо спровадить мистера Гоблера,—продолжалъ ирландецъ.

— О, конечно!—одобрила его Агнеса.

— Что, что такое?—приставалъ къ миссисъ Тиббсъ Ивенсонъ, пожираемый ненасытнымъ любопытствомъ.

— Онъ говоритъ, что она должна спровадить на тотъ свѣтъ мистера Гоблера,—отвѣчала хозяйка, содрогаясь при мысли о такомъ злодѣйскомъ посягательствѣ на человѣческую жизнь.

— Относительно же миссисъ Тиббсъ...—приблизилъ О’Блири, при чемъ миссисъ Тиббсъ затряслась, какъ осповый листъ.

— Шш!... — въ сильнѣйшей тревогѣ остановила его Агнеса

какъ разъ въ тотъ моментъ, когда несчастная маленькая женщина была готова хлопнуться въ обморокъ.—Шш!

— Шш!—одновременно съ нею произнесъ Ивенсонъ, унимая обздумѣвшую хозяйку.

— Кто-то поднимается кверху,—сказала своему сообщнику Агнеса.

— Кто-то спускается внизъ,—взволнованнымъ попуткомъ предостерегъ миссисъ Тиббсъ ея провожатый, Ивенсонъ.

— Пройдите въ столовую, сэръ,—торопила ирландца Агнеса.— Вы успѣете проскользнуть туда, прежде чѣмъ кто-бы то ни было поднимется до верху кухонной лѣстницы.

— Въ гостиную, проворнѣй въ гостиную, миссисъ Тиббсъ!—шепнуть озадаченный Ивенсонъ своей не менѣе озадаченной товарижкѣ, и они оба кинулись туда, явственно различая шорохъ, производимый двумя лицами: одно изъ нихъ спускалось внизъ по лѣстницѣ, тогда какъ другое поднималось ощупью вверхъ.

— Кто это можетъ быть?—терялась въ догадкахъ миссисъ Тиббсъ.—Ничего не разберешь, точно во снѣ! Однако, я совѣмъ не желаю, чтобъ меня накрыли при подобныхъ обстоятельствахъ.

— Да и я также,—сказалъ Ивенсонъ, который не могъ переносить шутокъ на свой счетъ.—Тише!..—Они у двери.

— Вотъ потѣха!—прошепталъ одинъ изъ подошедшихъ.

То былъ Уисботль.

— Великолѣпно!—отозвался его товарищъ также тихимъ голосомъ.

То былъ Альфредъ Томкинсъ.

— Кто бы могъ подумать!

— Вѣдь, я вамъ говорилъ!—продолжалъ Уисботль убѣдительнымъ попуткомъ.—Господи, да онъ оказывалъ ей самое удивительное вниманіе вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ. Я наблюдалъ за ними, сидя за фортепіано сегодня вечеромъ.

— А мнѣ, признаться, было невдомекъ!—подхватилъ Томкинсъ.

— Невдомекъ!—продолжалъ Уисботль.—Богъ съ вами; я видѣлъ, какъ онъ шептался съ нею, а она плакала; а потомъ я готовъ поклясться, что слышалъ, какъ онъ говорилъ что-то насчетъ свиданія ночью, когда мы всѣ уляжемся спать.

— Они толкуютъ про насъ!—воскликнула потихоньку миссисъ Тиббсъ, которая сдѣлалась ни жива, ни мертва, когда у нее мелькнула эта мучительная догадка и сознаніе безвыходности своего положенія.

— Понимаю... понимаю,—отвѣчалъ Ивенсонъ, пришедшій къ меланхолическому выводу, что имъ отрѣзаны всѣ пути къ бѣгству.

— Что дѣлать? Не оставаться же намъ тутъ вдвоемъ!—прошептала миссисъ Тиббсъ, у которой мутился разумъ отъ ужаса.

— Я поднимусь вверх по каминной трубѣ, — предложилъ Ивенсонъ, въ самомъ дѣлѣ готовый исполнить свое намѣреніе.

— Невозможно, — съ отчаяніемъ возразила миссисъ Тиббсъ, — невозможно: здѣсь печь съ заслонкой.

— Шш! — опять остановилъ ее Ивенсонъ.

— Шш! шш! — донеслось до нихъ снизу лѣстницы.

— Что за чертовское шиканье! — сказала Альфредъ Томкинсъ, начинавшій порядкомъ теряться.

— Вотъ они гдѣ! — воскликнулъ догадливый Уисботль, заслышавъ подозрительный шорохъ въ кладовой.

— Послушаемъ! — прошептали оба пріятели.

— Послушаемъ! — повторила за ними миссисъ Тиббсъ съ Ивенсономъ.

— Оставьте меня, сэръ! — слышался женскій голосъ въ кладовой.

— О, Агнеса! — раздался другой голосъ, явно принадлежавшій Тиббсу, потому что ни у кого другого никогда не бывало такого голоса. — О, Агнеса, прелестное созданіе!

— Перестаньте, сэръ! (Возня).

— Агн...

— Полноте, сэръ, — мнѣ стыдно за васъ. — Подумайте о своей женѣ, мистеръ Тиббсъ! Отстаньте, сэръ!

— Моя жена! — подхватилъ доблестный Тиббсъ, очевидно, находившійся подъ вліяніемъ разбавленнаго джина и отвергнутой любви; — я ненавижу ее! О, Агнеса, когда я состоялъ въ корпусѣ волонтеровъ въ тысяча восемьсотъ шест...

— Говорю вамъ, что я закричу! Отвяжитесь, сэръ, слышите? (Новая возня и драка).

— Что это такое? — воскликнулъ вздрогнувшій Тиббсъ.

— Да вы про что? — спросила Агнеса, опѣшивъ въ свою очередь.

— Да вотъ!

— Видите, что вы надѣлали, сэръ! — зарыдала испуганная дѣвушка, когда послышался стукъ въ дверь хозяйкиной спальни, куда ломился кто-то со всей силы, точно десятки дятловъ долбили дуплистое дерево.

— Миссисъ Тиббсъ! миссисъ Тиббсъ! — вопила миссисъ Блюсъ. — Миссисъ Тиббсъ, вставайте, прошу васъ. (Тутъ раздраженіе дятлу возобновилось съ удесятиреннымъ ожесточеніемъ).

— О, Господи! Господи! — воскликнула несчастная половина безпутнаго Тиббса. — Она стучится въ мою дверь. Мы непременно попадемся! Что о насъ подумаютъ?

— Миссисъ Тиббсъ! Миссисъ Тиббсъ! — надѣдалась опять вдовица.

— Что случилось?—заоралъ Гоблеръ, выскочивъ изъ своей комнаты, подобно дракону въ театрѣ Астлея.

— О, мистеръ Гоблеръ!—кричала миссисъ Блоссъ, близкая къ истерикѣ;—кажется, въ домѣ пожаръ или къ намъ забрались воры. Я слышала страшный шумъ.

— Дьяволъ морочитъ васъ!—снова гаркнулъ Гоблеръ, скрываясь обратно въ свою берлогу въ видѣ удачнаго подражанія вышеупомянутому дракону и тотчасъ возвращаясь назадъ съ зажженною свѣчой.—Какъ? Что это значитъ? Уисботль! Томкинсъ! О'Блири! Агнеса! Что за чертовщина, всѣ на ногахъ и всѣ одѣты?

— Непостижимо!—воскликнула миссисъ Блоссъ, которая поспѣшно сбѣжала внизъ и схватила подъ руку мистера Гоблера.

— Кто-нибудь, позовите сейчасъ миссисъ Тиббсъ,—говорилъ Гоблеръ, поворачивая въ гостиную.—Какъ! Миссисъ Тиббсъ и мистеръ Ивенсонъ!!

— Миссисъ Тиббсъ и мистеръ Ивенсонъ!—повторяли всѣ хоромъ, когда злопудучная чета была обнаружена: миссисъ Тиббсъ нашли сидящей въ креслѣ у камина, а мистера Ивенсона стоящимъ возлѣ нея.

Сцену, послѣдовавшую за этимъ открытіемъ, мы предоставимъ воспроизвести воображенію читателя. Скажемъ только, что миссисъ Тиббсъ тотчасъ почувствовала себя дурно и что потребовались соединенныя усилія мистера Уисботля и мистера Альфреда Томкинса, чтобъ не дать ей свалиться съ кресла. Ивенсонъ, конечно, пустился въ объясненія, которыя, однако, были приняты съ явнымъ недовѣріемъ. Агнеса опровергала обвиненія миссисъ Тиббсъ, доказывая, что она только договаривалась съ мистеромъ О'Блири насчетъ того, чтобъ расположить къ нему ея госпожу. Гоблеръ тутъ же охладилъ пылкія надежды ирландца, сознавшись, что онъ успѣлъ посвататься къ вдовушкѣ и получилъ ея согласіе. Агнесѣ было немедленно отказано отъ мѣста, а мистеръ О'Блири самъ отказался отъ комнаты въ домѣ миссисъ Тиббсъ, уклонившись, однако, отъ скучной формальности денежнаго разсчета съ хозяйкой. Теперь этотъ разочарованный молодой человѣкъ поносить Англію и англичанъ, клятвенно увѣряя, что истинной добродѣтели и утонченныхъ чувствъ не сыщешь нигдѣ, „кромѣ Ирландіи“. Повторяемъ, что мы могли бы рассказать все это, но намъ пріятно совершенствоваться въ самоотреченіи и потому мы сочли за лучшее уступить этотъ матеріалъ живой фантазіи читателя.

Лэдди, описанной нами здѣсь подъ именемъ миссисъ Блоссъ, не существуетъ больше. Есть миссисъ Гоблеръ. Миссисъ Блоссъ покинула насъ навсегда. Въ замкнутомъ уединеніи, въ Ньюингтонѣ-Бэттсѣ, далеко-далеко отъ шумной суеты громаднаго Бордингъ-Гауза, именуемаго свѣтомъ, блаженствуютъ достойный зависти Гоблеръ и его милая жена, наслаждаясь своими обоюдными сѣто-

ваніями, своимъ обильнымъ столомъ и своими лѣкарствами. Эту достойную чету восторженно благословляютъ всѣ поставщики животной пищи на три мили въ окружности.

Мы охотно остановились бы на этомъ пунктѣ, но на насъ лежитъ тягостный долгъ, отъ исполненія котораго мы не въ правѣ уклониться. Мистеръ и миссъ Тиббсъ разошлись по взаимному согласію, и за миссъ Тиббсъ утвердили половину 43 фунтовъ стерлинговъ 15 шиллинговъ и 10 пенсовъ, составлявшихъ, какъ было упомянуто нами выше, ежегодный доходъ ея мужа; мистеру Тиббсу остается другая половина. Онъ проводитъ вечеръ своей жизни въ уединеніи и существуетъ на свои скромныя, но независимыя средства. Мистеръ Тиббсъ живетъ среди первобытныхъ поселенцевъ въ Уолбуортѣ, и мы узнали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что заключеніе разсказа о волонтерахъ было услышано въ маленькой тавернѣ того почтеннаго мѣстечка.

Несчастливая миссъ Тиббсъ рѣшила избавиться отъ всей своей движимости съ помощью аукціона и покинуть жилище, гдѣ она столько выстрадала. Мистеру Робинсу поручили руководить продажей, и высокія дарованія литературныхъ джентльменовъ, состоящихъ при аукціонной камерѣ, посвящены теперь задачѣ составить предварительное объявленіе. Въ него должно войти, среди множества блестящаго матеріала, семьдесятъ восемь словъ крупными литерами и шесть оригинальныхъ ссылокъ въ кавычкахъ.

К О Н Е Ц Ъ.

Календари „Сельского Хозяина“.

За 1889 годъ: Помѣщено свыше 150 практическихъ статей по травосѣянію, полеводству, сел.-хоз. машинамъ и орудіямъ, по удобрѣнію полей и луговъ, по садоводству, огородничеству и бахчеводству, по виноградарству, по борьбѣ съ вредными насекомыми и животными, по скотоводству, молочному хозяйству, доенію и уходу за выменемъ, по ветеринаріи, птицеводству, пчеловодству и друг. отраслямъ сел. хозяйства.

Около 300 стран. большого формата. Цѣна 80 коп., съ пересылкой 1 руб.

За 1900 годъ: полеводство и луговое хозяйство. Системы хозяйства, поповодствъ и сѣвообороты для разл. системъ хозяйства и разл. почвенныхъ и климат. условий. Обмѣненіе и уходъ за дугами, пастбищами и выгонами. Число рабочихъ на 1 десят. для разл. полевыхъ работъ. Важнѣйшія удобрительныя вещества. Какъ удобрять поля и дуга. Посѣвное зерно (годность его, очистка, подготовка къ посѣву, уничтоженіе головни, вадѣлка сѣмянъ, температура прорастанія). Составъ части сел.-хоз. продуктовъ и отбросовъ технич. производствъ. Изъ практики выдающихся хозяйствъ, по **СКОТОВОДСТВУ:** Средній составъ кормовыхъ веществъ. Содержаніе кормовыхъ веществъ, кормовыя нормы. Количество и качество навоза отъ дом. животныхъ. Течка и продолжительность ея. Прорываніе и сѣна зубовъ у дом. скота. Кармашный скотолечебникъ. Кармашное пособие для выбора и ухода за вемлед. орудіями и машинами.

Около 250 страницъ. Цѣна 50 коп., съ пересылкой 65 коп.

За 1901 годъ: Перечень работъ по мѣсяцамъ по садоводству и огородничеству: Въ овощномъ огородѣ, теплицѣ, плодовомъ саду, въ парникѣ, питомникѣ, въ орыжерокѣхъ и т. п. по **ЛѢСОВОДСТВУ.** Календарь работъ, оцѣнка лѣсовъ, лѣсоразведеніе. **КАЛЕНДАРЬ ОХОТНИКА.** **ПЧЕЛОВОДСТВО:** Распространеніе и описаніе работъ на пасѣкѣ по мѣсяцамъ. Разведеніе медоносныхъ растений. Обученіе пчеловодству. **ПРОИЗВОДСТВО СИДРА.** Крайное пособие для выбора вемледѣльческихъ машинъ и орудій и ухода за ними.

Около 230 страницъ. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 к.

За 1902 годъ: Кромѣ адресной части (учрежденія, сел.-хоз. общества и т. п.), помѣщены: все сел.-хоз. и лѣсныя учебныя заведенія, сады, рассадники, питомники и лѣсныя дачи, бюро, лабораторіи и опытные станціи. Отводъ казенной земли частнымъ лицамъ въ Сибири. Какъ получать ссуды на сел.-хоз. улучшенія. Общій уставъ работниковъ. Отпускъ древесныхъ саженокъ и сѣмянъ изъ казенныхъ лѣсныхъ частей. О преміяхъ за труды по лѣсоразведенію. Количество строительныхъ матеріаловъ по урочному положенію. Работы: плотничныя, столярныя, каменныя, печныя, сѣзанка черныхъ половъ и потолковъ, штукатур. и малярныя работы, стекольныя и кровельныя. Монеты, мѣры русскія и иностранныя.

Свыше 300 страницъ. Цѣна 50 коп., съ пересылкой 65 коп.

За 1903 годъ: Заключаетъ въ себѣ свыше 100 практич. статей по разл. отраслямъ сел. хозяйства и кромѣ того **ПОДРОБНЫЙ СПИСОКЪ ХОЗЯЙСТВЪ**, откуда можно приобретать племенныхъ животныхъ, сѣмена и т. п.

Около 350 страницъ, въ изящномъ переплетѣ. Цѣна 1 рубль.

За 1905 годъ: Помѣщено свыше 50 практич. статей по разл. отраслямъ сел. хозяйства. Съ особымъ приложеніемъ: „**СПРАВОЧНАЯ КНИГА ПО МОЛОЧНОМУ ХОЗЯЙСТВУ**“, представляющимъ собою энциклопедію молочнаго хозяйства со мног. рисунками.

Свыше 250 страницъ, въ изящномъ переплетѣ. Цѣна 1 рубль.

За 1906 годъ: Помѣщено свыше 50 практич. статей по разл. отраслямъ сел. хов. Особое приложение: „**СПРАВОЧНАЯ КНИГА ПО ПТИЦЕВОДСТВУ**“. Календарь птицевода. Выборъ плем. птицы, царованіе и выборъ плем. яицъ, кладка яицъ и насиживание. Гнѣзда, курятники, инкубаторы и искусство. ятки. Инкубаци. Кормленіе птицы, откормъ и убой. Пересылка яицъ и битой птицы, перевозка по жел. дор. живой птицы (правила и стоимость); куда можно сбывать яйца, битую и живую птицу. Новый американскій стандартъ куръ, индѣекъ, утокъ и гусей.

Свыше 250 страницъ, въ изящномъ переплетѣ. Цѣна 1 рубль.

За 1907 годъ: Кромѣ обычныхъ свѣдѣній содержитъ: **ПОДРОБНЫЙ СПИСОКЪ** имѣній, гдѣ можно приобрести изъ первыхъ рукъ племенныхъ животныхъ, саженокъ, искусство, удобренія и т. п. Особое приложение: „**СПРАВОЧНАЯ КНИГА ПО ПОЛЕВОДСТВУ И ЛУГОВОДСТВУ**“, представляющая собою энциклопедію главнѣйшихъ отраслей сел. хозяйства.

Около 300 страницъ, въ изящномъ переплетѣ. Цѣна 1 рубль.

При требованіи книгъ одновременно на сумму не менѣе 2 руб., перес. бесплатна.

**КРУШЕНИЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ПОЕЗДА**

17 октября 1888 г.

Большая историческая картина, отпечатанная въ 22 краски (выш. 21 д., шир. 30 д.), известнаго художника Н. Н. НАРАЗИНА.

Цѣна 1 руб. съ перес.

ВОДОПАДЪ КИВАЧЪ.

Большая картина (выш. 20 д., шир. 30 д.), отпечатанная масляными красками, съ оригинала известнаго художника акад. В. Г. НАЗАНЦЕВА.

Цѣна 1 руб. съ перес.

СЕНСАЦИОННАЯ ОПТИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ.

СТЕРЕОБИХРОМОСКОПЪ

И КЪ НЕМУ

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ (АНАГЛИФОВЪ),

исполненныхъ красками, изображающихъ живонные виды всѣхъ странъ, выдающихся событій, снимки съ художественныхъ произведеній. **Стереобихромоскопъ** представляетъ последнее слово *оптической техники*.

даетъ полную иллюзію разсматриваемыхъ сюжетовъ при свѣтовомъ эффектѣ.

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 75 коп.

Альбомъ фототипій.

20 художественно исполненныхъ фототипій съ картинъ известнаго художника.

Въ изящной папкѣ, исполненной известной художницей

САМОКИШЪ - СУДНОВСКОЙ.

Цѣна 1 руб., съ пересыл. 1 руб. 20 коп.

Альбомъ „Народы Россіи“.

(Вѣлоруссы. — Великоруссы. — Малоруссы. — Поляки. — Латыши. — Литовцы. — Татары. — Евреи. — Цыгане. — Эсты. — Нѣмцы. — Черемисы. — Мордва. — Финны. — Персы. — Грузины. — Черкесы. — Арияне. — Гурійцы. — Калыки. — Тевмяцы. — Киргизы. — Тяджики. — Самоѣды. — Якуты. — Гольды. — Чукчи. — Лопари. — Гиляки). Известнаго художника Е. П. Самокишъ Судновской. Въ изящ. худож. папкѣ ц. 50 к., съ пер 65 н.

Альбомъ Франко-Русскаго Союза.

Первое путешествіе Императора Николая II во Францію.

Больш. формата съ портрет. и рис. художн.: *Амато, Бунина, Овсянникова и Чикина*. Ц. 25 к., съ пер. 30 к. (мож. почт. нарк.) У. К. М. Н. П. допущено въ безпл. нар. библ.

Праведная Кончина

Царя-Миротворца.

Иллюстр. альбомъ больш. форм., 20 стр. текста, съ рис. худ. *Амато, Завитаева, Овсянникова, Писемскаго, Соколовскаго, Чикина* и др. Цѣна 50 к. съ перес. 65 к. У. К. М. Н. П. допущено въ безпл. нар. библ.

При выпискѣ книгъ одновременно на 2 руб. и болѣе перес. безплатно.